ISSN 0134 – 241X

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

6 (768) июнь, 2021

www.uralstalker.com

Бобр добр

СЕКРЕТНАЯ БАЗА АРКТИКИ

ПЕРЕД ЛЕТНИМ СЕЗОНОМ

НЕ ЗАБЫВАЙ НАС

9 770134 241006 21006

УРАЛЬСКИЙ следопыт
ISSN 0134-241X
www uralstalker.com

Июнь 2021

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.
Консультант – Ю.А. Горбунов.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
На обложке – 1 стр.: Фото Николай Плотников. 4 стр.: Фото Наталия Дудко.
Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2021 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7(343)269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru **www**.uralstalker.com

**«Уральский следопыт», №6 (768), 2021 г.
Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.**

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком УС, публикуются на правах рекламы.

Проект «Счего начинается Родина» выходит при финансовой поддержке Фонда Президентских грантов

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
- **Почтовые отделения России: Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316**
- **Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»**

αэлита
Журнал в журнале

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №6, 2021 г. Подписан к печати 01.06.2021 г. Дата выхода 05.06.2021. Цена свободная. Печать офсетная. Отпечатано ООО «Периодика», 623751, Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16. Телефон: +7 (34364) 33-66-5. Тираж 11000. Заказ №

Содержание

Встречный ветер

Добрые попутчики
Куда ни пойдешь — всюду в кампус попадешь! 18

Путешествие по Уралу
Ю.ШЛЕНТОВА
Увидеть — и не быть пойманными.....22

Фотолетопись
Н.ПЛОТНИКОВ
Территория бобра 24

Юбилей
Л.КРАПИВИНА
Зов моря 28

Версия
Ю.МАМОНТОВ
Лететь нельзя не лететь.....38

Прокачаем
Е.ВАТАГИН
«Турецкий подъем» для подъема на вершину.....42

Наши проекты
Н.ДУДКО
Командный опыт 44

Река времени

Традиции
А.КУЗНЕЦОВ
Фара и минорис 3

Родословная
С.ГОНЧАРОВА
Мой дед — Герой..... 6

Далёкое-близкое
Р.БУРАНБАЕВА
Письма с границы.....10

День Победы
В.КРАСУСКИЙ
Истребители танков.....14

Никто не забыт?
С.КУДРЯВЦЕВ
Второй фронт 19

Тропой поиска
Н.ВЕХОВ
Операция «Кладоискатель» 32

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Фара и минорис

Первые сельские школы на территории Удмуртии

Первая в Удмуртии и во всей Вятской губернии сельская школа возникла в селе Гольяны в 1807 году, на месте впадения одноименной реки в полноводную Каму. Типовой проект школы за несколько десятков лет появился по всей губернии, буквально в каждом селе.

▲ Место постройки первой школы в Гольянах (рядом со зданием арсенала)

Александр Кузнецов

Основатель частного музея с. Гольяны, Завьяловский район, Удмуртская республика.

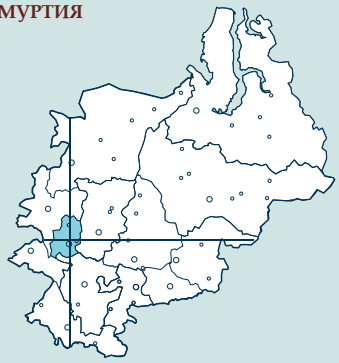
Земская школа как тип массового народного обучения возникла в России с повсеместным учреждением земств (выборных органов местного самоуправления) в сельской местности. До этого школы на селе могли создаваться лишь как церковно-приходские (при храмах), начиная с первой половины 18-го века, где существовали попытки обучению грамоте, церковнославянскому и даже латинскому языку.

Возникновение школ

Созданию земских школ на селе предшествовало открыто в городе Вятке первого в губернии четырехклассного народного училища в сентябре 1786 года, которое спустя 15 лет преобразовалось в гимназию. Подобные училища были открыты также в городе Слободском и в уездных городах Котельниче, Нолинске, Сарапуле. В царствование Александра I были открыты уездные училища в Елабуге, Глазове, Сарапуле и Яранске, Слободском, Орлове, Котельниче, в том числе и в одном из крупных сел Вятской губернии — Вожгалах (в 1829 г.).

Первая сельская школа на территории современной Удмуртии, согласно архивным данным, открылась в 1807 году в селе Гольянах, спустя через 17 лет после открытий школ в главных городах Вятской губернии. *«… В 20-е гг. 19-го века такие школы были открыты в следующих се-*

УДМУРТИЯ



Иллюстрации предоставлены автором

◀ Аналог довоенного гражданского деревянного строения на селе

▲ Первая школа 1807 года на плане постройки Гольянской пристани от 13 ноября 1848 г.

▲ План постройки второй школы в селе Гольяны (1848 год)

▼ Нижняя часть села Гольяны по течению Камы

лах: Гольяны, Завьялово, Юськи. Ежегодно в них обучались до 30 человек в каждой. …С отменой обязательного начального обучения непременных работников в 1863 году на Ижевском и Воткинском заводах школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения и преобразованы в одноклассные с двух-трёхлетним курсом обучения». Земские школы, находящиеся в ведомственном подчинении Министерства народного просвещения, стали самым массовым типом начального обучения (3–4 года обучения) в России до прихода к власти большевиков.

Чему и как учили

В школе учили грамотно писать и говорить, считать, а также преподавался старославянский язык, включая церковное пение. Обучение было бесплатным. Школы содержались земствами. Финансирование школ было совместным, осуществлялось за счёт местных сельских сообществ, а также из волостных и земских средств, а также казны (госбюджета). Прототипом земских школ на селе были «одноклассные» (где дети разных воз-

Гольянская школа II ступени

ШКОЛЬНАЯ СѢТЬ

Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи,

составлена въ 1908 году.

съ приложеніемъ

финансоваго плана введенія всеобщаго обученія.

Описание школьной сети Вятской губернии

растов обучались в одном классе) церковно-приходские школы, учрежденные повсеместно еще в первой трети 19-го века.

Согласно правилам, церковно-приходскими являлись школы, открываемые приходскими священниками или другими членами причта на средства прихода, с пособием от сельских обществ, казны или частных лиц. На съезде благочинных Вятской епархии в 1885 г. заявлялось, что не нужно открывать в своих благочиниях церковно-приходские школы, главным образом, из-за отсутствия средств, а также из-за того, что почти в каждом селе уже имелись земские школы.

Учебный год в земской школе продолжался не более семи месяцев (с октября по май). Была шестидневная учебная неделя, а каждый день было 4–5 часовых уроков, с переменами и обеденным перерывом. Учитель в единственной классной комнате проводил занятия с тремя отделениями учеников (по году обучения) одновременно. Оценки ученикам не выставлялись, единственным средством, ведущим к хорошей успеваемости, в земской школе считалось поощрение интереса самих детей к учёбе. Такой позитивный педагогический подход к детям и обучению давал плоды.

Школьная сеть

Сохранились планы земских школ Гольянского края, а также планы домов, сданных в аренду под земские школы по Гольянской волости. В Сарапульском музее Прикамья, в Отделе редких книг, был найден статистический сборник *«Школьная сеть Сарапульского уезда Вятской губернии. Составлена в 1908 г. »*, в котором приведена статистика начальных школ 24-х волостей Сарапульского уезда: Дебесской, Петропавловской, Тойкинской, Зюзинской, Сосновской, Шарканской, Перевозинской, Воткинской, Июльской, Гольянской и других.

На примере Гольянской волости виден масштаб распространения школьного образования на селе. Школьные здания строились по одному типовому проекту. Местонахождение одной школы из двух гольяновских школ удалось определить по старинной фотографии. Сохранились также фото и учителей с учениками этих школ.

В огне революции

1917–1918 учебный год был последним годом в истории земских и церковно-приходских школ в России. *«… Когда село бомбили… (в 1919 г.), мы только сели пить чай, и тут началась бомбежка, я опять бежать из дому. И вот так бегала. Бомбили село сутки. Начали в часов десять в Троицу и дотемна все стреляли. Мы прятались в Ананьинском логу. Через наши головы снаряды летали: с кладбища наши (красные) стреляют в Поваренки, оттуда летят снаряды белых. А ночью гроза началась, дождя не было, а только сверкало да гром гремел. А утром опять начали бомбить. Сгорело тогда домов тридцать, а вот убитых не было. Сгорели тогда и обе школы…»* В огне Гражданской войны в буквальном смысле сгорели школы в селе Гольяны. УС

Мой дед — Герой

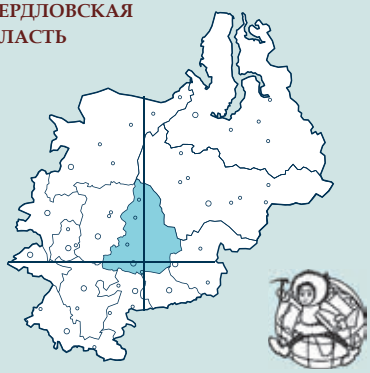
▲ Река Пышма у города Сухой Лог

В 1939 году состоялся первый выпуск молодых командиров Свердловского пехотного училища, среди которых был и мой дед — Коковин Фёдор Иванович. В день начала советско-финской войны он был направлен в Карелию. За участие в боевых действиях в марте 1940 года он был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Светлана Гончарова

Внучка героя очерка. Родом из города Асбест Свердловской области. Выпускник исторического факультета УрГУ, педагог. Признавалась «Лучшим директором школы» в городском конкурсе. Любимое занятие — чтение и сочинительство. Дочь ее продолжает педагогическую династию..

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ



Все дети в детстве мечтают побывать в гостях у бабушек и дедушек. Я точно об этом мечтала. Ведь у меня и моего младшего брата Павлика их фактически не было. Бабушка Валя (мама папы) жила в Ивановской области, ездить было далеко и дорого для семьи в 70-е годы. С маминой стороны бабушка Таня умерла, когда мне было четыре года, а брату только годик от роду. Поэтому нашими с братом бабушкой и дедушкой безоговорочно стали Мария Ивановна Лещенко (Коковина) — младшая сестра моего деда по маме Фёдора, и её муж — Степан Семёнович Лещенко. Сколько себя помню — это были всегда баба Маня и дед Степан.

Наша семья — мама, папа, я и младший брат — на все советские и семей-

▶ Коковин Федор Иванович в 1939 году

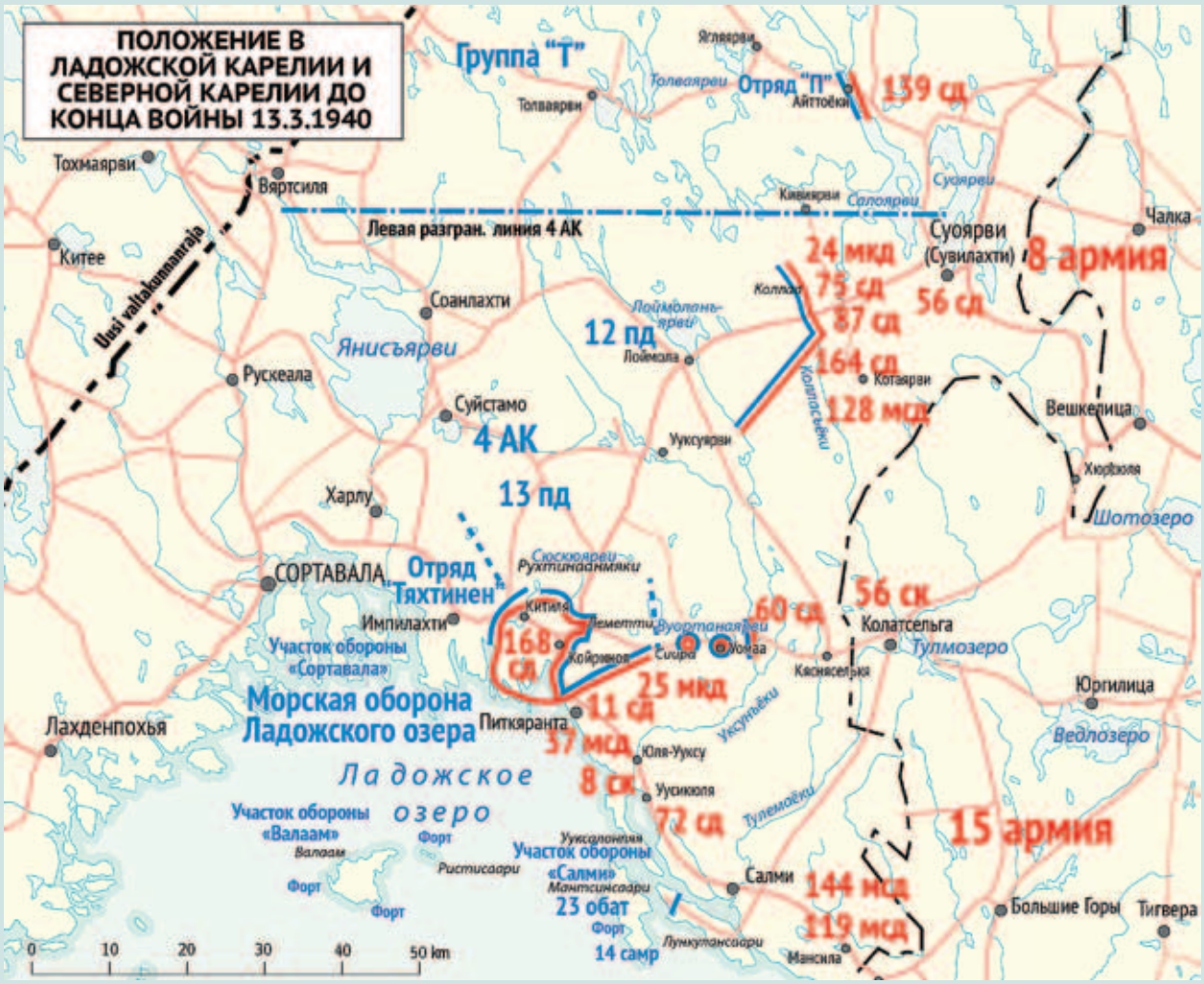
Фотографии из семейного архива автора

ные праздники традиционно приезжали в город Сухой Лог к бабе Мане. Там нас всегда встречал большой хлебосольный стол, улыбки на радостных лицах бабы Мани и деда Степана, их дочки Любочки. Принимать гостей и им радоваться Мария Ивановна научилась ещё в детстве у своей матери — Прасковьи Михайловны Коковиной. К Лещенко в дни нашего приезда всегда приходил дед Роман (младший брат моего деда Фёдора) с семьёй и взрослые начинали что-то обсуждать. Мы, дети, взбирались на печь и рассказывали свои секреты друг другу. Примерно лет в семь, как-то раз, когда все гости вышли в огород или во двор, баба Маня взяла меня за руку и подвела к портрету тридцатилетнего молодого военного. Так я познакомилась со своим родным дедом, отцом моей мамы, Фёдором Ивановичем Коковиным. Она и рассказала мне, что мой дедушка погиб в советско-финскую войну в Карелии у озера Парти-Яр 6 марта 1940 года. Мария Ивановна сказала мне, что после её смерти этот портрет станет моим.

Шли годы. Я училась на историческом факультете университета, работала в школе. Мы продолжали приезжать в Сухой Лог в гости. О войне в семье за столом говорили мало. На то были свои причины. Но всякий раз я проводила какое-то время у портрета деда Фёдора. Мне нравилось с ним разговаривать молча, я рассказывала ему (портрету) о всех изменениях, происходящих в моей жизни. Именно тогда я узнала, что весь семейный архив прадеда и деда находится у Романа Ивановича. Оказалось, что Роман Иванович добился увековечивания имени Фёдора Ивановича на мемориальной плите у здания современного Сухоложского огнеупорного завода. Мама постоянно просила Романа Ивановича отдать ей документы по отцу, чтобы заняться поиском его места гибели и места захоронения. Но всегда получала один и тот же ответ от него: «Документы, Ираида, получишь только после моей смерти». Мама завещала мне найти и по возможности побывать на месте гибели и захоронения её отца. В августе 2020 года Валентина Романовна (старшая дочь деда Романа) наконец-то передала мне в руки весь семейный архив Коковиных. Фёдор Иванович родился в 1910 году в деревне Брусяна в семье крестьянина. Он никогда не стыдился своего социального положения, рассказывала мне маленькой ещё баба Маня. Он рос работящим, весёлым парнем. На него в первую очередь легла забота о младших детях семьи, в том числе и о Романе и Марии. Много помогал отцу в поле.

В девятнадцать лет Фёдор вместе с отцом пошёл работать на стройку — строили Сухоложский шамотный завод. Начал работать простым землекопом. «*Работали сотни землекопов, вереницы повозок, запряжённых лошадьми, и грабарок, нагруженных землёй, бутом, песком и лесом, которые непрерывным потоком двигались по строительной площадке. Работа велась ударными темпами и не прекращалась ни днем, ни ночью*». Когда же строили первые корпуса завода, он перешел работать каменщиком. В это же время Фёдор Иванович избирается молодёжью завода секретарем ВЛКС и совмещает основную работу с работой заведующего отделом кадров завода.

В 1930 году появляется новая редакция « Закона об обязательной военной службе», по которому в армию призывали с 21 года на 5 лет. Повышается престиж службы в РККА. Объявлен новый очередной комсомольский призыв в РККА. Среди призывников 1932 года



◀ Последнее фото Федора Коковина, 17 февраля 1940 года

▲ Среди курсантов Свердловского пехотного училища, 1939 год

был и комсомольский вожак Сухоложского шамотного завода, балагур и весельчак двадцатидвухлетний Фёдор Коковин. Об этом свидетельствует Справка, выданная ему в 1938 году в Свердловском пехотном училище. Фёдор уже был его курсантом. Попал он туда сразу после службы в действующих рядах РККА. Следовательно, служил Фёдор Иванович в действующих рядах РККА с 1932 по 1936 год.

Нельзя не сказать несколько слов о самом училище. Уже установленный факт, что Свердловское пехотное училище было создано на основании директивы штаба Уральского военного округа № ш-41/1021 м от 14 мая 1936 года. Поступить в пехотное училище мог любой молодой человек, имеющий образование 7 классов и подавший заявление. Значит, дед имел образование и учился в одной из сухоложских школ. Занятия в пехотном училище, находящемся в здании современного Екатеринбурского суворовского училища, начались 1 октября 1936 года. Набрано было четыре роты будущих молодых командиров. В это время у Фёдора Коковина подрастала в Сухом Логу дочка — Ираида — моя мама.

Годы учёбы в Свердловском пехотном училище были для него самым значимым событием. Баба Маша вспоминала, что он очень захотел стать военным и посвятить военной службе всю свою жизнь. Тем не менее, каждое его письмо, присланное из военно-полевого лагеря училища из-под города Камышлова в 1937 году, или с учений из Удмуртии в 1938 году, или из самого училища в Свердловске в 1939 году, начиналось с приветствия отцу, матери, брату, сестре и обязательно дочери. Большая часть писем посвящалась не описанию службы и учёбы, а представляла незримый разговор старшего сына с родителями и младшими детьми семьи о том, какой он хотел видеть их жизнь, как заботился о них. Читая письма деда, я непроизвольно на себе ощущала его тепло и внимание, заботу и какую-то мужскую ласку. Я гордилась тем, что он был настоящим мужчиной.

В 1939 году состоялся первый выпуск молодых командиров Свердловского пехотного училища, среди которых был и мой дед. Об окончании учёбы в училище он сообщает родным 14 августа 1939 года в одном из последних сохранившихся писем того периода, обещает в сентябре этого года приехать к ним. Отпуск был недолгим после окончания училища. В ноябре же этого года, в день начала советско-финской войны, Коковин Фёдор Иванович был направлен в действующую армию. В семейном архиве я нашла письмо без даты, но предположительно, именно периода ноября-декабря 1939 года. Дед писал родным, чтоб они не беспокоились за него, берегли себя, и вернётся он после Победы. К этому выводу меня привела и приписка в конце письма, в которой был сообщен адрес полевой почты: «*Действующая Армия. Полевая почтовая станция № 478, 374 с.п. Штаб 2-го батальона. Коковину Ф.И.*» Это последнее из архива нашей семьи сохранившееся до нашего времени письмо моего деда. В архиве я нашла и последнюю

прижизненную фотографию Фёдора Ивановича в зимнем обмундировании, датированную 17 февраля 1940 года, сделанную за пятнадцать дней до его гибели в Карелии 06.03.1940 года. Он успел отправить ее домой в город Сухой Лог Свердловской области самым дорогим людям — своей семье.

Вот с этого письма и еще двух листочков, написанных от руки командиром второго батальона Федотовым и извещавшим родителей деда о его смерти, я в августе 2020 года начала свой поиск точного места гибели и захоронения Фёдора Ивановича. Приведу строки этой записки: *«Коковин Фёдор Иванович. В бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 6 марта 1940 года. Похоронен в районе действий у озера Парти-Яр. Командир части. Военный комиссар».*

В социальных сетях я не нашла сведения об озере Парти-Яр, но увидела информацию об озере с созвучным названием — озеро Пертьярви в Олонецком районе Республики Карелия. Позже выяснилось, что 374 стрелковый полк 128 моторизованной стрелковой дивизии (МСД) 14 стрелкового корпуса 8-й армии активное участие принимал в боевых действиях в советско-финскую войну в районе города Суоярви. Боевые действия 8-я армия вела в районе поселения Лоймола. Именно на этом направлении действовала 8-я армия в обход Ладожского озера, направляясь в тыл линии Маннергейма. На этом направлении финны сосредоточили до трёх дивизий на рубеже: Толваярви — станция Лоймола — Кителя — Уксулпийоки. К зиме 1940 года на Карельском перешейке у финнов имелась густая сеть заграждений, состоящая из проволочных заграждений, противотанковых рвов, завалов и минных полей. Населённые пункты Корписельская, Суоярви, Сами и другие были превращены в сильно укрепленные узлы сопротивления 8-й армии.

Мне писали карельские друзья, что в районе Суоярви есть объекты, созвучные с «Колоярви» — озеро Котаярви и урочище Котаярви, расположенные недалеко от перекрестка дорог на Питкяранта — Сортавала — Вяртсиля. Там находятся несколько братских захоронений советских воинов периода советско-финской войны. Возможно, по следам боевых действий 128 мотострелкового батальона в районе города Суоярви можно было найти место, где и захоронен мой дедушка — Коковин Фёдор Иванович.

Очень символично, что 20 февраля 2021 года, в канун Дня защитника Отечества, мне пришёл долгожданный ответ из Суоярви. В письме Глава Администрации города Суоярви сообщил мне, что действительно есть место захоронения моего дедушки — Коковина Ф.И., которое находится между озером Корпиярви и озером Улисман-Ярви. Само захоронение находится в труднодоступном месте, дороги до места захоронения нет. Останки погибших там советских солдат были найдены челябинскими поисковиками в 2014 году и перенесены в братские могилы поселения Лоймола. Через 80 лет наша семья узнала о месте гибели и захоронения Коковина Фёдора Ивановича. В этом же году я узнала от родственников, что за участие в боевых действиях в Карелии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19.05.1940 года дед посмертно награждён орденом Красного Знамени. Награда не была вручена родственникам (из архива ЦГАСА).

Событиям 6 марта 1940 года, бою, в котором погиб мой дед, были посвящены статьи уфимской журналистки, поисковика Буранбаевой Р.Н. Следует отметить, что именно она впервые подняла на страницах Уральского Следопыта вопрос о существовании и истории Свердловского пехотного училища. Именно она дала надежду родственникам первого выпуска 1939 года узнать о них как можно больше, найти их место гибели и место захоронения.

▶ Выпускники училища 1939 года (в центре – Коковин Ф.И.)

▲ Старожилы Сухого Лога Коковины Иван Яковлевич и Просковья Михайловна

В тридцать лет молодой мужчина, полный сил, мечтавший и о карьере военного, и о служении Родине, отдаёт свою жизнь за Родину, за то, чтобы через двадцать лет на свет появилась я, а затем через три года после меня и мой брат — его внуки. Идя в бой 6 марта 1940 года за поселение Лоймола, он об этом и не мог даже предполагать. Ещё предстоит многое узнать о нём, найти и узнать. Главное — выполнить до конца мамину просьбу — съездить на предполагаемое место захоронения деда и привезти оттуда земли на могилы мамы, родителей деда, его младших брата и сестры. УС

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Письма с границы

Раннее утро 22-го июня

БАШКОРТОСТАН

Я никогда не видела столь сильной тоски младшего брата по старшему, не вернувшемуся с войны. Ко мне пришел Дмитрий Михайлович Степанов с огромной кипой архивных запросов и ответов: «Всю жизнь ищу, где и как погиб старший брат Валя. Помогите!»

Римма Буранбаева

Филолог, поисковик. Жила в Нью-Йорке, Бонне. Ею найдено более 800 солдат и офицеров, без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны. Награждена памятной медалью «Патриот России». Живет в Уфе.

Фотографии предоставлены автором

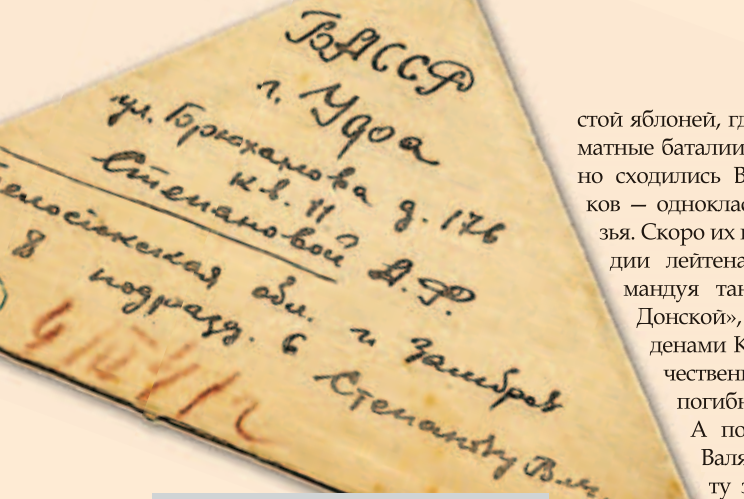
Пришлось перевернуть интернет, перечитать журналы боевых действий и военные мемуары, чтобы найти: «*Ранним утром 22 июня в Белостоке, во время плотной бомбежки штаба 10-й армии, самой мощной на западной границе СССР, две авиабомбы попали в казармы курсантов*»…

Он погиб на стыке мира и войны, 18-летний уфимский парень Валя Степанов, мечтавший стать не военным, как многие, а знаменитым физиком.

С чего начиналась для Вали Родина

Валя перечитал все книги по физике из библиотек в округе и знал, куда поедет после школы — в Ленинградский физико-технический институт. К самому академику Иоффе! Отец, Михаил Дмитриевич, заговаривал с сыном о романтике моря, мечтая видеть его морским офицером, сам инженер-технолог, влюбленный в водную стихию, по лоции Белой прокладывающий курс баржам и пароходам, но Валька уже твердо знал, чего он хочет. Заканчивая десятилетку почти отличником, сильнейшим волейболистом и стрелком, членом Осоавиахима и победителем норм ГТО (Готов к труду и обороне), он и внимание завоевал лучшей девчонки на свете — Нины Перовой…

Но все чаще по репродуктору говорилось о неспокойной ситуации в мире, который катился к большой войне. Неожиданно Валю с одноклассниками пригласили в райком комсомола и попросили повременить с поступлением в институты: осенью — призыв в армию. Надо сказать, что несколько девчонок и мальчишек из класса дого-



▲ Письмо из Замброва (Западная Белоруссия)

◀ За шахматами: Валя Степанов — погиб в войну; Боря Тюленев — умер после войны; Миша Пермяков — погиб в войну; Борис Сазонов — погиб в войну. Уфа, фото 1932 года

стой яблоней, где шли дворовые шахматные баталии, а в финале неизбежно сходились Валя и Миша Пермяков — одноклассники и лучшие друзья. Скоро их пути разойдутся. Гвардии лейтенант М. Пермяков, командуя танком Т-34 «Дмитрий Донской», будет награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2 степени, погибнет 17 октября 1944-го. А пока ясными вечерами Валя выносит во двор карту звездного неба Северного полушария, по которой они с братишкой и Мишей увлеченно сверяют созвездия, яркие звезды и планеты, метеорные потоки. Никто ещё не знает — это последнее лето перед войной. Мирной осенью 1940-го одноклассники Георгий

▲ Последнее письмо родных из Уфы на границу. 23.06.1941

варивались поступить в ленинградские институты и продолжать дружбу. Теперь парням оставалось читать письма девчонок из Ленинграда, которые в основном поступили в институт Герцена. (Через 81 год невозможно оторваться от писем, — это документы удивительно крепкой дружбы класса, — все скучают друг по другу).

Младшему брату Димке (сегодня ему 94) на всю жизнь запомнились вечера в их старинном дворике по улице Клары Цеткин. Стол под раскиди-

Никитин, Толик Шалимов, Коля Мельников, Валя Степанов и ещё один, имя которого забыто, призываются в армию — на западную границу СССР. Провожая их с уфимского вокзала вместе с родителями и сестрой Галей, Димка загадывает, что обязательно после демобилизации встретит их всех. Прощаясь с сыном, Михаил Дмитриевич передал Валентину 12 пустых открыток с просьбой писать о своих впечатлениях с дороги, а на крупных станциях отсылать домой. Можно представить, сколько этих впечатлений было у пятерых друзей, — поезд промчал их абсолютно через всю европейскую часть СССР — от Урала до западной границы страны! Они увидели красавицу Волгу, озера и пашни, деревни и большие города, — все то, что зовется Родиной. Все открытки с дороги братишка Дмитрий Михайлович хранит по сей день.

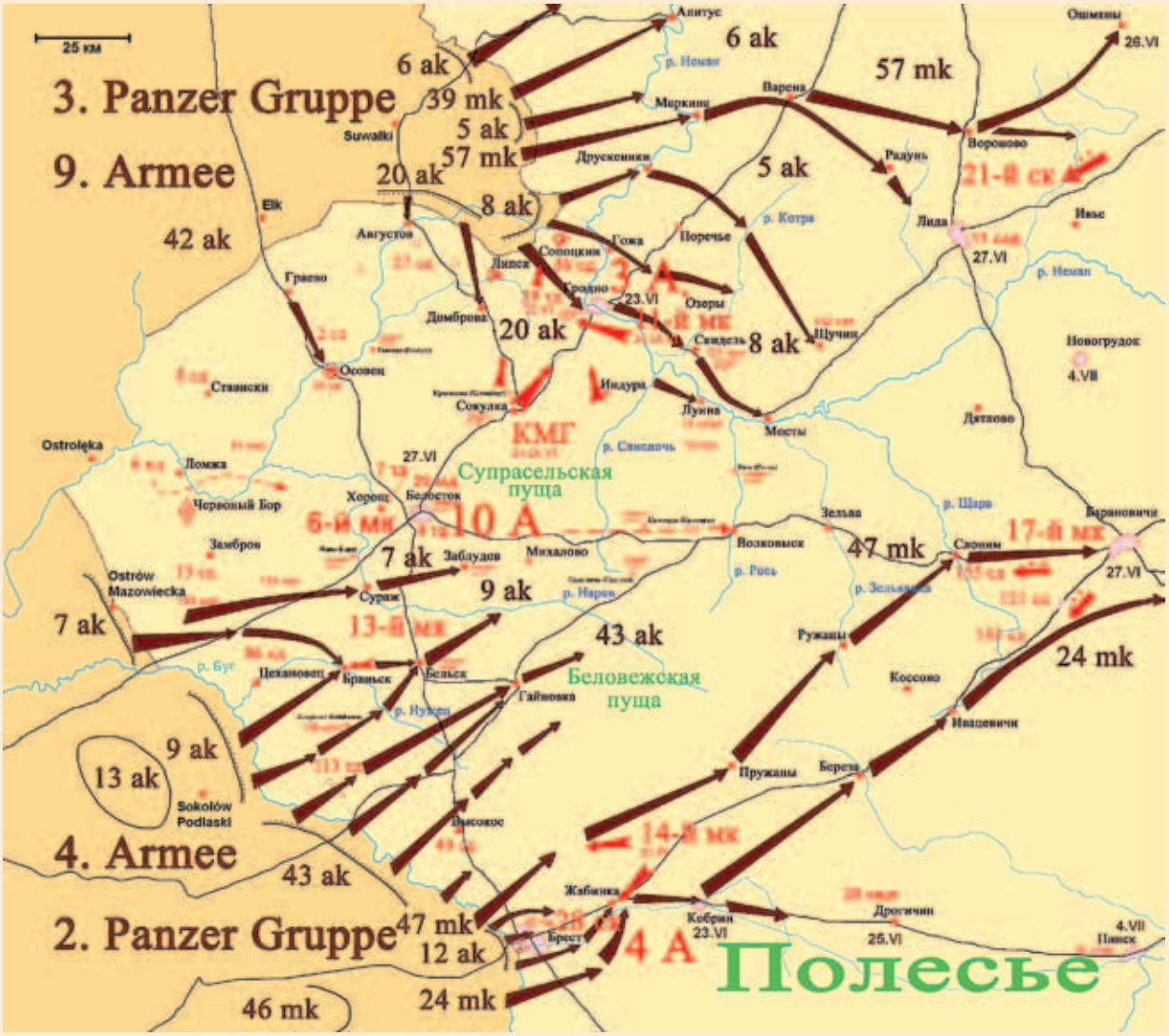
Письма из Замброва

И вот в Уфу пришел первый солдатский треугольник. Значит, Валя прибыл в пункт назначения, 48-й артиллерийский полк в городе Замбров.

31.10.1940. Граница в каких-нибудь 15–17 км от нас. Мама, ты только не волнуйся, пока что ничего опасного нет. Правда, иногда слышно, как германские пушки у себя на полигоне стреляют. Сейчас я был в наряде на кухне: выносил помои, помогал повару, колол дрова, в обед раздавал обед. Ну уж поел на славу: суп, макароны и пюре. Обычных порций нам немного не хватает, но ничего. Мама, я тебя хотел попросить, чтоб ты кое-что прислала мне, если сможешь, то пришли варежки (лучше с одним пальцем), джемпер… крему сапожного. Устаём за день чертовски. Да мыла ещё положите. Фотокарточку пришлю, наверное, не скоро. В город долго не будут отпускать, границы… Дима и Галя, у вас сейчас самое хорошее, легкое время. Помогайте папе и маме, если б я был дома, то помогал бы. Приеду — обязательно буду.

▶ Красноармеец Степанов В.М., Белосток, 1941 год

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ



▲ Боевые действия в первые дни войны на Белостокском выступе

15.11.1940. Галя, Дима! Теперь я в конной артиллерии. Привыкаю к лошадям, хоть задница не заживает, сбил ее во время первой езды, но ничего. Времени ни минуты: то в артиллерийском парке с пушками возимся, учимся наводить и т.д., то на занятиях, то в наряде, то в карауле, и так весь день — до 18–20 часов в сутки. Передайте Юсупке, Косте и Мишке, пусть они пишут мне. Пишу другим карандашом, потому что тот Генка отобрал, карандаш его. Пришлите мне тетрадки штуки две-три и карандаш. Чувствую себя хорошо, хотя если б был я дома в таких условиях, то давно бы уже валялся в постели, а здесь — ничего.

28.11.40. Я начинаю серьезно волноваться, потому что долго не получал от вас писем. Я просил прислать варежки или перчатки, лучше бы кожаные, носки простые и шерстяные, курево и спичек с бумажкой и джемпер. Все уже получили писем по 15, а я ещё только три: от вас одно, от Маруси и от Нины и всё. Я жду-жду и никак не дождусь.

10.12.1940. Только что приехал с тактических учений. Всю ночь ходили пешком, километров 40 прошли.

24.12.1940. Наконец-то вся семья написала. Большое спасибо! Каждое письмо заряжает энергией дня на 3–4. Легче служить и выполнять любую работу! Димка, из нас готовят младших лейтенантов. Сегодня целых 3 часа учебной езды на лошадях было. Ездим без стремян, чтобы научиться крепко в седле сидеть. Из пушки еще не стрелял, хотя я заряжающий. Скоро будем.

31.12.1940. Сегодня приняли военную присягу! Поздравляю вас всех с Новым годом, до которого осталось 10 часов!

4.02.1941. Ждем увольнительные в город, и я хочу сняться на фото, послать вам, но это 10 рублей. У меня нет столько. Ну, ладно. Вот только иногда бывает нужно что-либо купить (или хлеба, к выезду готовясь, или конфет на выезде), но денег нет — вот в этом большое неудобство. Если можно, пришлите рублей 50–80, а еще носки простые крепкие и шерстяные варежки, главное, чтобы крепкие были. Собираюсь подшить свои, но нет времени. С 1 февраля началась вьюга. Стреляли тоже во вьюгу. Боялись, что обморозимся, но было, наоборот, очень жарко, все вспотели.

Письма из Белостока

7.02.1941. Пишу уже не из Замброва, а из Белостока. Прислали нас с Толиком Шалимовым на курсы политруков запаса. (Военно-политические курсы при штабе 10 Армии. — Авт.). Как, мама, ты себя чувствуешь? Будьте здоровы.

24.02.1941. Здравствуйте, мама, Галя, Дима! Только что получил письмо, которое очень поразило меня. Что это значит? Почему папу арестовали? Ничего не могу понять. Неужели все время вы и я будем страдать? (По проектам отца-гидротехника было сооружено 18 технических запруд на реке

▶ В центре Степанов, справа Толик Шалимов

Белой, и три из них сорвало. Но вышестоящий Горьковский институт подтвердил, что в условиях сильного ледохода это в пределах нормы. — Авт.). *Ты, мама, мне ни денег, ни посылок больше не посылай, я и так как-нибудь проживу. Посылку, которую вы послали, думаю обратно вам отослать. Мне очень тяжело. Но вы обо мне не беспокойтесь. Береги хоть ты, мама, свое здоровье!*

1.05.1941. Здорово, оголец! Нет-нет, ты уже вырос малость. Верю. Но, наверное, очень мало, потому что в твоем письме ошибок больше, чем букв. Димка, но ты не тушуйся. На первомайском параде, Димка, мы ходили строевым шагом. Вас в Уфе тоже учат этому. Но у вас сотая часть от того, что у нас. Недаром же нам усиленные порции в столовой целых полмесяца давали. И пушки на параде были, и пулеметы, и танки. А револьверы дают только среднему комсоставу и водителям танков. Я ходил на «Богдана Хмельницкого». Хорошая картина. Ну, ладно, пока. Тут команда: «Выходи, стройся!» Пойдем на кросс.

17.05.1941. Скорей бы выяснили с папой. Пусть будет бодр.

5.06.1941. Здравствуйте, папа, мама, Димка, Галя! Только что получил письмо от тебя, папа! Ты вышел, и я этому очень обрадовался. С радости раздал товарищам все конверты! Почти каждый день играем в волейбол, в город не ходим. А город красивый! Все в цвету, вишни и яблони уже отцветают. Каштаны тоже. Погода безоблачная… Привет там всем. Ваш Валя. Это было последнее письмо.

Письма брата, сестры, мамы, отца на границу

22 июня 1941 года. Под черной тарелкой репродуктора молча собралась вся семья Степановых. Только что объявлено: началась война. Враг вторгся на западную границу Родины, где сейчас их Валентин… В эти минуты из дома неподалеку уже выбежала на почту Нина Перова, её телеграмма и письмо улетели первыми, — удержать, спасти Валю, сказать невысказанные слова...

Молчание нарушил отец: «Галя, Дима, мама, сейчас каждый из нас напишет Вале письмо».

Здравствуй, Валя! Где ты, мы беспокоимся. Услышали о войне Германии с СССР, следим за каждой новостью. Мама о тебе тоскует, плачет. Валя, хоть ты меня изредка ругаешь за ошибки, но я не сержусь. Буду поступать в железнодорожный техникум. Твой брат Димка.

Дорогой Валя! Ты сейчас на границе или в другом месте? Я хорошо прошла испытания. Осенью думаю поступать в техникум планово-экономический. Галя.

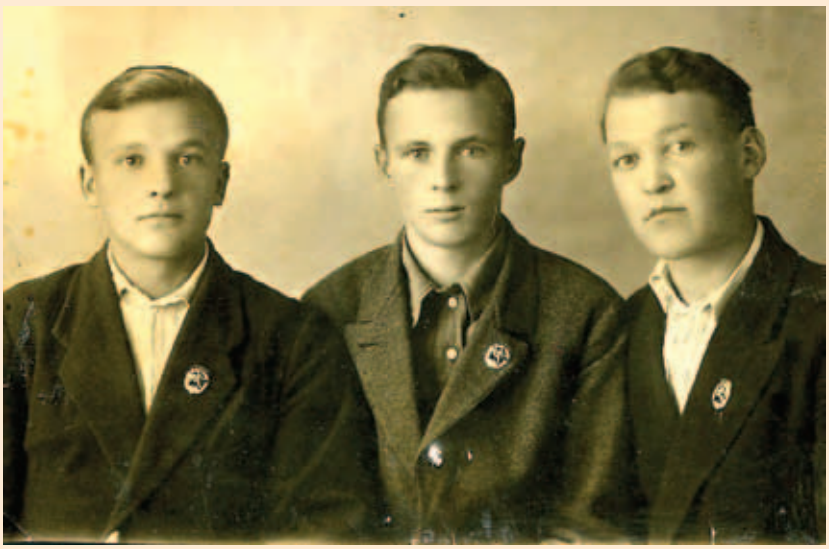
Милый наш родной Валюшенька! Господи! Где ты сейчас? Что с тобой? Прости, что я не ответила на твое последнее письмо… Валюшенька, милый, ты не унывай, родной! Знай, я за тебя буду день и ночь просить Всевышнего, чтобы он тебя спас везде и всюду и помог вам победить врага и возвратиться по своим домам, к родным. Ты тоже не забывай меня никогда и знай, что материнская молитва очень помогает, так до сих пор было. О, Господи! Помоги тебе во всем. Ты тоже, Валюшенька, проси Бога, чтобы он тебя спас везде. Мама.

(Письмо отца сыну на фронт я буду помнить всю жизнь. — ***Авт.***)

Дорогой Валя! На нашу дорогую Родину напал враг, не посмотрев на договор. Сын мой, наш долг — твой на фронте, а мой — в тылу, отдать все свои знания, здоровье, а если потребуется, и жизнь на защиту дорогого нам Советского Союза. Будь мужествен, силен и тверд, дорогой Валюша, не бойся ничего и смело иди вперед, и знай: наших сильных духом бойцов Красной Армии победить нельзя. Будь бесстрашен. Я надеюсь на тебя и уверен, что ты с честью выполнишь свой долг перед своей Родиной. О нас же ты не беспокойся. Не забывай нас, как и мы тебя, дорогого нам, никогда не забудем! Надеюсь, что мы все-таки увидимся. Целую, твой отец. Ответа не было.

На площадке танцевальной сорок первый год

Дмитрий Михайлович вспоминает: *Во время войны моя мать случайно встретила на базаре в Уфе женщину, она оказалась беженкой из города Белостока. И эта женщина рассказала, что помнит прекрасно ту ночь — с субботы на воскресенье. У них был вечер — в здании военно-политических курсов при штабе 10-й армии. Играла музыка, были танцы, на которые пригласили девушек — курсанты ведь молодые парни… А утром, едва рассвело, на город обрушились первые бомбы…* Ни об одном живом курсанте информации с тех пор найти не удалось, несмотря на многолетний мой поиск… Как и о начальнике белостокских военно-политических курсов Иване Скрипникове… Они ещё живы в памяти Дмитрия Михайловича, — весело машущие родным и друзьям из поезда пятеро друзей-одноклассников уфимской школы № 7 (ныне 44-й). Четверо из них не вернулись, пятый — Коля Мельников — стал Героем Советского Союза. УС



ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Истребители танков

Судьбы курсантов-челябинцев

Где находилось Челябинское танковое училище? На фоне новых многоэтажек жмутся к забору здания бывших казарм Инсарского полка. Почти уже ничего не напоминает о том времени, когда здесь готовились кадры для танковых частей Красной Армии. Только обелиск и памятная доска.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Виктор Красуский

Историк, выпускник Челябинского гос.университета. Работал учителем, принимал участие в археологических экспедициях. В 90-е годы разрабатывал проект музейно-рекреационного использования района озёр Арантур, Понтур, Рангетур в Советском районе ХМАО. Работает в отделе краеведческой литературы городской библиотеки, собирает материалы по теме «Забытые имена».

Фотографии из архива автора

Многое повидали эти здания. Здесь с царских времен размещался 196-й пехотный Инсарский полк, потом был эвакогоспиталь. Затем части 85-й стрелковой дивизии, участвующие в 1930-х годах в строительстве Челябинского тракторного завода, принявшие бой в первые часы Великой Отечественной войны в районе Гродно. Позже здесь размещался и лёгкий артиллерийский полк.

Танковое училище

30 июня 1941 года территория была отдана для формирования Челябинского танкового училища. С 1942 по 1945 годы здесь было произведено 37 выпусков военных специалистов по разным специальностям. В общей сложности подготовлено 6863 офицера для бронетанковых войск. Готовили командиров и механиков — водителей на тяжёлые танки КВ и ИС и самоходные артиллерийские установки — танковую элиту.

В 1942 году учебные роты механиков-водителей в Челябинском танковом училище сформировали быстро. Перевели приказом в танкисты курсантов Челябинской военной авиационной школы механиков, добавили спецов из Минской авиационной спецшколы, разбавили курсантами Полтавского военного тракторного училища. Прошагали авиационные механики строем от Красных казарм до «переселенки», мимо здания штаба, выстроились на линейке перед двухэтажными корпусами казарм. С этого момента они уже не 18-летние мальчишки, а будущие воины-танкисты, командиры и механики-водители тяжелых танков и самоходных установок СУ-152, называемых *«Зверобой» — тяжёлая*

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

◀ Бывшие казармы Инсарского пехотного полка

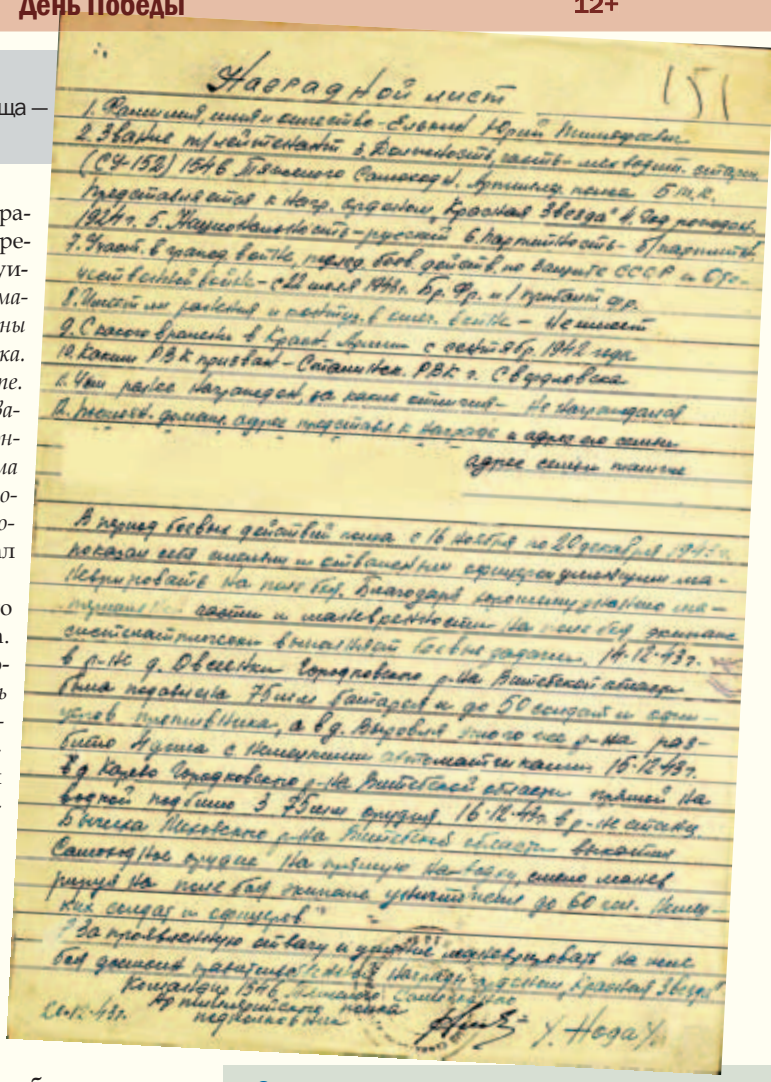
самоходно-артиллерийская установка времён Великой Отечественной войны, построена на базе тяжёлого танка КВ-1 с. Вооружение — 152-миллиметровая гаубица. Выпускалась Челябинским Кировским заводом в течение 1943 года. Экипаж 5 человек.

В Челябинске нет музея училища, а его славная история доступна только в виде страниц сайта. Чудом сохранились среди многоэтажной застройки исторические здания — свидетели времени, которые постепенно разрушаются. Как выглядело училище в 1942 году? Несколько кирпичных корпусов: штаб, службы, казармы. Дальше через Южные ворота был выход в поле. Вдоль казарм — линейка для построений, клуб. В центре караульное помещение с гауптвахтой. Напротив 4-й казармы, чуть левее, курсантская столовая. Вдоль казарм шли железнодорожные пути. Из окон курсантам было видно, как на платформы грузили установки под брезентом. Это были «Катюши». В глубине территории — тиры, парки боевых машин, склады и мастерские.

Курсанты 1942 года

Один из курсантов 1942 года — Вилен Рейзин — мой родной дядька. 26 апреля ему исполнилось 97 лет. Ветеран и участник Великой Отечественной войны, он уже много лет живёт в маленьком городке Ариэль в Израиле. Он и рассказал мне о своих друзьях. Вилен уцелел. В 1942 году Вилен работал на базе завода «Уралэлектромашина», разъезжал по Свердловску на газогенераторном ГАЗ-42, перевозя грузы и эвакуированных. *«Мы с мамой были эвакуированы из Днепропетровска. Отец — на фронте. Младший брат в Ивановской авиационной спецшколе. Мама в Свердловске на номерном заводе работала»*, — вспоминал Вилен.

▲ Орденоносец Электрон Приклонский



Наградной лист

151

1. Фамилия, имя и отчество — Елькин Юрий Никифорович
2. Звание — мл. лейтенант, з. должность, часть — мех. водит. отдельн. (СУ-152) 1546 Тяжелого Самоходн. Артиллер. полка БМР.
Представляется к наг. орденом „Красная Звезда" ф. Сер. рекордов 1941 г. 5. Национальность — русский 6. Партийность — б/партийный
7. Участ. в гражд. войне, период боев. действ. по защите СССР и Отечественной войне — с 22 июля 1941 г. Бр. Фр. и 1 контакт. ф.р.
8. Ранен ли раненьем и контуз. в гражд. войне — Не ранен
9. С какого времени в Красн. Армии с осени 1941 г.
10. Какие РВК призван — Сталинск. РВК г. Свердловска
11. Чем ранее награжден, за какие отличия — Не награжден
12. Имеется. домашн. адрес предыдущ. к награде и адрес его семьи — адрес семьи тот же

В период боевых действий полка с 16 ноября по 20 декабря 194[illegible] показал себя смелым и отважным командиром, уничтожил мн[illegible] Неприятелей на поле боя. Благодаря хорошему знанию мат[illegible] части и маневренности машины на поле боя экипаж [illegible] смелый и грозный выполнял боевые задания. 14.12.43 г. в р-не д. Овсянки Городковского р-на Витебской области [illegible] была подавлена 75 мм батарея и до 50 солдат и офицеров противника, а в д. Вырубово этого же р-на разбито орудие с пулеметами и минами. 16.12.43 г. в д. Карево Городковского р-на Витебской области прямой наводкой подбито 3 75 мм орудия. 16.12.43 г. в р-не д. Вычелка Городковского р-на Витебской области [illegible] Самоходное орудие на прямую наводку, смело маневрируя на поле боя экипаж уничтожил до 60 мн. немецких солдат и офицеров.
За проявленную отвагу и доблесть, маневрировать на поле боя достоин правительственной награды — ордена „Красная Звезда".
Командир 1546 Тяжелого Самоходного Артиллерийского полка
подполковник [illegible]
20.12.43 г.

▶ Наградной лист выпускника училища — Юрия Елькина

Призвали его в июне 1942 года. В военкомате спросили: *«Хочешь в школу авиационных механиков?»* — *«Хочу»*, — ответил Вилен. Так и попал в Челябинск. Учеба в школе авиамехаников была недолгой. Так Вилен стал танкистом. Помнит Вилен своего друга, Юру Елькина. Они сдружились во время учебы в училище. Юра из Свердловска, там осталась мать — Елькина Елена Петровна, которая жила на улице Декабристов, 3-й дом Горсовета.

13-я, 14 и 15-я рота. Курсанты — Вилен Рейзин, Марат Аникейчик, Юра Елькин. Ещё вчера изучали бомбардировщик Пе-2, а сегодня танки КВ. Что ждёт их впереди, какая судьба? Сгореть в танке или уцелеть? Меня заинтересовала судьба курсантов-танкистов и я занялся поисками. Случайно мне попала книга Электрона Приклонского «Дневник самоходчика. Боевой путь механика-водителя ИСУ-152. 1942–1945». Электрон тоже курсант 1942 года, он призывался из Магнитогорска и был курсантом 13-й роты. Позже на основе своих дневников, которые вёл, начиная с училища, он написал книгу.

Прочитав воспоминания Электрона Приклонского, я сразу отправил Вилену воспоминания Электрона. Несколько дней Вилен не звонил. *«Прочитал и разволновался. Всё вспоминал*, — позвонил он через несколько дней. — *Электрона я не помню*, — сказал Вилен. — *Когда только успевал дневники вести*, — ответил Вилен. — *Ведь в бою, в дороге, в ремонтах, в постоянном напряжении. Ведь мы ехали на фронт, в Сталинград. Ехали в Ивановскую авиационную спецшколу. Мама в Свердловске на номерном заводе работала*».

Справка

История Челябинского танкового училища богата славными героическими именами. В Челябинске издал свою первую книгу стихов «Фронт» танкист — выпускник училища 1942 года, командир тяжёлого танка КВ-1, поэт Сергей Орлов, проходил переподготовку танкист — поэт Василий Субботин. В училище бывал Я. Н. Федоренко, заместитель наркома обороны СССР, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. 26 августа 1943 года Челябинское танковое училище (ЧТУ) было переименовано в Челябинское танкотехническое училище (ЧТТУ). Связано это было с полной переориентацией училища на подготовку военных техников и старших механиков-водителей на тяжёлые танки и тяжёлые самоходные артиллерийские установки. 21 выпускнику училища было присвоено звание Герой Советского Союза. В 1948 году училище было расформировано и вновь создано в 1966 году. Окончательно уже Челябинский танковый институт прекратил свою деятельность 22 мая 2007 года.

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

▲ Истребитель танков СУ-152 Зверобой

ники вести? Мы с занятий приходили и падали, а еще практика на Кировском и заводе № 100. Хорошо, если удавалось в теплой термичке поспать часок. И питание на заводе — вода с мукой, у стахановцев чуть лучше, а у нас — курсантские пайки. Жить можно. Фамилий многих не помню. А вот был взводный Гусев — точно. Он меня хотел отчислить. Говорит как-то мне: «Делай стенгазету». А я стенгазет никогда не делал. У меня среднее образование полное и водительские права уже были. Вот и посчитали, что такие, как я, нужны, и перевели меня из 13-й роты в 15-ю. Доучивался я в 15-й роте.

Заместителем начальника училища по строевой в это время был полковник, комбриг 12-танковой, сталинградец Абрам Соломонович Кирнос (Абрам Шулимович), кадровый военный с 1914 года, боевой офицер, участник империалистической, гражданской, финской кампаний, Великой Отечественной. Командир 12-й танковой бригады. Орденоносец Абрам Шулимович был ранен и тяжело контужен под Сталинградом, после лечения направлен в Челябинское танковое училище. Служил в училище до его расформирования в 1948 году. Именно подпись полковника Кирноса стоит в удостоверении старшего механика-водителя техника-лейтенанта Рейзина. Вилен вспоминает Абрама Соломоновича: «*Я маленький – замыкающий на левом фланге, он тоже невысокого роста, учил меня гранату бросать*».

Матчасть будущие танкисты проходили на сборочной линии Челябинского Кировского завода, сами собирая машины, на которых предстояло уйти на фронт. Разными оказались роты при выпуске: 15-я — у Вилена и 13-я — у Юры. 13-я рота закончила обучение чуть раньше, а 15-я — в июле 1943-го. Командирам экипажей присваивалось звание лейтенант, младший лейтенант, старшим механикам-водителям — звание техник-лейтенант.

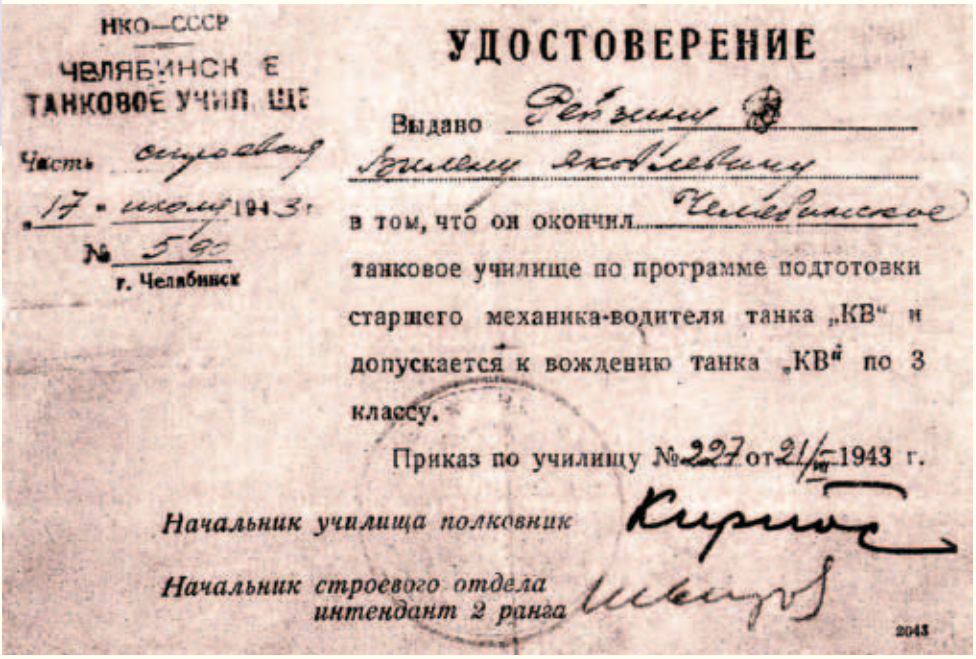
Танковые лагеря

В июле 1943 года Вилен принимал самоходную установку СУ-152 на Челябинском Кировском заводе. Гонял как следует на заводском полигоне, и все вроде хорошо, да под нагрузкой рассыпался один из подшипников. Каток болтается — сразу видно. Беду тут же устранили заводчане. Погрузили самоходку на железнодорожную платформу, и эшелон пошёл Москву, как оказалось, в резерв. Потом опять на платформу — уже под Тулу для сплачивания в тульские танковые лагеря, где находился Резерв ставки Верховного главнокомандования.

«Простояли в Туле долго, даже в самоволки в город ходили. Однажды построение и команда – «Передать машины». Смотрю, кому передаём? А это 13-я рота и мой товарищ, Юрка, – рассказывал Вилен. — Он уже обстрелянный с орденом Красной Звезды, наган в кобуре. Увидел меня, говорит: «Ну, Виля, у тебя точно машина в порядке!» Я ему: «Меховой шлемофон, нож перочинный и шёлковый платок, чтобы топливо фильтровать». Друг рад – все отлично! Вот до сих пор и не знаю, жив он остался или нет?» — закончил рассказ Вилен.

В книге Электрона Приклонского я нашел упоминание о Юре Елькине: «… *белобрысый, неуклюжий увалень Елькин, с которым тоже встречались на «вождении» и даже один раз поссорились среди ночи до драки, уставшие и злые*». Что такое «вождение»?

◀ Обелиск на месте расположения Челябинского танкового училища



НКО—СССР
ЧЕЛЯБИНСКОЕ ТАНКОВОЕ УЧИЛ. ЩТ
Часть опроверг
17 июня 1943 г.
№ 590
г. Челябинск

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано Рейзину Вилену Яковлевичу

в том, что он окончил Челябинское танковое училище по программе подготовки старшего механика-водителя танка „КВ" и допускается к вождению танка „КВ" по 3 классу.

Приказ по училищу № 227 от 21/V 1943 г.

Начальник училища полковник

Начальник строевого отдела интендант 2 ранга

2043

▲ Открытка с видом казарм Инсарского полка
◀ Удостоверение выпускника училища
▶ Курсант Вилен Рейзин

Это мытье полов по-курсантски. Быстро и качественно. Один курсант становится на швабру, прижимая её плотно к щербатому полу для придания ей достаточного веса. А два других курсанта тащат эту конструкцию вдоль половиц, соскребая всю налипшую грязь.

За нашу Победу!

10 января 1944 года техник-лейтенант Юрий Тимофеевич Елькин, старший механик-водитель СУ-152, 1546 тяжелого самоходного артиллерийского полка в составе 5-го танкового корпуса был награждён орденом Красной Звезды (полк этот был сформирован в Челябинске в феврале 1943 года). Юра Елькин, кавалер ордена Красной Звезды, в 20 лет сгорит в самоходке ИСУ-152 под украинским селом Подвербцы 20 апреля 1944 года. При попадании снаряда в самоходную установку механики-водители часто погибали первыми. Рядом находился топливный бак, а оглушённому или раненому механику-водителю выбраться со своего места часто не удавалось. «*Юрий Тимофеевич Елькин убит 20.04.1944, 4 км южнее д. Подвербцы (Пидвербцы, Тлумацкого района Ивано-Франковской области) Станиславской (город Ивано-Франковск) области. Перезахоронение в с. Незвиско, Городенковский район Ивано-Франковской области. Братская могила, похоронено 614 человек. Ни один из расчетов не проявил трусости, проявлял героизм, не отступил ни на шаг, дрались до последнего*».

Прочитав документы последнего боя, я позвонил Вилену: «*Погиб Юра, 20 апреля 1944 года*». Вилен помолчал и сказал: «*Эх, а я думал, он всё-таки жив остался…*» Закончил службу Вилен Рейзин в 1947 году в Польше. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу». После войны, в Харькове, выучился на радиоинженера, много лет работал на Курском заводе радиоизмерительной техники главным инженером, уехал в Израиль. Инженер-полковник Марат Аникейчик, кавалер ордена Красной звезды и Ордена Отечественной войны II степени, служил до 1970 года. Уволен в запас в звании инженера-полковника. Электрон Приклонский за два военных года поменял шесть «Зверобоев»-самоходок. Войну он закончил в Пруссии, затем продолжил служить и вышел в запас в звании полковника. УС

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Куда ни пойдешь — всюду в кампус попадешь!

Какой школьник не мечтает стать студентом в большом городе и поселиться далеко от родителей в настоящем университетском кампусе? Вузов в стране сотни, но вот таких, у которых есть настоящий студенческий городок с развитой инфраструктурой, — единицы.

Если вы доедете до лесотехнического университета на Сибирском тракте, то сможете попасть не только в учебно-лабораторные корпуса, но и в павильон механизации, столовую, дворец спорта, магазин, а также любое из восьми общежитий студентов, потому что все они компактно расположены в одном месте.

Самые активные годы строительства городка пришлись на период 1960–80-х. За эти годы воплотилась в жизнь мечта студентов о современном дворце спорта с залами для бокса, волейбола, баскетбола; комфортабельных теплых общежитиях; большой уютной столовой. С 60-х годов студенческий городок УГЛТУ (а тогда УЛТИ) восемь раз становился победителем смотра-конкурса «За лучшую организацию условий труда, быта и отдыха студентов» среди 900 вузов огромной страны под названием Советский Союз, 17 — в РСФСР и 19 — в Свердловской области.

Сегодня студгородок — это целый микрорайон, который постоянно обустраивается и озеленяется. Студенты живут в городке 4–6 лет, здесь они проводят самые незабываемые годы своей жизни, где учеба тесно переплетается с досугом. И на это недолгое время студенческий кампус для них становится домом.

Университет готовит специалистов лесного хозяйства, ландшафтного строительства, деревообработки — все это вы понимаете, как только ступаете на территорию кампуса, потому как ухожены клумбы и рабатки, как высажены кустарники и деревья, как вас всюду сопровождают деревянные скульптуры и указатели. Все это великолепие создано руками студентов под руководством преподавателей. Здесь, рядом с оживленными городскими дорогами, на сравнительно небольшом участке земли создателям студенческого городка удалось сохранить уникальную экоструктуру с буйным цветением плакучих яблонь, запахом лиственниц, зеленью елей и неустанным пением птиц в кронах деревьев.

За беспрецедентный вклад в развитие университета студгород носит имя главного строителя на посту проректора по административно-хозяйственной части, выпускника вуза Юрия Алексеевича Серова, так неустанно возводившего его «по кирпичику» на протяжении сорока лет. Большой страны уже нет, но студгородок живет и процветает. 2500 мест в общежитиях ждут своих новых хозяев на следующие 4–6 лет, которые будут также заботиться о своем доме и, уезжая после окончания учебы, вспоминать о студгородке с душевной теплотой.

Научная библиотека УГЛТУ по материалам СМИ

Почему Лестех?

Уральский государственный лесотехнический университет — единственный вуз в Урало-Сибирском регионе, готовящий специалистов лесного профиля. Богатая история, научные школы и накопленная материальная база являются огромным потенциалом для подготовки кадров в лесном комплексе, экологии, экономике, туризме для достижения целей устойчивого развития.

Телефоны приемной комиссии:
(343) 221-22-00, 8-800-350-61-10

Когда сверхдержавы сотрудничали

Второй фронт

▲ Передача 5000-го самолета Р-63 «Аэрокобра» советским летчикам по договору ленд-лиза в городе Фэрбэнкс (Аляска). Фото 1944 года

Банка из-под американской тушенки «Второй фронт», как ее называли в войну, много лет стояла у меня в гараже. В ней удобно было держать всякую мелочь и к ней относились без особого трепета. Но в какой-то момент я понял, что банка эта — музейный экспонат, символ дружбы сверхдержав 80-летней давности.

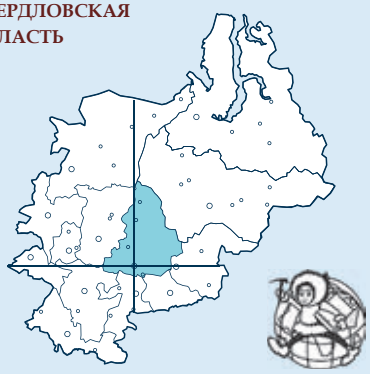
Для открытия этой банки не требовался консервный нож. На некотором расстоянии от верха был ключик, вращая который, накручивали на него тонкую ленточку, в итоге крышка отваливалась. С крышкой банка была ещё выше. Известно, что в годы Второй мировой войны США и Великобритания долго не открывали второй фронт, но поставки по ленд-лизу в СССР (сдача в аренду военной техники и сырья) начались еще в августе 1941 года.

Маршруты ленд-лиза

Осуществлялись они по нескольким маршрутам: Тихоокеанскому, Трансиранскому, Арктическому. Было два маршрута воздушных через Южную Атлантику — Африку — Персидский залив, другой через Аляску — Чукотку — Сибирь. По этим маршрутам самолёты своим ходом преодолевали дорогу на фронт. Поставки по ленд-лизу были огромными. Половина их осуществлялась по Трансиранскому маршруту, но самым быстрым по времени был по Арктический путь и занимал он около двух недель.

По арктическому маршруту грузы доставлялись в два пункта: в Мурманск и в Архангельск — Молотовск (нынче Северодвинск), дальше, внутрь страны, осуществлялись по железной дороге. По этому маршруту в СССР караваны шли под кодовым названием PQ, а обратно — QP. Потери грузов

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ



Святослав Кудрявцев

Родился на Урале в 1937-м. Окончил в Свердловске Сельскохозяйственный институт. Работал главным инженером совхоза, директором подсобных хозяйств, начальником цеха, преподавал. Увлекается рыбалкой, охотой, лыжами, коньками, закаливанием и туризмом. Живет в Первоуральске.

Фото предоставлены автором

▲ Банка из-под американской тушенки («Второй фронт»)

▲ «Студебеккер» в эксплуатации

по нему составлял 15%. Немецкие подлодки, самолёты, военные корабли делали своё чёрное дело.

О наиболее трагической судьбе очередного каравана PQ рассказал в своём романе Валентин Пикуль «Караван PQ-17». Чтобы иметь представление о масштабах поставок, приведу несколько цифр. Автомобилей было поставлено 477785 штук, а это Студебеккеры и джипы. В СССР за время войны было выпущено машин 205000 штук. К каждой присылаемой машине прилагался кожаный плащ для водителя. После войны их можно было донашивать не один десяток лет (во многих семьях фронтовиков они сохранились «на память»).

Аэрокобры

С 1942 года существовала воздушная трасса «Аляска-Сибирь» (Алсиб), по которой советские и американские летчики перегнали около 8 тысяч боевых самолетов. В 2006 году в г. Фэрбанкс (Аляска) был открыт монумент, посвященный сотрудничеству СССР и США для достижения победы над фашизмом. В общей сложности по ленд-лизу было поставлено более 18 тысяч самолетов. Напомним, что на американских самолетах «Аэрокобра» летала целая «эскадрилья» советских воздушных асов, включая нашего земляка — легендарного Григория Речкалова.

Разговоры о том, что техника поставлялась непригодная и устаревшая, не имеют основания. На месте передачи техники сидели наши военпреды,

▼ Доставка грузов по ленд-лизу через Иран в 1943-1944 гг.

◀ Глава МИД РФ Сергей Лавров у памятника «Алсибу» (г. Фэрбанкс, Аляска). Фото 2017 года

▲ Командир эскадрильи Федор Шикунов у истребителя P-39 «Аэрокобра»

которые проверяли всё, что отправлялось. Правда заключалась и в том, что большинство поставок пришлось на 1943-й — 1945-й годы, после того, как на фронте случился переломный момент и наша Армия стала наступать. Кроме техники и стратегического сырья (алюминия, взрывчатки, меди, кобальта, олова и др.), к нам отправлялись вещи и продукты питания. Продуктов питания в виде консервов, круп отправлялось столько, что они частично доставались гражданскому населению.

Мирным жителям

Я отлично помню, как нашей семье периодически доставались американские консервы, используемые по назначению на домашней кухне. Только представьте, что бы Вы почувствовали бы, если бы вашей голодающей семье досталась такая объёмная банка вкусных консервов. Это был праздник. Правда, были эти праздники очень не часто и ближе к концу войны. Нашей семье эти подарки не помогали выжить, т. к. были они редки.

Кроме продуктов питания, жителям раздавали одежду. Вещи были уже ношены, но имели весьма приличный вид. Люди из предлагаемого ассортимента могли выбрать себе одну или две вещи. Желающих было много. Помню, как мы с мамой, разбирая ворох всяких вещей, выбрали для меня вельветовые шорты, на которых было около десятка различных молний, спереди, с боков и сзади. Носил я их с гордостью пару сезонов, пока не вырос из них. Часть рубчиков на материи полностью истерлась, и они утратили свою первоначальную привлекательность.

В заключение стоит сказать, что помощь по ленд-лизу значительно ускорила нашу победу над фашистами, но не была абсолютным и решающим фактором. По окончании войны вся исправная техника должна была быть возвращена поставщикам. За всю разбитую оплата не требовалась. Мне, как механику, до сих пор очень обидно, что при отправке тех же автомашин в США мы добросовестно укомплектовывали их набором всех ключей, которые были в СССР всегда в огромном дефиците. Американцы же, получив эти машины, отправляли их сразу под пресс или просто топили в море. Известно, что Советский Союз подписал в начале 1970-х годов соглашение, согласно которому он должен был выплатить США несколько сотен миллионов долларов как долг по ленд-лизу. Последний платеж по этому соглашению был осуществлен российской стороной спустя 60 лет после Победы. УС

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Увидеть — и не быть пойманными

Коркинский угольный карьер

Путешествия бывают разными. Думаю, вряд ли найдется человек, который бы отказался от возможности увидеть новые места. Даже дорога на работу — уже маленькое путешествие! А если поехать на машине на целую неделю, то можно увидеть все, что пожелаешь, заезжать в любые места, делать остановки, где захочешь, и всегда самое интересное — за поворотом дороги!

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Юлия Шлентова

Родилась и выросла в г. Свердловск. Закончила Академию государственной службы. Впервые в руки взяла фотоаппарат в 13 лет. На сегодня видеосьемка из хобби превратилась в профессиональную деятельность. Страсть к путешествиям — тоже с детства. Примером в этом ей служит французская путешественница Александра Давид-Неель, которая в 56 лет вдвоем с сыном под видом нищих странников пешком через Гималаи пришла в столицу Тибета — Лхасу, в то время закрытую для всех иностранцев (и уж тем более — женщин).

Фото автора

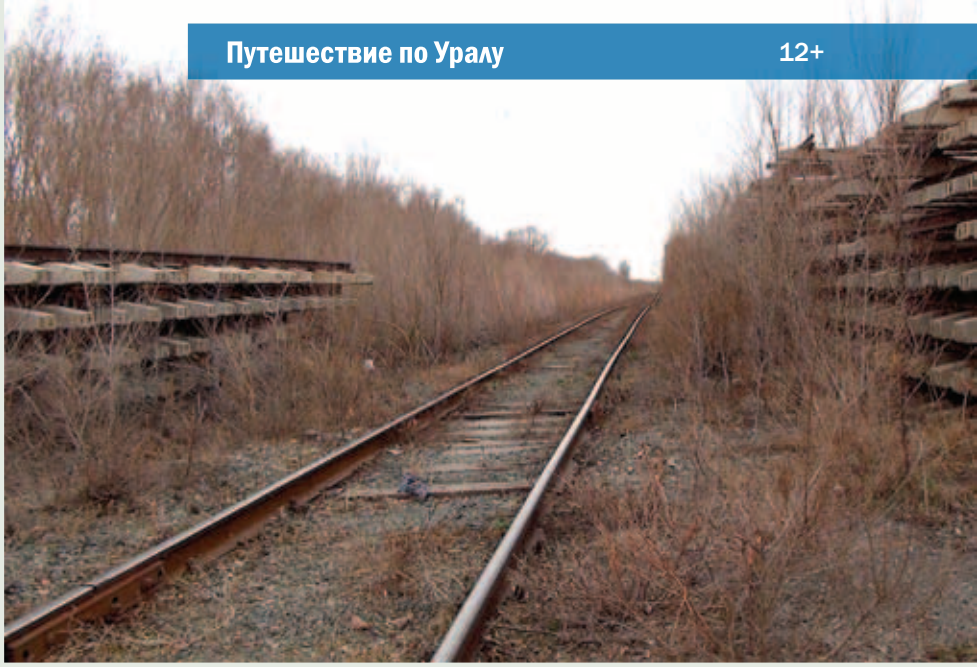
В связи с эпидемиологической обстановкой в стране и мире — автопутешествие, с моей точки зрения, — самое оптимальное и удобное. Решение принято — выбираем маршрут! Моя подруга давно мечтала побывать в Уфе. Посмотреть Башкирию. Отличная идея! Едем! За неделю отпуска мы посмотрели города: Троицк, Магнитогорск, Орск, Оренбург, Салават, Уфу, Кунгур. Отдохнули на Нугушском водохранилище и посетили много интересных мест, о которых хочется рассказать!

Первый же день поездки принес яркие впечатления! Нет, автомобиль нас, девочек, не подвел, никто на нас не напал, ехали мы по навигатору, дороги были хорошие и настроение — чудесное! Первая точка нашего маршрута — Коркинский угольный карьер. Почти 70 лет на этом месте велась добыча угля открытым способом. В 2017 году работы на нем остановлены, поскольку дальнейшие разработки посчитали нерентабельными. Постоять на краю одного из самых больших в мире карьеров — это необычайные ощущения. За этим мы и приехали! В рабочем поселке с красивым названием Роза находилась одна из смотровых зон. Мы прямиком поехали туда. На железнодорожной станции с одноимённым названием оставили машину. Перейдя железнодорожные пути, поняли, что увидеть то, зачем ехали, не удастся. Карьер обнесен колючей проволокой, кругом висят предупреждающие таблички о запрете фото- и киносъёмки. Подойдя вплотную к решетке, смогли увидеть только периметр карьера. Но и это зрелище впечатляющее! Невероятные масштабы! Дна карьера не видно. Но долго стоять у забора было неинтересно — в это время поднялся ураган, небо потемнело и казалось, что вот-вот хлынет дождь или пойдет снег. Казалось, что сама природа противится нашему здесь нахождению. Разочарованные, вернулись к машине. У здания станции трудились двое рабочих. Разговорились. Спрашивают:

— Что, поймали вас?

— Как это, поймали? — удивились мы.

— Ну, охрана…



— Нет… а что, должны были?

В это время за забором на территории карьера приехала машина типа «Нива». Остановилась около того места, где мы стояли и смотрели на карьер. В машине сидели несколько человек. Видимо, не увидев никого подозрительного, поехали дальше. Неужели нас заметили по видеокамере и тут же выслали наряд ловить «нарушителей»?

— Да они тут постоянно ездят, — говорят наши собеседники. — Частенько, когда мы свою работу выполняем, приезжают, наблюдают. — В их голосе слышится явное недовольство.

— А железную дорогу не закрывают?

— Нет, она же для предприятий необходима! А то, что вы видите тут горы шпал с рельсами сложены, так то на металлолом пора сдать! Отработали своё.

Погода между тем продолжала нагнетать тревогу и непонятное беспокойство. Солнца уже не видно из-за тяжелых свинцовых облаков. Решив дольше здесь не задерживаться, сели в машину. Поездка по поселку не принесла успокоения. Наоборот. Закрытие карьера, бывшего гордостью рабочего поселка, теперь принесло множество неразрешенных проблем. Где работать шахтерам? Что делать с аварийным жильем, которого год от года становится все больше? В домах из-за наличия большого количества шахт под землей идут трещины. Часть домов отселили в соседний город Коркино, оставшиеся жители открыто завидуют уехавшим.

Центральная площадь поселка. Традиционно — фото с памятником Ленина. У меня уже довольно внушительных размеров накопилась коллекция фотографий различных «Лениных». Чаще всего такие памятники стоят на центральных площадях и за ними видны здания администраций, правительств. А за этим — памятник горняку с отбойным молотком. Раньше монумент находился у входа в шахту «Коркинская». Говорят, что он стоит для напоминания молодому поколению о трудовых традициях шахтерского поселка. Но когда мы были там, около памятника не было никого, а вот на остановочном комплексе около киоска, что неподалеку, весело проводила время молодежь. Ведь поставить памятник — это еще полдела. Надо организовать вокруг него красивое и привлекательное место для жителей: посадить деревья, разбить сквер, поставить скамейки — и это станет точкой притяжения! В нерадостном настроении покидали некогда красивый поселок с романтичным названием Роза. Карьер законсервировали, и новые хозяева не хотят делать из него объект туристического паломничества. Они используют его под свои нужды, и ранее доступные смотровые площадки обнесены забором. Говорят, что по проекту лет через 20 на месте большой воронки будет такой же большой водоем. Может, тогда сюда вновь поедут люди — но уже не жить и работать, а отдыхать. Выехав из поселка к следующему на нашей маршрутной карте карьеру, через некоторое время обнаружили, что погода улучшилась, вышло солнце, а с ним и заиграло настроение! УС

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Территория бобра

С бобром за столом

▲ Плотина и хатка бобра

Николай Плотников

Проживает в городе Лысьва Пермского края. Является членом Русского географического общества и членом Союза фотографов дикой природы России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Фотографии автора.

Не нужно иметь во лбу семь пядей, чтобы найти места обитания бобров. Следы жизнедеятельности этих животных видны невооруженным глазом. Бобровые плотины трудно спутать с чем-то другим, и по этой причине как-то однажды закралась в мою голову мысль о фотосъемке самых крупных грызунов северного полушария нашей планеты.

Как обычно, поиски новых фотомоделей выпали у меня на конец весны. Бобров в наших краях немало. Стоит немного отдалиться от города, выйти на какой-нибудь ручей, и вы наверняка найдете срезанные бобровыми резцами деревца или запруды разных размеров. Без особых сложностей мне удалось отыскать следы проживания нескольких бобровых семей, на небольшом пруду и двух малых речках в непосредственной близости от города. Гидрологические сооружения речных «инженеров» и вырубки прибрежного ивняка и ольшаника просто кидались в глаза. Несмотря на это, ничто из вышеперечисленного не говорит о наличии животных.

Мифология бобра

Бобр — вид промысловый. Как бы много ни было их в наших лесах, охотников больше. Но страшнее охотников для всего живого в лесу — браконьер. Этим существам с ружьем охотничий сезон — круглый год, и бьют они бобра и из-за меха, и из-за мяса, а главное — за «струю» (особая железа, помогающая бобру метить територию.) На эту железу есть большой спрос в мифологической медицине, волшебный эликсир из этого вещества лечит все болезни. В реальной же фармацевтике используется лишь в некоторых адаптагенах. Однако цена на бобровую «струю» и простота добычи зверя у многих вызывает желание добывать его в неограниченных количествах. И на найденную вами сегодня бобровую запруду

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

вчера мог выйти браконьер. Вот и получится: и погрызы свежие, и плотина целая, а зверя нет. По этим причинам, прежде чем заняться приготовлениями к фотосъемке, необходимо было визуальное подтверждение присутствия зверя в данном месте.

Бобровая хатка

Как ни старайтесь, но днем вы никогда не встретитесь с бобром. Бобр — животное ночное. На свой промысел он выходит перед закатом, а после восхода отправляется в свою хатку, где будет спать весь день. В силу этих обстоятельств к восьми часам вечера я прибыл на небольшую речушку, где запруда из веток, камней и грязи создавала живописный пруд, в котором кормились несколько крякв, освещенных мягким светом заходящего майского солнца. В особой маскировке необходимости не было, так как зрение этого грызуна очень слабое, а вот обоняние на высоте, и укусы кровососущих есть смысл потерпеть, дабы не вспугнуть зверя запахом химии.

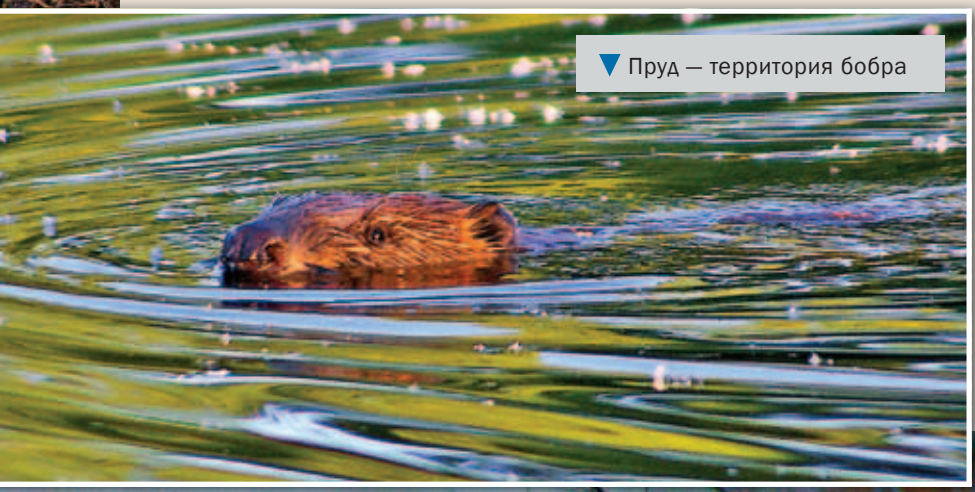
Бобр добр

Долго себя ждать бобр не заставил и вскоре от дальнего берега, разрезая зеркало пруда, прямо на меня плыло достаточно крупное животное. Поймав в видоискатель камеры, я ожидал его приближения, затаив дыхание и не веря своей удаче. Вдруг предательская ветка попала под подошву моего ботинка. Слух бобра оказался тоже отменным. На хруст ветки он ответил громким шлепком хвоста по воде, предупреждая всех об опасности, и скрылся в глубине пруда. Эта неурядица хоть и испортила немного настроение, но в целом я остался доволен и решил попытать удачу еще на этом водоеме.

Как это ни печально, но никакой информации о съемке бобров найти мне не удалось. Охотники же рекомендовали разрушить плотину и ждать, когда хозяева придут ремонтировать свое строение, что мне совсем никак не подходило. Мне нужен был безобидный способ приближения к этому зверю. Единственным выходом было наблюдать за этими грызунами и искать какие-то закономерности. Все осложнялось коротким периодом его активности в светлое время суток.

Бобровый пруд

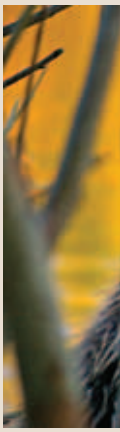
Несколько следующих дней на берегах бобрового пруда было проведено с целью понять смысл перемещения этих животных. На какие-то снимки рассчитывать не приходилось, но в глубине души теплилась надежда: а вдруг повезет. Иногда в кадр попадался плывущий бобр, но этого было явно недостаточно. Я торопил события, и мои



▼ Пруд — территория бобра

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

▲ Резцы-саморезы



неосторожные действия опять заставляли его тревожно бить хвостом по воде. Так прошло пару недель. Лето набирало обороты, распускались свежие зеленые листочки, ограничивая обзор пруда. Ночи становились короче, дни длиннее, а вместе с этим бобры позднее выходили на свою работу.

Никаких закономерностей в перемещении этих грызунов замечено мной не было. Засада, устроенная у подгрызенных деревьев, тоже не принесла никакого результата. В какой-то момент я совсем отчаялся, решив, что нормальной съемки так и не получится. С ужасным настроением от таких мыслей решил потихоньку выходить от водоема и возвращаться домой, как вдруг мой взгляд уловил не совсем обычную вещь. Молодые тоненькие веточки, очищенные от коры и достаточно кучно сложенные, лежали на самой кромке воды. Обойдя весь пруд, мне попались еще две такие кучки. Находка меня заинтересовала, но объяснить это пока не получалось, и решено было понаблюдать не за бобрами, а за этими веточками.

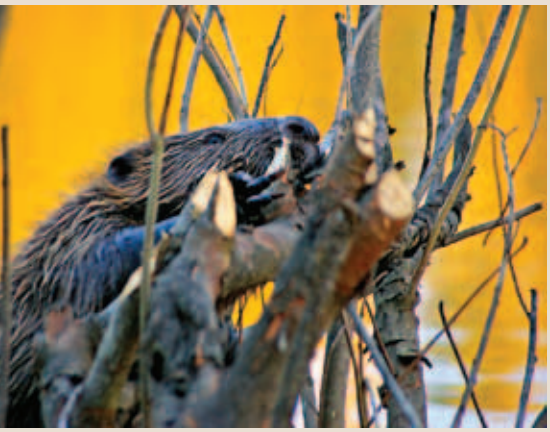
На следующий день были обнаружены перемены. Какие-то кучки поредели, какие-то поменяли расположение веточек. Еще через день, обойдя эти находки, я снова заметил изменения. На протяжении недели каждый день кучки меняли количество и положение веточек, но не меняли место расположения на берегу пруда. Вывод напрашивался сам — все эти места ежедневно посещают бобры, значит, засидку нужно ставить рядом с ними.

Не дожидаясь у моря погоды, я занялся обустройством скрадка. Учитывая близорукость зверя, строение имело чисто символическую маскировку из нескольких веток, за которыми я расстелил туристический коврик и уселся, приготовив камеру в ожидании хозяев водоема. Через три часа, разочаровавшись неудачей, я решил отправляться домой. Легкий ветерок, вызывавший рябь на поверхности пруда, как бы намекал на причину моего фиаско. Дуя в спину, он разносил мой запах по большей части водоема, извещая о моем присутствии бобров.

Правильная засидка

Усвоив предыдущий урок, к построению новой засидки я решил отнестись более серьезно. Устроившись таким образом, чтобы с наиболее просматриваемой точки моих наблюдений ветер дул мне в лицо. Почистил под ногами. Убрал все лишнее, что могло вызвать какой-либо шум. Маскировку из веток и травы сделал более основательно — так, на всякий случай. Сел и стал ждать. Новая стратегия очень скоро оправдалась, и в поле моего зрения появился он. Без лишней спешки крупный старый бобр бурого окраса вышел к своим обеденным заготовкам. Мне было сложно поверить своим глазам. Я никак не ожидал такого везения. Буфер обмен моей камеры не успевал записывать кадры. На мое удивление, бурый бобр расправился с дюжиной своих веточек буквально за пять минут, после чего так же не спеша уплыл. Меня переполняли эмоции. Хотелось быстрей бежать домой, чтобы просмотреть отснятый материал, но здравый смысл рекомендовал еще посидеть и подождать, что я и сделал.

Минут через пятнадцать мой новый знакомый приволок большую зеленую ветку. Ловкими движениями



Столик у пруда

www.uralstalker.com

своих огромных красных резцов он быстро разделал ее на маленькие кусочки. После, устроившись поудобнее, не спеша, наслаждаясь вкусом, стал объедать кору. Солнце давно село, сделав мой фотоаппарат бесполезным, но мне было интересно наблюдать, как ест этот бобр. Мне даже не хотелось шевелиться, чтобы случайным шумом не прервать его трапезу. Домой я возвращался уже в темноте, но довольный, как никогда.

Кормовой столик

Места, где бобры регулярно питаются, биологи называют кормовой столик, как ни крути, но к нему животное обязательно вернется, нужно только подождать. Конечно, не каждый день удавалось поснимать, иногда зверь вообще не приплывал и весь вечер был потрачен вхолостую, однако твердая уверенность, что наша встреча повторится, не покидала. До середины июня я по возможности старался навещать эти места, пока день не стал занимать большую часть суток, а бобры выходить на работу в районе двадцати трех часов, сильно ограничивая возможность фотосъемки наступающими сумерками.

Вот так случайно привлекшие внимание простые веточки помогли мне стать счастливым обладателем очередной коллекции фототрофеев. Не найди я эти бобровые столовые, скорее всего, нормальной съемки не было бы вообще. Однако самым ценным приобретением стал полученный опыт. Сегодня я точно знаю, что в выполнении любых задач важна каждая мелочь. Самая незначительная деталь может быть решающей. УС

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ
В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР
Верх-Исетский

ул. Кирова, 71
тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

60 лет отряду «Каравелла»

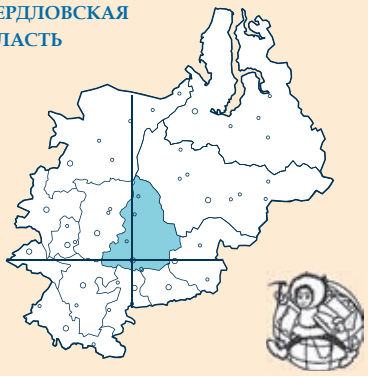
Зов моря

Неумолим ход времени, который отсчитывает секунды, минуты, дни, недели, месяцы, года. Помните, как начиналась наша история? С детской ватаги, которая затеяла игру в команду придуманного корабля, путешествующего под парусами на фантастическом корабле «Бандерилья».

река Патрушиха
56°46'20.4"N 60°38'23.8"E

Нижне-Исетский пруд
56°45'30.0"N 60°41'00.0"E

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ



Всё было хорошо, но в один прекрасный миг, спустя шесть лет, экипаж вырос. Детские игры стали казаться чем-то несерьёзным и малозначительным, сказки и вымышленные приключения больше не будоражили кровь. Хотелось реальных вызовов и рисков, преодолений и достижений. Наступила пора взросления, решения серьёзных задач и профессионального самоопределения. Но та часть души, которая накрепко была привязана к команде, не отпускала и требовала расширения горизонтов настоящего, а не придуманного мира.

В 1966 трое ребят поехали в «Артек» на юнкоровский слёт. В июле 1967 года старшая группа отряда «Ветер» во главе со своим командиром Славой Крапивиным прибыла в лагерь всероссийского значения «Орлёнок». Все билеты на поезд во всех поездках командор оплачивал за свой счёт. Путёвки на всю команду помог «выбить» в ЦК ВЛКСМ Владимир Матвеев. В то время он был заместителем главного редактора журнала «Пионер», одним из главных организаторов всесоюзного движения юнкоров и создателем новаторской «педагогики сотрудничества». Именно в «Орлёнке» Крапивин познакомился и на долгие годы подружился с директором школы Олегом Газманом, журналистом Симоном Соловейчиком, педагогом-исследователем, автором коммунарской методики воспитания Игорем Ивановым. Благодаря новым друзьям, командор увидел лучшие примеры методики пионерской работы и систему подготовки вожатых. Уж в этом-то «Орлёнок» в те годы точно был впереди всего Советского Союза.

Свердловчане, многие из которых впервые в жизни увидели море, буквально, попали в сказку. Ощутили атмосферу сотрудничества, поддержки и товарищества, взаимовыручки, внимания, заботы, добрых отноше-

Фотографии из архива семьи Крапивиных и отряда «Каравелла».

Лариса Крапивина

Командор детской парусной флотилии «Каравелла», яхтенный капитан, член Союза журналистов России, кандидат педагогических наук, Почётный работник сферы молодёжной политики РФ.

ний между вожатыми и детьми. Многое из того, о чём ребята и их наставники мечтали на старом Уктусском чердаке, у орлят было реальным и вполне обыденным явлением. Увидели красивые ритуалы. Побывали на горе барабанщиков, встречая рассвет и провожая солнце на закате. На одном из таких рассветов у командора В. Крапивина возникла идея сделать для ребят отряда «Ветер» большие красно-сине-белые суворовские барабаны. А «орлята» поделились, что создали свой ритуал посвящения в барабанщики на рассвете под воздействием книги «Валькины друзья и паруса», которая только вышла в 1966 году.

Все жили в просторном, наполненным светом и воздухом, новом, недавно построенном, корпусе лагеря «Звёздный». Занимались тем, что работали как пресс-центр и ежедневно выпускали стенгазету, освещающую самые разные события всего лагеря. Пресс-центр назвали «Каравелла». Спустя год, когда начнётся освоение морской программы, найденное имя станет визитной карточкой всего отряда.

Как юнкоры, свободно путешествуя по лагерю, ребята вместе со своим командиром постоянно наблюдали жизнь ещё одной дружины, которая получила название «Штормовой». Здесь бурлила жизнь, устроенная «по законам моря» со строгой дисциплиной, построениями, формой, уставом. Отряды были экипажами. Они ставили мачты, вооружали шлюпки, выходили на них в море. Несли вахты, драили палубу, а не пол, в своих кубриках, а не палатах, отбивали склянки в рынду. Эта суровая и одновременно прекрасная жизнь оказалась вполне реально устроенной и продуманной для детей, и стала для каравелльцев запредельной, но манящей мечтой. Там же произошло судьбоносное первое знакомство с юношеским морским клубом «Экватор» из Риги, в гости к которому уже через полтора года отряд поедет на всесоюзные соревнования «Нептун Балтийского моря», а за несколько месяцев до этого, командор, побывав там, сначала «на разведке» в командировке, получит в подарок штурвал и старинный морской нактоуз вместе с компасом.

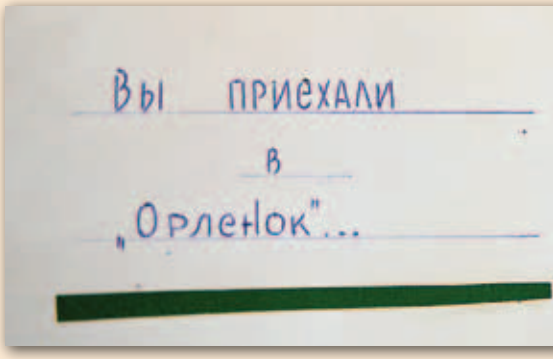
Тридцать дней орлятской летней смены пролетели, как миг. Пора было возвращаться домой, но никто не хотел, потому что необъятные морские просторы, летящие чайки, шуршащий звук волн, накатывающих на песочные пляжи, будоражили кровь и не давали спать спокойно. Поездки к морю кардинально меняли жизнь. Все возвращались другими: оглушенные, просоленные, загорелые. Обстановка в старом помещении «Каравеллы» на Прониной 30 одновременно стала напоминать штурманскую рубку и стены старин-

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

ной оборонительной крепости. Мечты о море перестали быть мечтами. Командор увидел новое направление развития организации. И быстро, как умел только он, изменил путь движения корабля. Уникальность состояла в том, чтобы, не отрицая уже имеющихся направления занятий с детьми (журналистика, фехтование, киностудия), ввести «морское дело» и яхтостроение, гармонично совместив их с прежними программами. Раз отряд становился морской, то был обновлён устав, принят новый синий флаг. Его вышила супруга Ирина, а изготовила само полотнище мама писателя Ольга Петровна Крапивина. Изменилась и форма одежды. Рубашки приобрели чёрный цвет, появились погоны, флотские ремни и нашивки с якорями. У представителей гвардейских групп (знаменосцев и барабанщиков) добавились аксельбанты, береты с красивыми морскими крабами (кокардами). В 1968 году, после смены названия отряд был переведен в статус дружины и получил новое пионерское знамя.

Обстановку каюты помогли воссоздать навигационные приборы, флажки, карта, мачта с флагом, рында. Да, она была совсем небольшая, и скорее напоминала колокольчик, который висел когда-то на шее у коровы. Но его нашёл в походе Алька Сидоропуло. Он бегал с ним вокруг костра, и звонил так, что звери, живущие в округе, точно разбежались, а все отрядовцы однозначно уверовали, что именно так и выглядит настоящая корабельная рында. Со временем она закрепилась в каюте, где также появились нактоуз, карты, флаги, якорь, штурвал, оформленные нарисованной кирпичной кладкой и яркой настенной живописью. Её создал в конце 60-х Евгений Пинаев, тогда мало кому известный художник-маринист, в дальнейшем автор многих монументальных холстов, профессиональный моряк. Кстати, именно этому художнику в семидесятых годах журнал «Уральский Следопыт» помог сделать первые шаги в литературе, а в дальнейшем и стать вполне профессиональным писателем.

Вспомним, что же было изображено на стенах, ныне давно утраченного хранилища морской романтики сказочного мира? Отважные мореплаватели Крузенштерн и Лисянский, огромная карта с очертаниями материков и океанов, роза ветров, а ещё быстроходные парусники, наполненные ветром и прокладывающие свой непростой путь в разных направлениях. Круговую картину можно было рассматривать по деталям долго и подробно. Но один небольшой фрагмент этого фундаментального настенного произведения искусства сразу приковывал взгляд. Перед глазами окошко, напоминающее бойницу в оборонительной башне или темнице крепостной стены, в котором пробита решётка, преграждающая путь взгляда, а вдалеке, сквозь пролом, сияющее море и манящий в путь, стоящий далеко на рейде корабль-парусник. В этих живописных интерьерах дети тоже преображались и становились другими. Феномен писателя Крапивина был таков, что все события жизни тут же, трансформируясь, вместе с героями и интерьером пе-

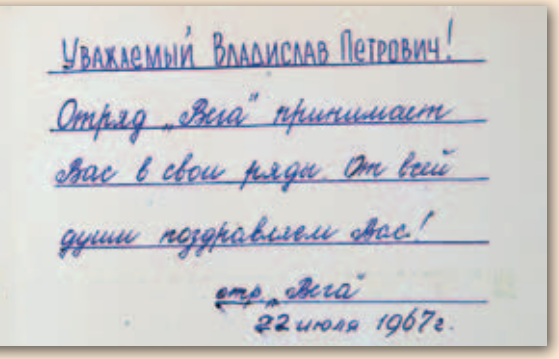


ремещались в его книги. И появлялись «Я иду встречать брата», «Звёзды под дождём», «Баркентина с именем звезды», «Старый дом», «Далекие горнисты» и многое другое.

Плот из надувных шин с чёрным парусом из шторы затемнения каравелльцы построили и спустили прямо в походе в августе 1967 года. В 1968 году отряд приобрёл первую собственную лодку. Одномачтовый «Билли Бонс» — переделанный из корпуса старого катера. На покупку этого корпуса деньги собирали вскладчину, кто по рублю, кто по 50 копеек. Всего отдали хозяевам тридцать рублей: 15 собрали ребята, 15 дал командор. В киле закрепили мачту и поставили сразу два сшитых из простыней прямых паруса: фок и фор-марсель. Как и у древних мореплавателей, такой корабль мог ходить только при попутном ветре и по течению. Он плохо слушался руля, был неповоротлив и неустойчив. Но это никого не смущало. Не было отбоя от желающих пройтись на «своём» корабле, преодолевая трудности стихии и преграды прибрежных рифов и мелей. Каждый участник после выхода ощущал непередаваемые восторг и счастье.

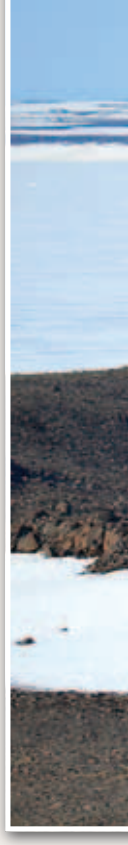
Позже, за счёт гонорара от издания одной из новых книжек писателя, смогли договориться и приобрести новую польскую резиновую лодку типа «мева». Такие маневренные резиновые яхточки массово продавались в Советском Союзе для рыбаков. Стоили они не дёшево, но достать их можно было только «по знакомству». Понимая, что одна лодка «положение не изменит», начали создавать флот своими силами. За зиму построили первый деревянный кадет. Его сделали по чертежам из журнала «Катера и яхты», который принёс в подарок яхтсмен Владимир Деянов. Именно Владимир научил Владислава азам яхтостроения и управления кораблями. Он всю зиму «на общественных началах» занимался с командором и ребятами по программе подготовки яхтенных рулевых и матросов. Узнавать и изучать непростую морскую науку, законы ветра и парусов оказалось не просто, но тем интереснее был этот путь будущих настоящих первооткрывателей и мореплавателей.

Летом 1968 года яхты сначала спускали в речку Патрушиху, но достаточно быстро поняли, что узкие берега не дают возможности развернуться. Чуть позже переместились на Нижне-Исетский Химмашевский пруд. Там тоже пробыли всего одно лето. С 1970 года, благодаря все тому же Владимиру Деянову, открыли первую навигацию на Верх-Исетском водохранилище. Но это уже совсем другая история. УС


Уважаемый Владислав Петрович!
Отряд „Вега" принимает
Вас в свои ряды. От всей
души поздравляем Вас!
отр. „Вега"
22 июля 1967г.

Операция «Кладоискатель»

Борьба за «северные ворота»



АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Интерес Германии к Советской Арктике был очень пристальным задолго до начала Второй мировой войны. Как и тридцать лет назад, этот регион рассматривался как потенциальный полигон для нападений в Баренцевом и Карском морях на конвои союзников России-СССР, наши военные и гражданские суда.

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

Фотографии из архива В.В. Смирнова — участника Комплексной экспедиции СФ РФ и НП «Русская Арктика»

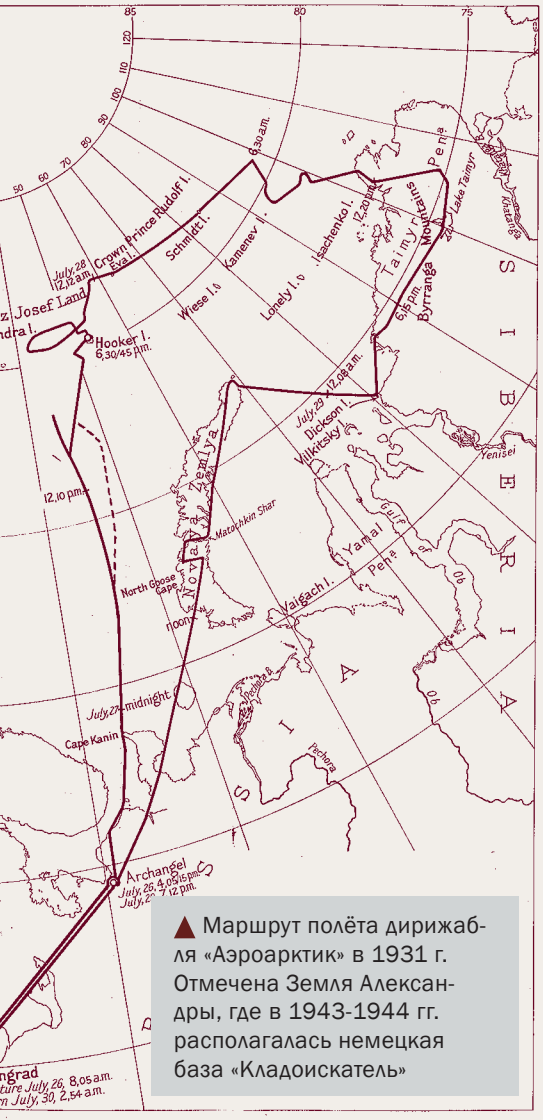
Почему же немцам удавалось достаточно долго вести себя безнаказанно в наших арктических морях? Достаточно вспомнить некоторые предвоенные события, чтобы понять, как Германии удалось закрепиться и проникнуть так далеко в Арктику.

История вопроса

Еще в 1931 году СССР и Германия в рамках сотрудничества по линии *«Международного общества изучения полярных стран посредством воздухоплавательных аппаратов»* (сокращенно — «Аэроарктик») осуществили совместный полёт на дирижабле «Граф Цеппелин». Дирижабль отправился из Германии по маршруту через Ленинград, Русский Север, на Землю Франца-Иосифа и север Северной Земли. Отсюда он пролетел над всем этим архипелагом, затем углубился в глубь Таймыра и, пролетев над озером Таймыр, направился к устью Енисея. Побывал дирижабль над Диксоном, затем взял курс к мысу Желания на северной оконечности Новой Земли. Пролетев 29 июля над всей Новой Землёй от севера до юга, «Граф Цеппелин» направился в сторону Ленинграда. Участники этой воздушной экспедиции с советской стороны даже не догадывались, что немцы по всему маршруту полёта дирижабля вели аэрофотосъёмку.

В 1940 году, реализуя конфиденциальный договор с Германией о торговом сотрудничестве, предусмотренный пактом 1939 года, СССР разрешил немецкому рейдеру — вспомогательному крейсеру «Комет», который был закамуфлирован под мирное метеосудно, пройти по всей трассе Северного морского пути. Выйдя затем в Тихий океан, фашистский «хищник» несколь-

▲ Один из участков суши, где располагалась база «Кладоискатель»



▲ Маршрут полёта дирижабля «Аэроарктик» в 1931 г. Отмечена Земля Александры, где в 1943-1944 гг. располагалась немецкая база «Кладоискатель»

▲ Артефакты, обнаруженные на месте бывшей немецкой базы «Кладоискатель»

▲ Белое безмолвие Арктики. Вид с берега, где располагалась база «Кладоискатель»

ко месяцев пиратствовал в водах Южного океана — у Австралии и Новой Зеландии, потопив не одно надводное гражданское судно.

В 1939 году на севере Кольском полуострове, в губе Нерпичья, по соглашению с правительством СССР планировали создать секретную морскую базу «Базис Норд», откуда планировали проведение операций в Гренландии, Баренцевом и Карском морях. Но, к счастью, планы так и остались планами, отсюда немцы ушли только перед самой войной.

Контроль за Северным путем

Немецкая операция «Кладоискатель» стала частью разработанных командованием Германии серии секретных операций в Арктике — на Шпицбергене, на о. Надежды, Земле Франца-Иосифа и Новой Земле. В период 1940–1945 гг. морская служба ВМФ Германии организовала посылку 13 групп наблюдателей, метеорологов и радистов, а в активе метеослужбы Люфтваффе значились одна экспедиция на Шпицберген и две — на остров Надежды. Сбору метеоданных из Арктики, тем более, когда пошли союзные конвои, немецкое командование придавало особое значение. Для сбора ценнейшей метеоинформации немецкое командование разработало план создания на суше системы станций наблюдения. Организация каждой метеостанции, ее обслуживание и снятие затем людей тщательно разрабатывались, и каждое такое мероприятие получало гриф «Операции» с именным кодом. Деятельность каждой из метеостанций всесторонне анализировалась, и накопленный опыт использовался для организации новых пунктов наблюдений; часто тактика будущих операций менялась в зависимости от оценки полезности и эффективности той или иной ее стадии.

Находки на Земле Александры

В 1951 г. проводящая исследования на Земле Александры советская полярная экспедиция юго-восточнее станции Нагурской неожиданно наткнулась на бревенчатые постройки, на одну четверть врытые в землю. При обследовании загадочного места им предстала странная картина. Стены срубов в целях маскировки были выкрашены белой масляной краской. Вокруг постройки был прорыт окоп с оборудованными пулемётными гнёздами. В них и крытой постройке в массе валялись патроны, а внутри помещения стояла мощная радиостанция. Поблизости от этого укрытия был обнаружен солдатский блиндаж с секретными немецкими уставами и журналами метеонаблюдений. Находившиеся в округе склад продовольствия, жильё и механизмы оказались в полном порядке. У обнаруживших склад создалось полное впечатление, что этот непонятный объект

▶ Фрагмент разрушенного строения базы «Кладоискатель»

▼ Основное здание базы «Кладоискатель», фотография с самолёта, 1940-е гг. Из книги: Franz Josef Land. Oslo, 1995

был покинут совсем недавно, причём в спешке, внезапно. Такова официальная информация о найденной в советском секторе высокой Арктики немецкой базы времён Второй мировой войны. Лишь позже из самых разных зарубежных источников стало известно, что это были сооружения немецкой метеостанции, ставшей частью несколько лет проводимой Германией операции по сбору сведений о погоде в Арктике.

Немецкие метеоэкспедиции

История деятельности немецкой базы по зарубежным источникам представляется следующей. В 1943 году немецкие метеоэкспедиции проникли уже и в высокие широты Советской Арктики. Группа метеорологов в составе зимовочного экипажа провела операцию «Кладоискатель» — «Schatzgräber». На неведомые немцам берега арктического архипелага Земля Франца-Иосифа отправилась команда военных специалистов из десяти человек. Её возглавляли научный руководитель В. Дресс и военный руководитель лейтенант А. Макус. В их подчинении были метеорологи, двое из этой группы уже имели опыт работы в полярных широтах, участвуя в 1941–1943 гг. в операциях на Шпицбергене.

Начало «Кладоискателя» задерживалось: порт Киль, откуда должен был выйти траулер «Kehdingen» с экспедиционной группой на борту, постоянно обстреливался, и подготовленные к погрузке на судно грузы экспедиции были разбомблены. Лишь в августе 1943 г. корабль в составе конвоя вышел в рейс курсом на Тромсё. По пути к ним присоединилась подводная лодка U-387. Из Тромсё курс «Kehdingen» лежал на один из самых западных островов в архипелаге Земля Франца-Иосифа — на Землю Александры. Ледовая обстановка в этот год явно благоприятствовала немцам, и первый дрейфующий лед они встретили лишь в 50 морских милях от точки назначения.

В бухту Кембридж на северо-востоке Земли Александры корабль вошёл 8 сентября; акватория оказалась свободной ото льдов и айсбергов. Встав на рейд на расстоянии около 500 метров от берега, быстро приступили к разгрузке судна. Вёсельными лодками доставляли провизию, снаряжение, амуницию и оборудование на восточный берег бухты. Вся операция по разгрузке корабля длилась восемь дней, после чего подводная лодка и «Kehdingen» легли на обратный курс.

Строительство станции

Оставшиеся на затерянном в полярных широтах острове немцы срочно начали строить будущую станцию. Первым делом решили создать аварийный склад в пяти километрах к западу, чтобы его обширные размеры не демаскировали саму станцию. Позднее склад перенесли вглубь острова ещё на три километра. Станцию оборудовали капитально. Главный дом имел двойные стены, был обит снаружи — толем, а изнутри — войлоком, и состоял из четырех помещений: жилой комнаты, спальни, радиорубки и рабочего кабинета. С наступлением морозов дом еще утеплили войлоком, а крышу покрыли вторым слоем толя. Для отопления использовали печки и камин, их топили углем, для чего его завезли четыре тонны, и плавником. Помещения отапливались постоянно, печи и камин работали круглосуточно. Снег с дома не убирали, используя его в качестве дополнительной термоизоляции. Из освобожда-

▼ Упаковка от сигнальных патронов для ракетниц. Из архива национального парка «Русская Арктика»

▼ Территория бывшей немецкой базы «Кладоискатель» с разбросанными артефактами. Из архива национального парка «Русская Арктика»

▲ Участники Комплексной экспедиции СФ РФ на поисках артефактов на месте бывшей базы «Кладоискатель»

ющихся ящиков соорудили у дома склад и павильон для запуска радиозондов. В целом, станция была надёжно защищена — с запада и востока мощными ледниками, а с юга и севера немцы создали две узкие полосы из минных заграждений. Кроме того, для защиты своей базы немцы соорудили и огневые точки на случай внезапного нападения противника.

В 2019 г. посетившие место бывшей немецкой базы участники Комплексной экспедиции Северного флота РФ насчитали аж восемь таких огневых точек, каждая из которых со стороны возможного нападения противника имела защитный вал из булыжников и крупных валунов.

Программа «Кладоскатель»

Основная работа по программе «Кладоискатель» началась 15 октября, и в эфир немцы впервые вышли 1 ноября. С 9 ноября 1943 года по 2 февраля 1944 года, когда продолжалась полярная ночь, вся команда не рисковала уходить от дома станции. С наступлением светлого времени было решено создать дополнительный аварийный склад на мысе Нимрод, на северном берегу Земли Александры. Туда перенесли небольшой радиопередатчик с ножным чекером-движком, три четырехместные палатки, двухнедельный запас продовольствия и горючего, спальные мешки, одежду и медикаменты. Весной, с началом снеготаяния, немцы прорыли вокруг дома траншею для отвода талых вод. Для выполнения всего объема работ по рации было запрошено дополнительное оборудование. И в мае с базы в Банаке сюда самолетом были совершены два рейса. Ориентировался самолет по станционному радиоприводу, но во втором рейсе из-за сильного юго-восточного ветра самолёт снесло на 100 километров.

Проблемы зимовки

Видимо, немцы чувствовали себя на Земле Франца-Иосифа в безопасности. Но, в отличие от них, такой уверенности в безопасности не было у командования операции на материке. Тем более, что на исходе лета отправившийся сюда немецкий корабль-снабженец с провиантом для команды «Кладоискателя» попал под английские бомбы и затонул в нескольких милях от берега. Предвидя, что их может ждать голодное существование, а тем более консервы и сухофрукты им уже надоели, немецкие метеорологи устроили охоту на белого медведя; им захотелось свежатинки. Вот это-то и привело к весьма трагическим последствиям. В мае охотник экспедиции В. Бланкенбург завалил медведя. Сырое мясо полярного хищника пользовалось у немцев повышенным спросом. Но вскоре сам охотник, первый среди всей команды, почувствовал боли по всему телу и у него поднялась температура.

Оказалось, что он больше других употреблял сырое медвежье мясо и первым заболел трихинеллезом. Через десять дней «его примеру» последовали и остальные участники «Кладоискателя»: они стали жаловать-

▶ Маршрут прохода немецкого рейдера «Комет» по трассе Северного морского пути и далее

ся на быструю утомляемость, боли в пищеварительном тракте и высокую температуру. Лишь один Г. Гофман был менее других поражен этой страшной болезнью. О сложившейся ситуации доложили в Осло, откуда последовала депеша о рекомендованной в таких случаях диете и приказ об отправке на материк ежедневных сводок о состоянии здоровья полярников.

Эвакуация экспедиции

Командование приступило к разработке плана эвакуации экспедиции. Тем более, что среди участников операции на почве заболевания начались нервные срывы. Руководство всей операцией «на месте» перешло к А. Макусу как наиболее выдержанному человеку. Но снятие группы с этого арктического острова затруднялось двумя обстоятельствами. Земля Александры ещё была окружена сплоченным ледовым покровом, а, значит, надводный корабль или подводная лодка не могли подойти к острову. Для приёма же самолета требовалась посадочная полоса длиной до 1600 метров. Соорудить взлетно-посадочную полосу такой длины среди каменистой местности было невозможно. Динамитом кое-как удалось расчистить полосу длиной всего 800 метров. Летчик Штанке, пилотирующий FW-200, получил приказ доставить на Землю Франца-Иосифа врача и сбросить его на парашюте.

Но летчик, нарушая приказ, решил-таки посадить самолет на острове. Приземляясь вблизи станции на расчищенную полосу, Штанке повредил шасси. Ситуация сложилась для немцев критическая. Через четыре дня, аж из самого Марселя (!), вызвали специально другой самолет с опытным пилотом, который доставил в Арктику и сбросил запасное колесо для шасси самолета Штанке. Отремонтировав FW-200 и подготовив ещё 600 метров полосы, немцы приготовились к эвакуации. Всё имущество и оборудование они бросили, а команда «Кладоискателя» залезла в самолет к Штанке, который, пользуясь попутным ветром, всё же сумел оторвать от земли перегруженный борт. Эвакуация прошла успешно, и всю команду доставили в Банак. А летом на брошенную базу зашла подводная лодка и забрала часть оставшегося оборудования.

Эхо войны

Но на этом история немецкой метеостанции на Земле Александры времён Второй мировой войны не закончилась. Она имела интереснейшее продолжение через 45 лет. Один из участников операции, Рудольф фон Гарбаты, после окончания войны всё время переживал, что после эвакуации всей команды с Земли Франца-Иосифа там, у преддверия Северного полюса, осталась заминированной территория станции. Оказывается, заходившие туда на подлодке немцы заложили мины подо все объекты и на территории вокруг них. Видимо, из газет, радио- и телепередач бывший немецкий солдат знал, что на этом архипелаге успешно работают советские ученые-полярники и бывают многочисленные научные экспедиции. Совесть его мучила до 1990 г.: он четыре раза принимался писать письма в Союз, но каждый раз боялся наших органов госбезопасности. И всё же на пятый раз он набрался смелости и решил написать об этой страшной тайне. Фон Гарбаты послал в СССР письмо, снабдив его подробным описанием и картой заминированных объектов.

Мин нет

Каким образом эта информация, письмо и карта, попала к учёному-историку Сьюзан Барр (Susan Barr) из Норвежского полярного института в Осло, много лет проработавшей в Арктике, неизвестно. Но летом 1990 г. в составе совместной советско-норвежской экспедиции на Землю Франца-Иосифа вооружённая картой Р. фон Гарбаты она побывала на архипелаге и посетила место бывшей немецкой базы «Кладоискатель». Именно она сообщила нашим вертолётчикам о местонахождении мин у брошенной немецкой базы. И только после этого мины были обнаружены и обезврежены. Одну из ржавых «железяк», валявшихся среди камней на далёкой арктической суше, подобрала Сьюзан Барр и увезла в Норвегию на память о посещении архипелага, к которому у этой скандинавской страны интерес наблюдается не одно столетие. УС

▼ Банка из-под сардин, найденная на месте бывшей базы «Кладоискатель»

Лететь нельзя не лететь

Забытые катастрофы на Урале

Юрий Мамонтов

В 1977 году закончил Армавирское училище летчиков. Служил в истребительной авиации ПВО. Летал на дальних перехватчиках в Заполярном Урале. Военный летчик 1 класса. Ветеран военной службы. Ветеран Труда.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Автор благодарит за оказанную помощь, предоставленные уникальные фотографии музей Университета Гражданской авиации в Санкт-Петербурге, историка-исследователя, консультанта музея Геннадия Федоровича Петрова.

Этот случай стоит в стороне от тех, о которых было рассказано в нашем журнале в предыдущих номерах, здесь имеет место... Итак, всё по порядку.

Недозаправили?

Утром 8 июля 1961 года экипаж Ил-14 П Украинского территориального управления ГВФ (86 авиаотряд) осуществил взлет из Киева. Произведена промежуточная посадка в Казани. Бортмеханика на борту нет. Ответственность за заправку лежит на втором пилоте. Штурман экипажа не обратил внимания на количество заправляемого топлива. Дозаправка закончена. Вылет произведен в 16:32. Следующая посадка в Свердловске.

Итак, топлива было 1.108 кг, на 550 кг меньше необходимого с учетом аэронавигационного запаса. Почему командир экипажа произвёл взлёт с недостаточным количеством топлива? (Примечание: ввиду гибели экипажа причины недостаточной заправки горючим перед вылетом из Казани установить не удалось). Каковы версии?

Первая: топливозаправщик был с меньшим количеством топлива, а ждать час, когда его (топливозаправщик) заправят, командир по причине однозначного опоздания в Свердловск не захотел — «долетим и так».

Вторая: топливозаправщик прибыл с опозданием к самолёту.

Третья: небрежность экипажа — не смотрели, не контролировали (но это маловероятно).

Четвёртая: торопились и опаздывали. «Бегом-бегом», «хватит заправлять — полетели!»).

Пятая: ошибка в расчётах (в те годы расчёт вели по номограммам в руководстве по лётной эксплуатации самолёта (РЛЭ), могли банально не туда посмотреть).

Шестая: неверно считали показания топливомера или был частичный отказ прибора. **Поплавок завис в верхней точке — вот тебе полный бак.**

Седьмая: полёт на повышенном режиме. Хотели путевую скорость держать против сильного встречного ветра или механизацию (закрылки) по-

Уральский следопыт, июнь 2021

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

ной с земли высоте 1.200 м. Только над Красноуфимском экипаж окончательно понял, что топлива недостаточно, и перевёл двигатели на уменьшенный расход и установил скорость на максимальную дальность. Скорость была уменьшена (путевая стала 232 км/ч) и в 18:45 экипаж уточнил время прибытия — 19:32. Последняя радиосвязь состоялась в 18:51 — Ил-14 П на заданной линии пути. Затем связь прекратилась.

Свидетели (жители п. Сосновый Бор) показали, что самолет летел на малой высоте со снижением с работающими двигателями, которые то увеличивали, то уменьшали тягу. Это понимать нужно так: последние литры топлива то попадали в двигатель и раскручивали винты, то переставали попадать и двигатель хлопал. В общем, перебои работы двигателя были налицо. В итоге произошла остановка двигателей из-за полной выработки топлива.

Снижаясь на малой скорости и не уходя с линии пути, в 19:00 в 120 км западнее а/п Кольцово самолет столкнулся с деревьями, разрушился и сгорел.

сле взлёта не убрали, а режим полёта по скорости выдерживали.

Восьмая: обледенение на маршруте «поймали».

Девятая: ошибка при перекачке в расходные баки (если была такая опция). Могли включить перекачку и при переполнении расходных баков топливо стало выбивать через дренаж. В результате полили трассу топливом, а самим не хватило.

Высота полета была задана 1.800 м. Прогноз погоды по маршруту: облачность 7 баллов, мощно-кучевая с нижним краем 1.000 м, дождь, возможна гроза. Фактическая погода: облачность 3 балла, в конце маршрута 9 баллов, слоисто-кучевая с нижним краем 1.000 м, видимость 10 км. Ветер северный до 30 км/ч (Ветер «съедает» топливо. Экономить не получается). При входе в Свердловскую зону ответственности была задана высота 1.200 м, после пролета Янаула экипаж доложил о занятии 1.200 м и о расчетном времени прибытия в Свердловск 19:20 мск (Примечание автора: снижаться было нельзя. А наоборот, для меньшего расхода топлива нужно было просить большую высоту).

В 18:42 экипаж доложил пролет визуально Красноуфимска на задан-

На следующий день утром, 9 июля в 08:00, самолет был обнаружен в лесу в 7 км южнее линии пути. Весь экипаж, 3 взрослых пассажира и один ребенок — погибли. Остальные 17 пассажиров, в т.ч. 2 ребенка, получили различные травмы и были доставлены в больницы.

Свидетели — жители — рассказывали, что оставшиеся в живых пассажиры по ручью (речушке) вышли в Сосновый Бор. Им была оказана медицинская помощь. Останки самолёта были вывезены по проложенной для этого дороге. В наши дни этой дороги давно нет — она полностью за-

www.uralstalker.com

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

росла деревьями. Опознать точное место падения невозможно даже тем детям (ныне старикам), кто в те дни бегали к самолёту «посмотреть». Металлоискатели звуков ныне не подают — природа от посторонних спрятала все факты основательно. Всё заросло деревьями и надёжно. Но крест погибшим поставлен. За это спасибо!

Командиру нужно было развернуть самолёт над Красноуфимском и выполнить посадку на площадку

в Янауле, но тогда последствия для командира были «существенными», и, может быть, он отказался из-за этого и понадеялся «дотянуть» до Кольцово. Не получилось. Авиация ошибок не прощает!

Интересно, а как в наши дни рассчитывают необходимый запас топлива по доставке пассажиров в пункт назначения? Беседую с пилотом. Не открывая руководящие документы, он кратко рассказывает: запас топлива на борту должен быть таким, чтобы обеспечить уход с аэродрома назна-

чения на запасной аэродром, а после посадки на запасном аэродроме остаток в баках должен быть не менее чем на 30 минут полёта.

В центре авиакомпании создаётся подробный план полёта по маршруту. Рассчитывается необходимый запас топлива. Запас зависит от расстояния, веса самолёта, высоты полёта и даже скорости ветра и температуры воздуха за бортом. Запас топлива на борту «перепроверяется» бортовым компьютером. Как правило, для занятия необходимой высоты требуется 30 минут. После набора этой высоты один из пилотов проверяет запас топлива общий и по группам баков, сравнивает расчётные данные с фактическими. Каждые 30 минут на протяжении всего полёта происходит повторение проверки. В кабине есть приборы контроля за остатком и расходом топлива и необходимая сигнализация, в том числе аварийная. Если расход топлива увеличен, а остаток меньше заданного (расчётного), экипаж ищет причину. Возможно, что «виноват» сильный встречный ветер или длительный полёт на высоте менее расчётной по причине указаний диспетчера. Наиболее неприятна техническая причина несоответствия остатка топлива из-за отказа оборудования, в том числе утечка. Тогда принимается решение на продолжение полёта, возврат на аэродром вылета или посадка на запасном аэродроме. Обязателен доклад в эфир. В любом случае, задача экипажа — обнаружить причину возникновения несоответствия, принять меры для обеспечения безопасности пассажиров и самого самолета. Окончательное решение принимает командир воздушного судна. Экипаж внимательно следит за расходом топлива и его остатком на протяжении всего полета.

В Вооружённых Силах Казахстана зимней ночью 2016 года был потерян самолёт Су-27. Сам лётчик катапультировался. При расследовании выяснилось, что была полная выработка топлива, а самолёт был выпущен в полёт недозаправленным. Лётчик был осуждён на 4 года.

Вспоминаю курьёзный случай в начале освоения МиГ-31 в 1980-х. Два руководителя в кабине. Время полёта было ограничено. Запас топлива с избытком. Нужно его уменьшить. Так как существует ограничение по посадочному весу. Включают слив топлива и… забывают. Вспомнили только тогда, когда «РИТА» (речевой информатор) сказала: «Аварийный остаток топлива» и вдобавок «загорелось» на табло «Аварийный остаток» и замигал «паникёр» (лампа «смотри аварийное табло»). Прекратили задание и «быстренько» осуществили посадку с дальнейшими выводами. В кабине вообще нужно быть очень внимательным и аккуратным — случайное нажатие кнопки может привести к завышению показания на приборе запаса топлива, а точнее — несоответствию реальному.

Ошибки с расчётом топлива происходят. Имеют место случаи перепутывания при заправке килограммов с литрами, галлонами, фунтами. УС

Комментарий

Владимир Катомин — *ветеран гражданской авиации России. За плечами пилота много освоенных типов пассажирских и транспортных самолётов, полёты над территориями других стран. Командировка в Африку.*

Ставлю под сомнение «недолив» в 550 кг. Как его определили? Беру свою старую линейку НЛ-10 М и получаю: 1 час 30 минут полёта. В то время незапланированная посадка, скажем для дозаправки, допускалась. В данном случае для экипажа остановка двигателя по отсутствию топлива стала неожиданностью, это привело к решению аварийной посадки вне аэродрома. По приборам полную выработку топлива, вероятнее всего, экипаж не увидел по причинам неправильных показаний топливомера или отказа насосов. Насосы находятся в самой нижней точке бака. При эксплуатации самолёта такие причины были. Необходимо проверить работоспособность топливных насосов при минимальном остатке топлива. Я не исключаю, что можем получить любопытный ответ, но как это сейчас сделать? Теперь о показаниях топливомеров. И я, и мои товарищи по лётной работе сталкивались с тем, что существует погрешность в показаниях приборов остатка топлива, в том числе на современных воздушных судах. Причины следующие: зависание, заедание и даже заклинивание поплавков в верхнем положении. А это и могло стать причиной недозаправки самолета, а может быть, и причиной «неожиданной» остановки двигателя. Другими словами, по прибору топливо есть, но фактически его нет. Что делать? Посадка перед собой! Но полностью гарантировать благополучную и безопасную посадку вне аэродрома невозможно. Да, действительно, могла быть ошибка в расчёте топлива и даже слабый контроль его расхода. Но всё же если такое было, то экипаж выполнил бы посадку для дозаправки на промежуточном аэродроме. Маловероятна полная выработка топлива из-за потери ориентировки — время полёта небольшое.

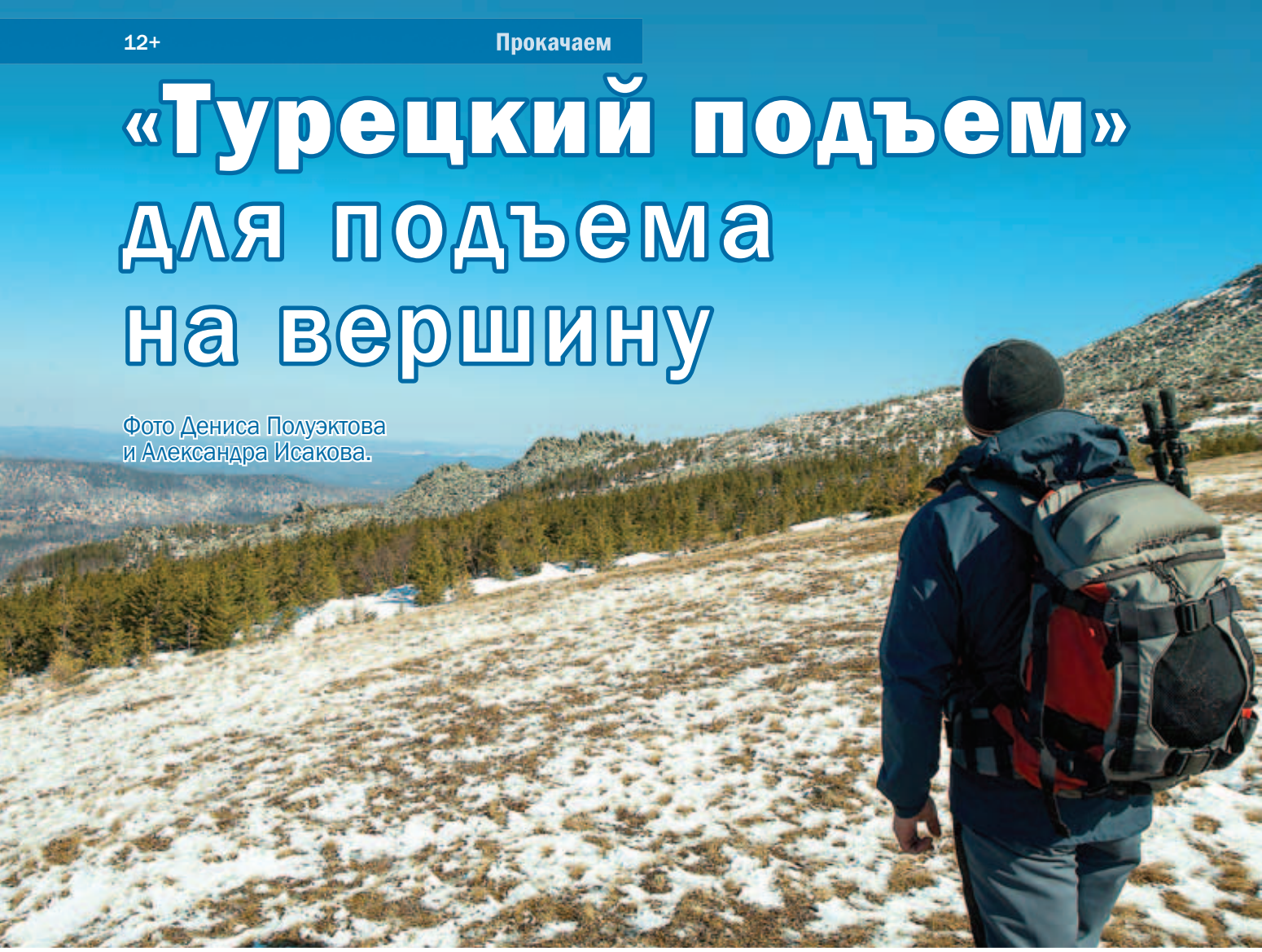
К сожалению, в истории авиации много примеров посадок самолётов вне аэродрома по причине полной выработки топлива. А в транспортной авиации при перевозке грузов такое происходило чаще. Выполняя полёты на максимальные расстояния, сталкиваешься со встречным ветром, и иногда очень «злым» ветром. Время полёта резко увеличивается, а с ним и расход топлива большой. У меня были единичные случаи, когда при перевозке тяжёлых грузов я вынужден был выполнять посадки на запасных аэродромах, не дотянув до требуемых по заданию. Потом приходилось исписывать «море» объяснительных. Но всегда должен присутствовать здравый смысл. Лучше ситуацию исправить сразу, а не полагаться на то, что всё обойдётся. С топливом не шутят! А двигатели без топлива не работают. Это посадка на вынужденную, и неизвестно, как всё получится.

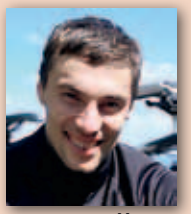
Я помню полёты на Ту-134 в московской воздушной зоне (МВЗ). Зона насыщена летательными аппаратами, возникает очередь на посадку. Заход на посадку могут запретить по тем или иным причинам. «Угонят» на запасной. А на запасной, как правило, уже идёт несколько бортов, и опять очередь на посадку. На Ту-134 топлива «лишнего» никогда не было, и я, признаюсь сейчас, осуществил посадку с давно горевшей волчьим глазом лампой аварийного остатка топлива. Эта лампа «убивает» у экипажа много здоровья и сокращает продолжительность дальнейшей жизни. Конечно, при таком остатке пропускают на посадку в первую очередь, но об этом я обязан сообщить диспетчеру заранее. В общем, с сильным экипажем самолёт может лететь много без чего и даже с неисправностями, а вот без топлива самолёт летать не будет, проверено историей авиации.

В заключение скажу, что на современных воздушных судах расчет топлива и его контроль много надежнее в плане безопасности. Но нацеленность экипажа на экономию топлива существует и без причины экипаж на запасной аэродром не уйдёт. В Аэрофлоте, например, резерв топлива для возможных неприятностей включён в заправку.

«Турецкий подъем» для подъема на вершину

Фото Дениса Полуэктова и Александра Исакова.

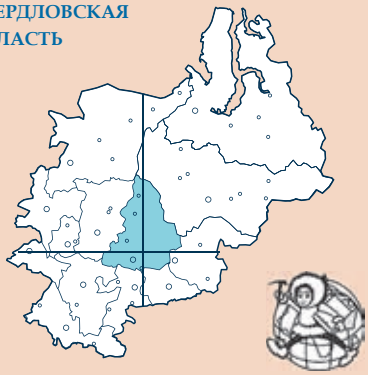




Евгений Ватагин

Персональный тренер. Кандидат в мастера спорта по пауэрлифтингу. Призер областных соревнований по боксу и армрестлингу. Проходил военную службу в морской пехоте. Активный покоритель лесов и гор.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ



Сегодня я бы хотел рассказать вам о том, как формируется и осуществляется движение в нашем теле.

Ходьба — процесс абсолютно бессознательный. Во время ходьбы мы можем разговаривать, принимать пищу и делать все что угодно.

Но если посмотреть на ребёнка, который учится делать первые шаги, можно увидеть, что этот процесс полностью овладевает его сознанием. Или на человека после тяжёлого ранения или инсульта, восстанавливающего естественную функцию ходьбы, тоже не скажешь, что это дается ему легко.

Процесс ходьбы включает в работу около 200 мышц и десятки суставов, поэтому овладеть ей не так уж легко. А если мы возьмём сложнокоординационные виды спорта, такие как фигурное катание или прыжки в воду, в которых трудно понять, как человек может выполнять такие пируэты. Но, на самом деле, все не так уж сложно, ведь двигательная карта содержится у нас в голове, а точнее — в лобной доле. Как тройной тулуп, так и сколиоз — это шаблоны поведения, выученные нашим мозгом наизусть.

Тело адаптируется под всё, что регулярно практикует — это механизм выживания.

Процесс обучения правильному движению весьма тернист и извилист, но я постараюсь объяснить вам всё максимально доступно.

Любое движение, которое мы хотим осуществить, начинается в головном мозге, и именно — в сенсорной карте.

Сенсорная карта — это ощущение тела в пространстве. Она включает в себя огромное количество рецепторов нашего тела. Особенно много их в области суставов и соединительной ткани. И чем больше

и разнообразнее мы двигаемся, тем чётче наша карта. Как только в нашей голове возникает желание поднять руки, мозг мгновенно получает информацию от суставов, которые будут задействованы. Далее в дело вступает моторная карта. Она включает в себя все двигательные шаблоны, выполненные нами ранее.

И, наконец, мозжечок. Он загружает моторную карту и посредством спинного мозга начинает осуществлять движение, предотвращая все нежелательные процессы. Одновременно он получает информацию и редактирует сенсорную и моторную карту. Благодаря этому корректированию наши движения с каждым повтором становятся лучше и чётче. Так мы учимся ходить, бегать и делать все остальное.

Но мы можем с лёгкостью утрачивать приобретенный нами навык. Если не будем, как я говорил, практиковать его регулярно. Это происходит ввиду того, что сенсорномоторная карта начинает утрачивать свою ясность, так как отсутствует входящая информация, которая бы могла ее каждый раз проявлять.

Поэтому нам очень важно двигаться, чтобы иметь возможность жить полной жизнью. Ведь любая боль и ограничение движения в нашем теле — это неясная карта нашего тела.

Вот пример, который будет многим знаком: вы выполняете какую-нибудь работу по дому, вдруг зазвонил телефон, вы резко повернули голову и почувствовали резкую боль в шее. Это произошло потому, что движение было выполнено слишком быстро, а сенсорномоторная карта была некорректна. Поэтому мозжечок быстро прекратил нежелательно движение, спазмировав мышцы с противоположной стороны.

Лучшая профилактика — это регулярное и разнообразное движение.

Только так можно поддерживать адекватные двигательные шаблоны и жить без ограничений.

«Турецкий подъем» — одно из лучших упражнений, которое подготовит вас к неожиданностям.

Задача упражнения — лечь и встать, постоянно удерживая снаряд над головой.

Техника выполнения:

Берём подручный снаряд — это может быть гиря, гантеля, штанга, бутылка воды — в правую руку. Поднимаем над головой. Далее делаем выпад назад и встаем левым коленом на пол, далее опускаем левую руку на пол. У нас в опоре левая рука и правая стопа, толкаем ими пол, приподнимаем левое колено, проносим его вперед и садимся на ягодицы.

Далее через круглую спину, опираясь на левую руку, ложимся на пол. Далее в обратной последовательности — сначала садимся на ягодицы, опираясь на левую руку. Затем погружаем в пол правую стопу и левую ладонь, проносим левую ногу назад и встаем на колено. Отталкиваемся левой рукой, остаемся в опоре на правую стопу и левое колено и далее толкаем пол правой ногой и встаем на обе ноги. Повторяем на другую сторону. УС

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Командный опыт

Постоянно присутствуя на мероприятиях «Уральского следопыта» по долгу службы и по велению сердца, я вижу все «снаружи», в этот раз решила посмотреть «изнутри».

Прошла туристический квест «Незнайка на Луне» с командой шестиклассников гимназии № 9 с актуальным названием «Туристы на самоизоляции». Иван, Илья и Константин разрешили присоединиться к ним на Майском экстриме 2021.

Лирическое отступление

Как-то общалась по делам, абсолютно не относящимся ни к журналу, ни к туризму вообще, с представителем одной столичной организации. После делового общения москвич нашел меня в соцсетях, добавился в друзья и через какое-то время, сменив деловой тон на дружеский, написал: «Видел у тебя на страничке ссылку на «Уральский следопыт», ты какое к нему имеешь отношение?». «Работаю», — отвечаю, не понимая смысл вопроса и смены формата общения. Оказалось, что парень с друзьями проводят в Москве квесты для детей и взрослых — можно даже вертолет заказать и спуститься на нем на землю, как Джеймс Бонд. Перед тем, как открыть предприятие, москвичи изучали имеющийся в стране опыт, в том числе опыт фестивалей «Уральского следопыта».

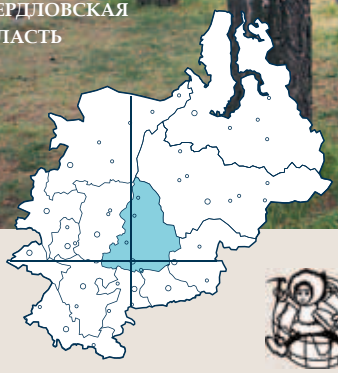
«Мы, конечно, классные квесты делаем, но до вашего уровня, когда в самом центре города пилят дрова, разводят костер, переправляются на катамаранах через реку, прыгают на каяках с моста, штурмуют на катамаранах створ плотины, там же, в створе плотины, соревнуются по скорости альпинисты, даже мы не дошли. И сколько у вас стоит участие?».

«Нисколько», — ответила я и ввела в ступор столичного коллегу. «Нисколько» — это для участников я имела в виду. Про «затраты» (нервов, сил, времени и прочего) организаторов промолчала. Главное ведь — результат!

Три товарища Незнайки на Луне

На регистрации «присматривала» себе команду, к которой можно приклеиться «хвостом». Благо — команд 86, разного возраста, разного количественного состава. Особо «приглянулась» мне команда «Туристы на самоизоляции» — шестиклассники из 9-й гимназии, да и количество их не сильно боль-

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ



Наталия Дудко

Редактор раздела «Встречный ветер», член Союза журналистов России.

Фото автора и Евгении Фирсовой

шое — всего трое. Иван, Илья и Константин, посовещавшись, разрешили их сопровождать. Общий язык мы нашли сразу, парни оказались доброжелательными и коммуникабельными. Команда — новички, все участвуют первый раз. Ну тем интереснее, как пойдет процесс!

За время работы в «Следопыте» на наших фестивалях я видела разные команды, разную тактику и стратегию участников, разную успешность.

Тактика упорства и веры в себя

«Туристы на самоизоляции» выбрали тактику спокойного последовательного прохождения этапов. Парни не бегали, не суетились, не высчиты-

вали, где лучше, быстрее, легче пройти, а спокойно, поочередно проходили этап за этапом, что попадались на пути следования. Про себя я предположила, что ученики «девятки» предпочтут интеллектуальные этапы, а нет — выбрали спортивные. Выполняли задания тщательно, не спеша, используя все попытки, не бросали — типа «не получается и не надо, бежим дальше». Ни разу в команде не раздавались слова: «Я это не смогу», «Мы это не сделаем», «Я не справлюсь», «Давайте не будем это делать». Упорством и верой в себя они меня покорили.

А еще они меня покорили воспитанностью и интеллигентностью — ни разу не ругались и не спорили в «очереди» на тот или иной этап. Если возникали спорные моменты — кто вперед пришел и кто «тут уже стоял, а кого не было», всегда спокойно уступали и не спорили. Один раз уже не выдержала я и «включила маму» — поспорила с педагогами и родителями одной шумной и многочисленной команды, которая аж на трех этапах каким-то загадочным образом оказывалась впереди нас, хотя приходили позже. Мы «победили», я отстояла нашу очередность. И поняла, что споры как раз-таки заводят взрослые, а не дети.

Этап за этапом

Как я уже упомянула, «Туристы на самоизоляции» пошли в основном по этапам, где задания были физкультурно-спортивной направленности. Достаточно хорошо прошли по бревнам, преодолели путь по веревкам, справились с ориентированием, отлично приземлились с парашютом, сдали нормы ГТО, постреляли, даже побоксировали.

На некоторых этапах удалось удивить судей, очень быстро и легко выполнив сложные задания: «Ничего себе скорость! Вы только третья команда, кто так классно прошел!»

Интеллектуальные задания (когда мы наконец-то до них дошли!) парни решали быстро, порой поражая своими рассуждениями судей.

Кучу эмоций вызвала у мальчишек переправа через Исеть. Грести дружно, слаженно, да еще и правильно — это надо либо уметь, либо очень стараться. Мы старались! «Мы» — потому что катамаран рассчитан на четверых и я тоже села на весла.

Оторвались по полной мальчики на творческих заданиях. Лихо и без запинок отбарабанили африканскую мелодию на африканских барабанах. А, выполняя задания на этапе «Крокодил» (нужно без слов изобразить предмет или явление), даже собрали вокруг восторженных зрителей.

Поначалу мы считали каждую монетку (баллы), заработанные за задания, потом перестали. А когда чуть не потеряли мешок с монетами, а потом еще и рассыпали их — было понятно, что парни увлеклись самим процессом, а не результатом.

Дебют состоялся

Не буду держать интригу — после подведения итогов команда «Туристы на самоизоляции» где-то в середине рейтинга. Да, мальчики не меняли полученные за пройденные этапы монетки на акции (на этом можно было «заработать» баллы), не отвечали онлайн на вопросы, появлявшиеся во время квеста в сети «ВКонтакте». Но для новичков считаю результаты очень даже неплохими!

По окончании уставшие — сами попробуйте на сильной жаре распилить бревно, подтянуться, побоксировать, а потом быстро решить задачки — с разрешения родителей пошли в пиццерию восстанавливать силы и делиться впечатлениями.

Не знаю, что именно вынесли из участия в квесте Ваня, Илья и Костя — «учительницу включать» и лезть с нудными расспросами не стала. Но думаю, что парни поняли, как ре-

шение и действие одного участника влияют на результат всей команды, работать дружно и слаженно не всегда просто, а заставить себя перешагнуть через свои страхи, неумения — самое сложное.

А я… с радостью «встретилась» с любимым персонажем детства Незнайкой и пожалела, что мой 6 класс далеко-далеко позади. УС

480

УРАЛЬСКИЙ следопыт
ISSN 0134-241X
www uralstalker.com

Июнь 2021

αэлита

50 **Законы Вселенной**
ЕКАТЕРИНА СКОМОРОХОВА
Храм счастливого одиночества **50**

77 **Повод для улыбки**
ВЛАДА ЛАДНАЯ
Молитва о предателе **77**

63 **Координаты чудес**
ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВИЧ
Меня зовут Июль **63**

81 **Повод для улыбки**
ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ
КРИОбудущее **81**

Храм счастливого одиночества

Екатерина Скоморохова

Родилась в семье спортсменов, однако её первым значимым достижением стала не медаль с соревнований, а корочка кандидата филологических наук. Преподавала в университете связи с общественностью и журналистику, работала корреспондентом, редактором, PR-специалистом. Продвигала в массы образование и науку, энергетику, телекоммуникации и художественную литературу. Последнее направление привело к появлению собственных рассказов в жанре фантастики. Родной город Екатерины Тамбов, сейчас она живёт в Липецке.

В тот вечер содержимое бутылки идеально встроилось в мембраны моих нейронов, нарушив работу нервных клеток. Нет, я не алкоголик, просто был повод, даже два, а, точнее, три. Хотя это уже не важно.

— Первый тост за молодых! — Платон Бухнин поднял стакан.

Родители дали сыну имя философа, надеясь, что оно перетянет на себя проклятие говорящей фамилии. Мой друг вырос хорошим человеком, но от спиртного не отрёкся. Просто, следуя заветам предков и благородному своему имени, со студенческих лет пил исключительно дорогой виски и коньяк. Ради удовольствий он был готов много работать, и к тридцати годам Бухнин, отрастив бородку и пузо, стал исполнительным продюсером в издательстве компьютерных игр.

— Плут, — по привычке я звал друга студенческим прозвищем, — Варя ушла от меня.

Бухнин хмыкнул и, не опуская тяжёлую руку, невозмутимо продолжил:

— Тогда за мою победу в споре. Прости, Григорьев, но ваши отношения были обречены. — Платон залпом осушил стакан и с грохотом поставил его на стол. — Благодаря тебе Кирьянов проспорил мне бутылку «Реми Мартен»!

Я молча выпил, удивляясь финансовой и психологической проницательности Бухнина, и расслабился, принимая форму кресла под мягким освещением полутёмного бара.

— Ну, быстро говори, почему расстались, и закроем тему. — Бухнин спешно разливал по второй.

— Сказала, что мы говорим на разных языках, что я домосед, мизантроп и волосатая обезьяна, которая считает себя умнее других. — Я лениво отвечал, почёсывая двухдневную поросль на своём лице.

Бухнин засмеялся:

— Молодец девчонка! Лучшее определение программиста, которое я слышал. Григорьев, ты не расстраивайся: считай, она тебе жизнь спасла. Моя змея с меня живого теперь не слезет. — Платон вздохнул, и на мгновение в его глазах отразилась тоска женатого человека. — Ты просто не настроил с Варей пользовательский интерфейс. С играми у тебя получается лучше, чем с людьми… Всё, меняем тему! Давай же спроси меня! Тебе же не терпится всё узнать!

Если честно, мне было плевать, как прошёл запуск игры, над которой наша студия год проработала на аутсорсе у компании Бухнина. Но, чтобы потешить самолюбие друга, тихо прошептал:

— Значит, ты успеваешь перевести первый миллион и смыться из страны? Лови момент, пока игроки не дошли до моего фатального бага, скрытого от бета-тестеров.

Бухнин прищурил глаза и погрозил мне пальцем, вымазанным в белом соусе:

— Удача на нашей стороне. Первые игроки, наша «Золотая когорта», вдвое увеличили трафик сайта, доходность идёт вверх. Мы приближаемся к кривой самоокупаемости. — Он снова поднял стакан с толстым дном, наполненным ровно на два пальца.

— Ты чёртов гений, Бухнин, или извращенец. Твой симулятор развития отношений между углеродными существами просто прелесть!

— Между человеком и другими возможными формами внеземной жизни, — уточнил довольный Платон. — Давай ещё по одной, и я всё расскажу. Собственно, за этим я тебя сюда и вытащил.

Да, про пользовательский интерфейс с Варей Бухнин не соврал. Она, конечно, тоже была права. Мы были друг для друга инопланетянами, и любой симулятор отношений просчитал бы наш скорый разрыв. Хотя я надеялся, что Варя примет мой внутренний код и не станет переписывать его под себя. Она же не программист, в конце концов. Просто филолог с длинными ногами и беззаботной улыбкой, умеет готовить, но не кодить.

Моя беда заключалась в том, что мне нравились утончённые девушки, которые не отягощали свои мозги изучением языка машин.

Бухнин наконец-то забыл про восторженные тосты, и какое-то время мы просто сидели и таращились на сцену. Вокалистка покачивала бёдрами под блюзовый ритм и что-то пела про любовь и одиночество. Нам стало скучно. Прихватив со стола вторую бутылку, мы сели в такси и уехали в ночь гулять по спящему городу, а в финале оказались на кладбище, где Бухнин изливал душу:

— Ты не представляешь, как она хороша! С глазами, полными презрения, и полуулыбкой, обещающей раскрыть тайны Вселенной, чёрных дыр, а заодно и все немыслимые удовольствия, — говорил он с горящими пьяными глазами на фоне крестов и звёздного неба.

— Так это она вдохновила тебя на концепт игры?

— Их разработка открывает в тебе творческую жилу. Это просто фантастика. Я за время, что пробыл там, такого понапридумывал! Но рассказать всего не могу. Старик, ты всё равно не поверишь, пока сам не увидишь. Ты вернёшься другим человеком. Мы с тобой такие игры замутим!

— К чему это ты ведёшь? — насторожился я.

— Вылетаем сегодня утром. Я и билеты купил.

— Куда?!

— Друг ты мне или не друг, в конце концов? Это мой единственный шанс снова её увидеть. Я, когда уезжал, она просила подобрать талантливого кодера. Я год ждал, пока ты проект доделаешь. А теперь всё, пора. Или сейчас, или никогда!

— Ты меня в командировку отправляешь?

— Нет, туристом на месяц. Официально ты отдыхаешь. Сам с тобой поеду, мой багаж в аэропорту, так

что поехали за твоим паспортом и шмотками. Откроем у тебя третий глаз.

— Вот этого не надо! Ты знаешь, я против эзотерики.

— Там её и не будет. Научная лаборатория, международная, секретная. Больше сказать не могу, не люблю рисковать своим капиталом и свободой. Сам всё увидишь.

Мы заскочили в мою квартиру, и в четыре утра, непротрезвевшие, оказались в аэропорту у стойки регистрации. И тут я увидел надпись на табло.

— Улан-Батор?! — Я не верил своим глазам и с явным недовольством уставился на Бухнина.

— Ну, а что такого?! Да, мы летим в Монголию, на гору Товхон, в монастырь святого, между прочим, не побоюсь этого слова, Занабазара.

— Бухнин!!! Какого ещё базара?! — Я бросил тяжёлый рюкзак на пол мимо весов.

Сотрудница аэропорта настороженно посмотрела на нас.

— А ты что, рассчитывал на Кремниевую долину?

В общем, с этого момента я стал безнадёжно трезветь и мой энтузиазм по поводу поездки таял вместе с алкоголем в крови. А тут ещё в самолёте у Плута, как назло, зазвонил мобильник. Он посмотрел на монитор и нахмурился, взял трубку и начал слушать, схватился за сердце, где был кошелёк, потом за горло и сквозь зубы процедил:

— Какой к чёрту отпуск, я сейчас же выезжаю в офис!

Платон громко выдохнул, засунул телефон в карман джинсов и упавшим голосом произнёс:

— Старик, у нас международная сделка срывается. Не прощу себе, если мои остолопы её провалят. А ты поезжай, второго шанса не будет. Там такие технологии! Ты знаешь, Григорьев, я врать тебе не стану. Потом ещё спасибо скажешь! — С этими словами Плут крепко обнял меня и побежал из самолёта.

Объявили команду на взлёт, и я обречённо пристегнул ремни. Растерянный, сидел у иллюминатора и смотрел, как подо мной исчезает аэродром и раскрывается небосвод. Тут до меня стало медленно доходить, какого чёрта я здесь делаю. Никогда больше, ни при каких обстоятельствах я не стану пить с Бухниным.

Чуть позже мне пришло сообщение с заверениями Платона, что через пару дней он примчится меня проведать. Немного успокоившись, я просмотрел несколько статей про «Храм счастливого одиночества и место творчества Ундур-гэгэна», съел предложенный завтрак и вырубился.

* * *

— Улан-Батор, пора вставать.

— Очень приятно, но я не Улан.

— Конечно, Тимофей Викторович! Самолёт приземлился в столице Монголии Улан-Батор и командир объявил посадку. — Стюардесса говорила со мной будто с ребёнком.

— Чёрт!

Голова не болела и не кружилась. Я чувствовал себя нормально, вот только бы ещё поспать. Твёрдо решил, что поеду в гостиницу и буду ждать там Бухнина. Мне всё-таки хотелось увидеть эту секретную лабораторию, которая, по словам Плута, выводила мозги на новый уровень. Причин для переживаний не было: обратный билет лежал в кармане вместе с документами и банковскими карточками. Почему бы не познакомиться с монгольской культурой?

Выходя из зоны прилёта, я лениво оглядел встречающих и будто ударился лбом о железные ворота, а именно в табличку с надписью: «Тимофей Григорьев», которую держал в руках огромный чернобровый мужик в косухе. Я решил избежать общения и проскользнуть мимо. Но громила пошёл наперерез.

— Тимофей Викторович, здравствуйте. Как долетели? — с улыбкой отчеканил он дежурную фразу.

— Спасибо, хорошо, — ответил я на автомате и запоздало понял: притворяться, что я не Григорьев, теперь бессмысленно. Тяжело вздохнув, поправил на плече давившую лямку рюкзака и отдал себя на милость монгольского богатыря.

— Октай, — произнёс встречающий и крепко сжал мою руку.

С вежливым конвоиром мы вышли под палящие лучи степного солнца, дошли до зоны парковки, где нас ждал его высокий жеребец, внушительных размеров чёрный внедорожник. Октай улыбнулся и открыл дверь в царство кондиционера, холодильника и кофе-машины. Молчаливый водитель, мягкий просторный салон, еда и сон — всё, что мне требовалось. Варя в этой ситуации завалила бы вопросами, пока не выяснила подробную программу визита, выпытала бы все явки и пароли. В вопросах поездок она настоящий контрол-фрик. Я же молчу до тех пор, пока меня всё устраивает.

Перекусив сэндвичами, я провалился в сон, будучи уверенным, что меня везут в гостиницу. Но когда открыл глаза, увидел, как за окном машут мохнатыми зелёными лапами сосны, а на горизонте маячат высокие горы.

Наверное, лицо моё выражало некоторую степень удивления, потому что Октай улыбнулся в зеркале и предложил сделать остановку, чтобы размять ноги.

Вечерело, было довольно прохладно. Мы молча стояли посреди леса и гор. Один — черноглазый, загорелый и коренастый, сын суровых степей. Другой — светловолосый, бледный и поджарый, сын офисных прерий.

Я с завистью вдыхал крепкий аромат сигарет Октая, но держался, так как бросил курить год назад.

— Во-о-он, — махнул тяжёлой рукой мой сопровождающий в сторону склона горы, — видишь, развевается синий хадаг, символ нашего неба?

— Нет. — Я никак не мог разглядеть ничего похожего на нечто развевающееся.

— Хадаг — это знак уважения. Ленты висят вдоль тропы, ведущей к монастырю Тувхэн-хийд. Он стоит на горе Товхон на высоте выше двух тысяч метров. Место это окружено лесом и видно его только с юга. В 1654 году там построили храм на девятнадцатилетие Дзанабадзара, первого богдо-гэгэна Монголии.

— Первого кого? — Шум горного ветра не дал мне расслышать.

— Богдо-гэгэн — светлейший Владыка, глава буддийской общины Монголии. — Октай говорил медленно и с важным видом. Очевидно, что роль экскурсовода ему нравилась. А я уже сильно сомневался, что передо мной стоит простой водитель.

— И что, крутой мужик был этот святой? — Я замёрз и решил, что экскурсионную вводную пора сворачивать.

— Дзанабадзар — это не миф, а реальный человек, скульптор, художник, учёный. — Мне показалось, что я слегка расстроил Октая, который резким движением затушил сигарету и аккуратно положил бычок обратно в пачку. — Богдо-гэгэн разработал письмо соёмбо, использовав написание слева направо, а не вертикально, как было до этого. Монахи стали переводить научные и художественные тексты с помощью соёмбо на монгольский язык. Это повлияло на нашу культуру. Эмблема Соёмбо стоит на нашем флаге и на деньгах. — Октай достал из кармана куртки увесистый кошелёк и протянул мне зелёную купюру в пятьсот тугриков с изображением Чингиз-хана. — Смотри справа от портрета.

— Символы огня, солнца и луны, две рыбы, не смыкающие глаз, степь, ворота и острие, направленное на врагов. — Купюра быстро вернулась к удивлённому владельцу. Кое-что о Монголии я всё-таки знал. Спасибо, что Октай не стал рассказывать про Чингиз-хана, а то пришлось бы его перебивать, а это уже было бы совсем невежливо.

— Так вот, — невозмутимо продолжил рассказ широкоплечий экскурсовод, — ритуальный хадаг висит, чтобы показать дорогу к храму тем, кто по завещанию Дзанабадзара идёт пешком последние три километра.

— А почему мы едем на машине?

— Ты хочешь очиститься от грехов и отправиться вверх по горной тропе? — Октай с вызовом поднял густые брови.

— Нет уж, спасибо. Я не буддист.

Октай ухмыльнулся и пошёл к машине. Туристическая вводная к моей радости закончилась. Я отошёл за джип, в заросли священного места, совершил свои мирские дела и вернулся. Сзади на сиденье лежала чёрная папка.

— Это Соглашение о неразглашении информации, прочитай. Если всё понятно, то подписывай.

Октай больше ничего не рассказывал, а только внимательно смотрел вперёд. Я бросил попытки разглядеть дорогу и понять маршрут движения джипа. Сотовой связи и интернета не было, а хвойный лес постепенно исчезал в вечернем сумраке. Один раз водитель притормозил и, вытянув перед собой руку с пультом, нажал на кнопку, однако никакого шлагбаума я не увидел. Задавать глупые вопросы не решился — просто вернулся к чтению нудного документа. Его смысл сводился к одной мысли: драгоценная коммерческая тайна, в которую меня решили посветить благодаря рекомендациям Бухнина, охраняется сурово и за её разглашение меня ждут долгие годы заточения в степях Монголии. Болтуном я никогда не был. Особо не вчитываясь, пролистал договор и подписал его.

* * *

Она не была красавицей. За этот год либо у Бухнина разыгралось воображение, либо образ роковой женщины унесло ветром в степь. Но одним фактом я был сбит с толку. Передо мной стояла точная копия Мымры, так в школе мы прозвали молодую учительницу по информатике. Слегка сутулая, руки спрятаны в карманах длинного трикотажного пиджака, мешковатая юбка чуть ниже колена, спортивные туфли, очки в тяжёлой оправе. Тёмные волосы заплетены в косу. Нет, информатичка не была страшной, я бы назвал её симпатичной, просто она скрывала свою внешность. Узнать её тайну могли лишь те, кто фанател от кодировки, алгоритмов и языков программирования — для нас Мымра превращалась в цифровую фурию, богиню. Но после звонка на перемену глаза её гасли, демоническая улыбка исчезала, и она становилась Мымрой. Равнодушные к информатике видели в ней угрюмую и косноязычную женщину.

— Кира Мамфорд. — Мымра из далёкого прошлого протянула мне тонкую руку.

— Тимофей Григорьев. — Я пожал её холодные пальцы и не удержался от вопроса: — Это вы год назад работали с Платоном Бухниным? Он сказал, что меня должна встретить его коллега, но имени не назвал.

— Вы подписали соглашение?

— Конечно. — Я протянул ей чёрную папку.

— Да, это была я.

— Просто я не ожидал здесь встретить американку. — Мне бы прикусить язык, но мозг окоченел от холода. Эта Кира Мымровна вызвала любопытство.

— Отец англичанин, мать монголка. — Хмурая женщина взяла папку и пошла от меня прочь, тихо добавив: — Можно на «ты».

Октай крепко сжал на прощание руку и его джип исчез в зарослях леса, а я с рюкзаком за спиной, как горный козёл помчался за зазнобой Бухнина. И было мне как-то не по себе. Далёкая Монголия, а я уснул в машине и даже не видел, куда меня везут. Один со странной девицей. Посмотрел на телефон — сети не было, зарядка практически на нуле. Я, конечно, люблю приключения,

но только когда они в стиле RPG, а я сижу перед монитором в мягких тапках. Бухнин, куда ты меня втянул?

В темноте я чуть не натолкнулся на Киру, она внезапно остановилась перед зарослями, за которыми прямо из-под земли вырастал огромный железный ящик. Я попятился назад, чтобы осмотреть конструкцию. В этот момент двери разъехались в стороны, выпуская наружу мягкий свет.

— Не переживай, Григорьев, — раздался спокойный голос Мамфорд, — это лифт. Ты никогда не был в убежищах?

— Да я прошёл все Убежища! В Фоллауте. У этого какой номер, здесь делают супермутантов или гулей?

— У тебя слишком разыгралось воображение.

Мымра вошла в лифт и улыбнулась. Это было неожиданно и даже мило. Я впервые увидел Киру при нормальном освещении и убедился, что она в каком-то смысле даже ничего. Вспомнил влюблённые глаза пьяного Бухнина на фоне ночного неба и шагнул вперёд, потому что бежать назад было бы, может, и логично, но тоже страшно. А главное, что я потом скажу Плуту? Что испугался каких-то мутантов? Нет уж — пусть моя гибель будет на совести друга!

Двери закрылись и лифт плавно поехал вниз.

Мы вышли в прямой светлый коридор. Стены его мерцали металлическим холодным блеском. Было тепло, но меня потряхивало и знобило. Ещё одна дверь.

— Кира, — я преднамеренно медленно произнёс её имя, чтобы случайно вслух не сказать «Мымра», — а какова вероятность, что по истечении тридцатидневного безвизового пребывания в Монголии я благополучно вернусь на Родину?

Мамфорд не улыбалась:

— Могу гарантировать, что ты покинешь нас другим человеком.

— Вот этого я и боюсь.

— Давай развернёмся назад, я позвоню Октаю, и он отвезёт тебя в аэропорт. Хочешь?!

— Нет уж, открывай!

* * *

В просторном помещении сферической формы было светло как днём, пахло морем, свежий воздух бодрил и придавал сил. В центре замкнутого пространства — маленький стол с ноутбуком. Кира села на единственное кресло, разложила мою папку и стала вбивать какие-то данные, не обращая на меня внимания. С деловым видом я обошёл круг и насчитал семь дверей, включая ту, через которую мы вошли.

— Гостевая комната находится за дверью с номером один, столовая под номером два, следующая дверь ведёт в фитнес-зал и бассейн, четвёртая — в ботанический сад. Завтра в семь утра я жду тебя за пятой дверью. Спокойной ночи.

Мымра встала и направилась к шестой цифре. В голове моей шумело море, было неуютно и тревожно, изо всех сил я пытался взять себя в руки.

— А не поужинать ли нам вместе? — раздался неуверенный голос, и я закашлял в кулак, сделав вид, что поперхнулся. — Или можно познакомиться с коллегами. Сколько здесь людей?

— Ты и я, — прозвучал холодный ответ. — Рабочий день закончился, увидимся завтра.

— Спокойной ночи, — с глупой улыбкой на лице я смотрел, как белая дверь закрывается за Мымрой.

Идиотская ситуация. Я чувствовал себя брошенным и ненужным. Вспомнил о Бухнине и достал из кармана окончательно разрядившийся телефон. Мозг, получив срочную задачу, отвлёкся от переживаний и мне немного полегчало.

Я направился в свою комнату через первую дверь, за которой меня ждал длинный коридор белых холод-

ных стен, ещё одна дверь и стандартный одноместный номер. Без розеток. «В психушках их тоже нет», — подсказал мозг. Вернулся в центральный зал и направился в столовую, снова через коридор с гладкими стенами. Стол, два кресла, линия раздачи, экран меню, ни одной розетки. Выбрал на панели кофе и пиццу. Заказ выехал через минуту, горячий и ароматный.

Через десять минут блаженства мозг напомнил, что надо прекращать жрать на ночь. Я вновь вернулся в центр, зашёл в следующую дверь и, пробежав очередной кротовый тоннель, оказался в фитнес-зале: тренажёры, бассейн с дорожками, сауна. Ни одной розетки, чёрт бы их всех побрал! Тундра какая-то, а не Монголия. Я разозлился.

Снова коридор и четвёртый маршрут. Комната, погружённая в зелёный свет, цветы, кусты, карликовые деревья, журчание воды, запахи трав. Розеток нет! Какого лешего?!

Я вернулся в центр, схватил ноутбук, но не смог включить. Он не реагировал. Двери в лабораторию и апартаменты Мымры оказались заперты. Уставший от беготни по коридорам я вернулся в комнату и лёг на кровать. Мозг издевался надо мной, рисуя в памяти сцены из старого кино, где актриса, снимая парик, превращается в бородатого Бухнина и произносит: «И тебя вылечат, и меня вылечат!».

Открыл глаза от громкого стука — Мымра стояла на пороге:

— Тимофей, тратишь впустую время. Жду тебя через тридцать минут.

Я сел на кровати, прогоняя остатки сна, пытаясь вспомнить что-то важное:

— Подожди. Я хотел узнать…

Но Мымра уже исчезла за дверью.

— Где розетки?! — заорал я во всю глотку. — Я же не псих!

* * *

Лаборатория напоминала библиотеку — сплошные ряды стеллажей с книгами, в конце которых стоял широкий стол, за ним, ссутулившись, сидела Мымра. На её указательном пальце я разглядел тонкий прозрачный напёрсток, она водила им по страницам с рукописным текстом, а в это время на мониторе компьютера бежали символы. Я хорошо знал несколько десятков языков программирования и разбирался в основных парадигмах, чтобы понимать любые конструкции. Но тут оказался бессилен — слишком много знаков, напоминающих этот их соёмбо: солнце, огонь и прочее.

— Это какой-то эзотерический язык, бесполезный без исходника? Зачем тратить впустую время?

— А зачем искать розетки, когда в договоре прописан запрет на использование телефона в бункере? Лучше надень это. — Мамфорд протянула очки.

Я в очередной раз мысленно чертыхнулся, но заставил себя сосредоточиться на предмете. Вроде бы обычная оправа с тяжёлыми линзами. Нацепил очки и посмотрел на экран. Символы кода посыпались вниз белыми кристаллами с шестью лучами — снег падал на холодную степь. Вдоль горизонта тянулись холмы, я отчётливо слышал завывания ветра, взмах широких крыльев и крик птицы.

Что-то огромное и чёрное закрыло собой экран. Я точно знал, что это беркут, хотя никогда не понимал, чем этот вид отличается от других орлов. Самец, тёмно-бурый, с золотым оперением на шее, летел вперёд, уменьшаясь в размерах. Вдали на белом снегу показалась фигура на коренастом жеребце. Беркут приземлился на руку всадника в меховой куртке. С трудом пересилив себя, я снял очки. На мониторе снова был код. Я повернулся к Мамфорд — она сидела с ехидной усмешкой.

— Нет, это не 3D очки, и кода ты этого не знаешь. Не напрягайся, Григорьев.

Я уже понял, что задавать вопросы Мымре бесполезно, лишь посмотрел на рукопись, лежащую на столе.

— Это дневник кочевника-беркучи, так зовут охотников с беркутом. Написан на соёмбо. А это, — Мымра подняла вверх указательный палец с прозрачным напёрстком, — дополнительный проводник для связи с ней. — Кира кивнула головой в сторону монитора.

— С птицей? — спросил я пересохшим ртом.

— Системой. — На этот раз Мамфорд не смеялась и не издевалась надо мной. Просто говорила, как училка на лекции. — Она создана по принципу «чёрного ящика», что внутри ты не узнаешь. В некоторых текстах есть ошибки, если их пропустить на входе, то на выходе произойдёт сбой. Ты можешь помочь кое-что отредактировать.

— Не понимаю, как, — пожал я плечами. Меньше всего мне хотелось играть роль ученика, но я действительно не догонял.

— Система преобразует рукописный текст в нечто, схожее с виртуальной реальностью.

Мымра направилась к ближайшему стеллажу и наугад достала книгу в сером переплёте. Я взял издание в руки — увесистое. Гладкие страницы покрыты прозрачной плёнкой, а под ними неровные символы.

— Это сборник монгольских сказок, переписанных современным автором. Книга полностью адаптирована к чтению, девайсов не требуется. Просто веди пальцами по строкам, глаза можешь закрыть. Почитай немного и возвращайся в лабораторию.

«И это я ещё сумасшедший? Это меня-то вылечат? Разыгрывают спектакль. Точно, Бухнин решил меня подколоть». — Размышляя в это ключе, я забрал книгу и вышел из лаборатории. Коридор привёл в центральный зал, где я решил быстрее покончить с этим обманом и сел в кресло.

Пролистал книгу и остановился на середине. Автор явно старательно выводил весь текст вручную на соёмбо, ни одной иллюстрации, помарки, исправлений нет. Ничего не понятно. Что там говорила Мамфорд? Приложить палец? Ну-ну…

Я повёл указательным пальцем по случайной строке.

В это мгновение я будто перенёсся из бункера на поверхность, где вокруг меня ковром расстелилась жёлтая степь. Монголия… В испуге я оторвал руку от страницы и снова увидел белый зал, стол и монитор. Громко выдохнул, набрал воздух в лёгкие и прикоснулся к тексту. Символы никак не выделялись, но мои пальцы читали лучше глаз и подавали сигнал сразу в зрительный центр, а мозг при этом творил нечто невообразимое. Так я оказался внутри сказки.

Это было не кино, всё осязаемо, я мог дотронуться до песка под своими ногами, прикоснуться к одежде героев. Только меня они не видели и не слышали. Но важнее всего то, что я чётко понимал значение слов, интонаций, язык жестов, взглядов, всё, что хотел сказать или подразумевал автор. Не кино, не театр, не параллельный мир, а настоящее путешествие. Я просто читал, не зная языка, но глубоко понимал смыслы и значения, чувства автора и его отношение к ситуации.

Иногда я отрывал руку от страницы, оглядывался вокруг и снова погружался в чтение на том же месте, где и остановился. Хотя и чтением это было трудно назвать, скорее, вторая реальность. Сказки были обычные, ничего суперинтересного, кроме того, что я был вовлечён в их мир и понимал его, как свой. Был живым свидетелем происходящего. Это было удивительно. Это было невозможно! В детстве я как-то наблюдал сцену в автобусе, где одна пожилая пара обменивалась сообщениями с помощью пальцев и ладоней. Точнее, женщина рисовала символы на ладони мужчины, а тот улыбался ей и кивал головой, иногда отвечая тем же способом на её руке. Я дол-

го смотрел и понял, что, во-первых, они секретничали, а, во-вторых, у мужчины были нарушения слуха. Видимо, они долго жили вместе, раз добились такого взаимопонимания и разработали свой код. Гораздо позже узнал о шрифте Брайля, и стал его учить. Планировал, что встречу слепую девушку, и буду оставлять сообщения на её ладони.

С грустью вспомнил о Варе. Если бы я написал письмо с помощью «чёрного ящика», то она наконец-то узнала меня и, возможно, приняла бы таким, какой я есть. Без этих её глупых домыслов и догадок. Я же хороший, просто кодировка сбита. У нас бы появилось общее восприятие, рисунки на ладонях, точки и тире, нули и единицы. И вообще нашлись бы другие люди, понимающие меня, а не только этот шутник Бухнин. Как же эта штука работает? И что это вообще такое?

Мамфорд сидела на том же самом месте, за тем же занятием. С круглой спиной она, не отрывая взгляд от монитора, тихо произнесла:

— Выбирай любую книгу в библиотеке.

Опять опередила меня! И снова я не задал ей вопрос, но как заворожённый уже искал ответ на полках, читая указатели: «Художественная литература», «История», «Археология», «Астрономия», «Биология», «Математика». Ого: «Информатика»! Увидев фамилии на корешках книг, я затаил дыхание: там были рукописи учёных, которых я уважал. И тут: «Программирование для детей», Платон Бухнин.

— Что? Плут написал книгу?!

Мымра проигнорировала вопрос. Я открыл рукопись и увидел знакомый почерк друга. Он несколько лет бубнил мне о желании создать учебник, но так и не написал его. И вот я держу его шедевр в этой фантастической библиотеке, а Плут и словом не обмолвился.

— Бухнин написал книгу, — ответил я на свой вопрос.

— И ты, Григорьев должен её отредактировать.

— Моя виза истекает через двадцать девять дней.

— Успеешь, ещё и другие книги почитаешь. Библиотека в твоём распоряжении. В определённом смысле, конечно. — Мамфорд закрыла рукопись беркучи и наконец посмотрела на меня. — Бухнин написал книгу на русском, но использовал неоднозначные термины программирования, смысл которых, видимо, он сам не очень хорошо понимает. Я так вообще не разобралась в вашем профессиональном юморе. В итоге система выдаёт ошибки. Ей надо помочь. Исправь ошибки на входе, в самой рукописи, и проверь, всё ли точно получается на выходе.

— Бухнин умеет говорить загадками, которые не предполагают ответа. Но почему вы так долго ждали редактора, целый год?

— У нас много других проектов, а у Платона были свои дела.

Недоговаривает, дело пахнет чем-то личным, подумал я, а вслух произнёс:

— Как мне вносить правки?

Мымра уступила место за компьютером. Казалось, у неё не лицо, а маска — никаких эмоций, ни одобрения, ни улыбки, хоть бы брови нахмурила. Но когда Кира не смотрела в монитор или книгу, в её взгляде читалось лёгкое презрение, не только ко мне, а в целом к окружающему миру. Мне так показалось. Или я стал подозрительным после монгольских сказок. Хотя, чего я стал переживать о том, как она ко мне относится? Это Бухнин по ней страдает.

* * *

В арсенале начинающего редактора оказалось палочка Гарри Потерра, которую Мамфорд почему-то называла пером. Серый лёгкий стержень было удобно держать в руке. На гладком стальном корпусе обозначены стандартные кнопки «cut», «copy», «paste».

— Это приложение с буфером обмена операционной системы, компилятор и интерпретатор. Система с помощью пера использует нервные окончания на пальцах рук как каналы для связи с мозгом и нейросетью автора. Затем она кодирует информацию и переносит её на страницу, то самое гладкое покрытие, к которому ты прикасаешься при чтении. После финальных правок я запечатываю код, и больше никто не сможет его изменить, — учила Мамфорд, а я смотрел на неё, как первоклассник. — Всё просто. Читаешь и смотришь, что получается на выходе на мониторе, если есть расхождение, то вносишь правки. Любой справится.

— Но разве можно передать через зрительные образы язык, алгоритмы, их структуру?

— А ты сам проверь. — И Кира кивнула головой в сторону стеллажей. — Книга старого беркучи сможет научить тебя охотиться с орлом. А программист с хорошей фантазией сможет описать процесс кодировки.

Я прикоснулся острым концом пера к первой странице рукописи, где красовалась фамилия автора. Мои пальцы заскользили, вырисовывая отчётливые буквы: «Редактор Тимофей Григорьев». Увлечённый процессом пририсовал завитушки и кренделя — они вышли ровными и симметричными. Ничего себе! Да я каллиграф и художник! На мониторе в это время отразились символы соёмбо. Когда я надел очки, с экрана на меня удивленно смотрел лохматый небритый мужик, помятый и не выспавшийся. Дрожащей рукой я пригладил волосы на затылке и стёр свою фамилию с рукописи. Надо сначала хорошенько всё обдумать, поработать, перепроверить. А обезьяне придётся вымыть голову и побриться.

В нерешительности я стал листать рукопись засранца Бухнина.

— Не уверен, что у меня получится.

— Тогда возвращайся домой, — спокойным голосом произнесла Мамфорд.

Я-то, как дурак, ждал, что Мымра начнёт уговаривать остаться, а она… Она была прекрасна. В своей молчаливости, безразличии, отрешённости ото всех, погружённая в работу и в свои мысли. Равнодушная, холодная, отстранённая, будто находилась в параллельной вселенной. А ещё она точно знала, как я поступлю, читала меня как книгу. Дьявол в серой юбке. Идеальная.

— Работай, Григорьев, через двадцать семь дней я вернусь за рукописью.

— Я останусь один?

— А тебе нужна нянька?

«Ну и стерва!» — выругался я про себя, без объяснений встал и вышел в коридор.

Цель, как и дорога, у меня была всего одна — прямо по коридору. Затем через дверь снова гладкие стены, потом лифт и свобода на все четыре стороны. Я вышел на поверхность. Меня встретило яркое солнце, морозная свежесть и шум деревьев.

Попытался осознать, что я в горах, в Монголии, лето, и я не сошёл с ума. Просто увидел кое-что новое. И если хорошенько подумать, то за месяц можно попробовать во всём разобраться. Глотнул чистого кислорода как перед погружением, выдохнул и вернулся на дно бункера. Чёрт с ней, с этой Мымрой, надо помочь Бухнину дописать книгу.

На обратном пути встретил спешащую Мамфорд и преградил ей дорогу:

— Мне придётся заплатить за новые знания?

— Ты внесёшь правки и выполнишь все пункты договора о неразглашении. Этого хватит.

— А что вы сделаете с книгой Бухнина?

— Будем хранить её в библиотеке.

— Но эти книги должны приносить пользу людям!

— Удачи тебе, Григорьев, не трать зря время.

— До свидания, Кира, — улыбнулся я Мымре, невольно радуясь её уходу.

«Не трать зря времени», — так она сказала? Да, конечно! Первым делом пошёл в бассейн и устроил заплыв на два часа, побрился, приоделся, хорошенько поел, и с горой из пяти пицц и трёх чашек кофе сверху отправился в лабораторию. Не знаю, как насчет работы, а насвинячить здесь я точно успею. Оставлю следы живого человека.

Будь здесь Мымра, она бы мне такого не позволила, остановила бы одним взглядом. И за что она меня невзлюбила? Ничего, через месяц Кира вернётся с армией роботов и они по её приказу всё отмоют. Чёрт, а если здесь спрятана армия андроидов под управлением системы? Ну, камеры-то тут точно есть, и за мной следят, к гадалке не ходи. При этих мыслях кусок ветчины шлёпнулся на чистые джинсы, оставив на них кровавый жирный след. Я внимательно осмотрелся и снял брюки. Если следят, то пусть любуются на меня в трусах. И решил больше не думать о камерах и слежке, а то точно свихнусь. Меня ждал цифровой мир гениального Бухнина!

...

Платон начал учебник с современного диалекта Бейсика. За основу повествования взял игру в жанре платформер, в которой я превратился в рыцаря, спешащего по лабиринтам замка в поисках замурованной принцессы, прыгал по плитам, взбирался по лестницам, повышал уровень и смотрел, как под ногами бегут интерактивные команды. Собственно, они не только отмечали моё движение — из них были построены стены башни, монстры, всё вокруг, включая меня самого.

И всё бы хорошо, но иногда Бухнин использовал в коде запрещённый прием «естественного отбора» — вставлял в описываемый код свой собственный. Да ещё и неправильный, взятый с потолка. Система ничего не понимала, выдавала чёрную дыру, и рыцарь летел в неё. Неприятно, между прочим, и страшно. В общем, я понял, Плут просто хотел вернуться: «Goto в бункер, товарищ Бухнин», «IF не получится, then goto в бункер, товарищ Григорьев». Элементарный оператор ветвления.

Кстати, Платон завершил игру в своём стиле: златокудрая принцесса, ради которой я рисковал виртуальными жизнями, выставила меня за дверь темницы со словами, что спасать её не надо и тем более отвлекать от чтения. Вместо обещанных сокровищ я получил потрёпанный фолиант по алхимии. Плутовство — стиль Бухнина.

Но в любом случае это был месяц сплошного кайфа! По вечерам я путешествовал по монгольским степям в книге беркучи, ночью латал дыры в башне Бухнина и изучал библиотеку.

Еду готовить не надо, убираться не надо, шкаф забит чистой одеждой, пустой тренажёрный зал, сад с фонтаном, где можно нюхать цветочки после обеда. Я был счастлив. Только хотелось потрещать с Платоном, ну и, конечно, увидеть, что внутри этого «чёрного ящика», понять, как работает система.

Итак, Бухнин специально накосячил в рукописи, чтобы вернуться. Но зачем? Плут, что я должен сделать? Взломать код системы? Это же прямое нарушение договора. Оставили меня одного и толкают на преступление. Провокаторы.

Чёрт, никак не могу понять, что это за гибкие экраны вместо страниц в рукописи. У меня нет отвёртки, я и ноутбук в центральном зале включить не могу, и не найду, к чему подключен монитор в библиотеке. Руки так и чешутся всё здесь разобрать до винтика.

Я смотрю на свои ладони и не узнаю их. Хорошо ли я знаю тактильные анализаторы, спрятанные под кожей на подушечках пальцев? Полез в учебники и вычитал про нервные клетки, которые посылают электрохимический импульс в мозг, когда пальцы чувствуют давление, звуковые колебания, смену температуры. Мои клетки эволюционировали без предупреждения и узна-

ли об устройстве мира, куда больше меня. Может, я уже не человек? Пальцы молчат, чувствую лишь лёгкое покалывание, а они читают текст на незнакомом языке.

Вообще язык любого народа — это целая Вселенная со своими законами, ценностями и этикой отношений. Но благодаря книгам я могу понять других людей, их систему взглядов и культуру, могу увидеть картину мира человека и целого народа вместе с неявными смыслами и традициями.

В мире более семи тысяч разных языков! Пора двигаться в обратном направлении и найти для них общий знаменатель. Можно ли пропустить через «чёрный ящик» системы тысячи Вселенных и на выходе получить один язык, понятный для всех?

Кирпич за кирпичом мой код строит Вавилонскую башню. До луны. На мониторе бегут символы соёмбо, а Кира смотрит на меня и улыбается. Я очнулся за столом в лаборатории. Чёрт, приснится же такое!

Часы на руке показывали семь вечера. Старею. Перевел взгляд на рукав рубахи, белый, наглаженный. Провёл ладонью по чистым и мягким джинсам. Да, я нашёл прачечную за сауной. Какие-то пару недель назад я ненавидел утюг и всё, что связано с уборкой. А теперь во мне что-то изменилось. Мой мозг перекроил себя заново, перенастроил синапсы, договорился с разными участками нейронов и больше со мной не разговаривал, по крайней мере, не так как раньше.

Оторвался от размышлений и вернулся к работе. Вывел свою фамилию на последней странице рукописи и с экрана на меня посмотрел незнакомец. С ровной бородкой и слегка растрёпанными волосами, ни тебе мешков под глазами, свежий и даже жизнерадостный вид. Счастливый человек. Я закрыл книгу Бухнина. Дело сделано. Рабочий день окончен.

По привычке быстрым шагом я отправился на поверхность проверить небо и луну. Прошёл длинными коридорами, чистыми, светлыми, пересёк круглый зал с морским воздухом. Везде тишина и пустота. Оказавшись на свободе, правой ногой шагнул на траву, левая крепко стояла на полу лифта — традиция, чтобы не уехал без меня. Посмотрел наверх — небо и луна на месте. Как оглушённая рыба открыл рот, глотнул кислород и вернулся на глубину.

Ещё бы пара книг по информатике, физике, химии, и, возможно, я бы что-нибудь понял про «чёрный ящик», нейроинтерфейс системы, но Кира возвращается завтра. Уснуть не мог. Плут дал мне время для чтения, правок или для чего-то еще? Но времени нет. Совсем. Что-то я упустил. Надо кое-что проверить. Одно последнее дело.

...

Сделал шаг из лифта и приложил палец к рукописи — работает. Шагнул второй раз — двери за моей спиной бесшумно закрылись. Ещё десять шагов — всё читается. Огляделся по сторонам — никого нет, только кусты да деревья.

Наконец-то я понял, что спасать надо не принцессу, а то, ради чего она сидит в темнице. Ничего, Бухнин подберёт толковых ребят, и мы сможем разгадать, что скрывается в «чёрном ящике». Страницы рукописи помогут построить Вавилонскую башню, которую я видел во сне, и отыскать общий язык. Знания должны принадлежать людям, а не принцессам. Чёрт, из-за учебника я превратился в рыцаря. Говорила мне мама, что игры до добра не доведут.

Мне срочно нужен интернет, телефон и машина, чтобы пересечь границу Монголии. В голове пронеслись сценарии фильмов со шпионами. У меня должно получиться!

И я, дурень, побежал. Точнее рванул и … споткнулся. Покатился кубарем и растянулся на земле.

Поднял глаза: из темноты зарослей в мою сторону двигалась тонкая полоса света.

— Друг, не подскажешь, как пройти в библиотеку? — бородатый, с улыбкой в тридцать три зуба и с фонарем в руках передо мной стоял Бухнин, за ним хмурый Октай.

— Здесь только подземелье с монстрами. — Геройство моё улетучилось, врать не хотелось.

Я встал, поднял с земли книгу и протянул Плуту, но его опередил Октай, перехватив учебник.

— У нас есть поговорка: если боишься, то не делай, если сделал, то не бойся. Далеко не каждый, — вздохнув, продолжил монгол, — может работать в паре с беркутом, также как не каждый способен научить систему выполнять команды. Глупые и ленивые бросают попытки познать то, что тяжело даётся. Им проще назвать тех, кто овладевает сложными умениями, шаманами, шарлатанами, учёными.

— Программирование может стать доступным, бесплатно. — Я не собирался оправдываться, просто пытался объяснить причину своего поступка. — Ваши книги должны служить людям, а не храниться в бункере.

На лице Октая появилась улыбка, от которой глаза скрылись за морщинами:

— Дзанабадзар разработал письмо соёмбо, чтобы монголы познали мудрость других народов. Мы делаем тоже самое. Это не просто бункер, это библиотека, — произнёс богатырь и исчез в зарослях.

— Плут, что происходит? Я хочу знать правду! Ты здесь из-за своей рукописи или из-за Киры?

— Григорьев, ты когда-нибудь научишься понимать людей? Я жену люблю, а здесь из-за проекта. Про Мамфорд наплёл, чтобы тебя долго уговаривать не пришлось. Ну не мог сразу открыть тебе всю правду. Да я и сам всего до конца не знаю. Знаю, что авторы книг, которые ты видел в лаборатории, даже не подозревают о возможностях учебников. Для них это была обычная рукопись на простой бумаге, хорошо оплаченная работа на заказ.

— Чей это код? — сменил я тему. Обижаться на Бухнина было бесполезно и глупо.

Платон заботливо стряхнул травинку с моего плеча и деловым тоном произнёс:

— Утром приедет Кира с разработчиком, гиперполиглотом-гением. Но даже ему требуется помощь. Он создал новую систему обучения языкам и написал книгу. Это бомба! За один месяц любой человек научится говорить и думать на 60-ти языках. Но свести в одну логическую схему несколько десятков языков сложновато. Нам придётся помочь и самим во всем разобраться.

— Как в нашей игре, в которой человек пытается понять другие возможные формы внеземной жизни?

— Вроде того.

— Допустим, у нас получится, — воображение уже рисовало в моей голове Вавилонскую башню. — А что потом?

— Через месяц — отчёт по проекту, а потом — открытие библиотеки, — сказал Бухнин и добавил с воодушевлением: — Она изменит мир!

— Чёрт, уже так скоро! А можно потом остаться здесь? Навсегда!

Бухнин засмеялся, я следом. Всё-таки старые друзья с полуслова понимают друг друга.

Когда утром в библиотеку вошла Кира с разработчиком, мы с Плутом стояли с серьёзными физиономиями. До возможного фатального бага оставалось 30 дней.

Большего я вам сказать не могу, так как Октай потребовал подписать очередные бумаги о неразглашении информации. И, кстати, мне простили попытку побега, но запретили появляться в лаборатории в одних трусах, статья 20, часть 3, пункт 4. УС

Потом я услышал сверчков, целые поля
и луга сверчков, — стрёкот, что доносился
с задних дворов и пустых лужаек детства,
нескончаемое стрекотание умирающего лета.
А сейчас только середина лета, правда же?
Стивен Миллхаузер

Меня зовут Июль

Евгений Долматович

Родился в Ярославле. В 2008 году окончил Ярославскую военную финансово-экономическую академию по специальности экономист. Печатался в журналах (в том числе электронных): «Мозаика», «Фантоскоп», «Homo Legens», «Город ПЭ», «Процесс», «Урал» и в сборниках «Очертания» (Ярославский филиал Союза Писателей, 2012 г.), «Аэлита/010» (Екатеринбург, 2014 г.), «Своими именами назовутся» (Рыбинск, 2015 г.). Живет и работает в Ярославле.

* * *

— Будем! — Серёга громко выдохнул и осушил стопку.

Мне стало как-то противно. Прикусив от досады губу, я посмотрел на Серёгу, затем перевёл взгляд на лето, искристым золотом плескающееся за мутными оконными стёклами. Ведь вот же оно — лето! Необычное, залитое солнечным светом, полное неугомонных птиц, вольготно развалившихся в тени кошек, обычно ворчливых, а ныне скрывающих робкие улыбки старух и расшалившейся ребятни. Лето, наполненное утопающим в душистой листве ветром и дурманящими ароматами детства, полузабытыми грёзами и похороненными под тяжестью взрослой жизни воспоминаниями… Во дворе кто-то радостно смеялся, и совсем не хотелось сидеть в городе в такой день. Нет, не хотелось! Мир требовал, чтобы мы повернулись к нему, прочувствовали его, насладились. А мы…

— Ты это, че не пьёшь-то?

Поставив стопку на стол, я демонстративно отодвинул её от себя и вновь посмотрел на лучшего друга детства. Некогда худощавый черноволосый мальчуган с торчащими ушами и огоньком непокорности в больших тёмных глазах ныне превратился в лоснящегося от пота обрюзгшего лежебоку, чьими характерными особенностями являлись только блестящая лысина да мутный взгляд, в глубинах которого плавала этакая бессмысленность.

— Не хочу.

— Зря, продукт-то хороший.

— Да плевать мне на продукт! — воскликнул я. — Серёга, я ведь в гости к тебе пришёл, а не к продукту!

Серёга насупился. Озадаченно почесав мясистый затылок, он угрюмо уставился на свои колени, спрятанные в засаленных кальсонах.

— Хм… ну так давай выпьем, что ли, — после непродолжительной паузы предпринял он очередную попытку. — За встречу. Давно ж не виделись!

— Да нет, не буду.

— А че хочешь тогда?

Я вздохнул. И вот как объяснить этому незадачливому мужчине, этому спивающемуся обывателю, что нынешним утром во мне ни с того ни с сего пробудился ребёнок, сорванец, которому безумно захотелось всех красок детства. И, конечно же, не обнаружив желаемого, этот ребёнок отправился по местам былой славы. Он пришёл в свой старый двор и увидал на его месте новенькую автостоянку. Он спустился по насыпи к берегу, где когда-то проводил многие часы, и чуть не утонул в груде мусора. Он решил навестить лучшего друга и товарища прошлых лет, а обнаружил… вот это?

— Ответь, ты помнишь что-нибудь про Июль?

Серёга протестующе скрестил на груди руки.

— Вот ещё! Тебе всё покоя не даёт та история? Говорю же, он был просто чокнутым, этот твой Июль. Типичный такой псих!

— Но что-то же ты помнишь? Что?! Серёг, расскажи. Ведь я практически уже всё забыл, столько воды утекло. Нам тогда лет-то было…

Серёга отвернулся к окну, грустно вздохнул, и… внезапно едва уловимая дрожь пробежала по его телу. Сначала я даже подумал, что мне померещилось, но потом ясно увидел, как изменилось выражение его лица — за бледной маской бессмысленности сверкнула искра памяти.

— Вона оно какое, это лето, — прошептал он. — Да? Там, за окном… Точно такое же, солнечное, пёстрое… Прям как тогда.

Я улыбнулся. С ним явно что-то случилось. Наверное, мои расспросы каким-то образом пробудили в нём воспоминания — такие воспоминания, что он даже испугался. А может, то была лишь тоска? Горькие слёзы о былом, которые он неимоверным усилием воли сумел удержать?

— Так ты помнишь его, Серёг?

— Частично… А ты?

— Я тоже. Но вспомнил почему-то только сегодня. Проснулся и увидел, как мы… — На мгновение я растерялся: картина, возникшая перед глазами, была настолько отчётливой и живой, что я утратил всякое ощущение реальности. Взяв себя в руки, продолжил: — Вспомнил, как сидел на берегу с удочкой и как ты возился с этой твоей бочкой.

— Бочкой… — мечтательно протянул Серёга.

— Ну да. А потом мы увидали его. Он подошёл и…

* * *

…заговорил как ни в чём не бывало.

Но что-то ведь было и до этого? Целая жизнь, длиною в несколько лет. И время это, пронизанное потоками солнечного света и летнего тепла, а также зимней стужей и снегопадами, дыханием осенних дождей и томительным предвкушением весеннего цветения, — время это определяло, каким ты станешь в будущем. Зарождение новой

вселенной, именуемой человек. Детство… Куда уходит память о нём?

То было интересное лето, и вместе с тем среди назойливой трескотни кузнечиков и усыпляющего журчания воды в речке, где-то в густых зарослях крыжовника, а может, и в глубине кротовой норы, — где-то там скрывалось некое смутное предчувствие, что в определённом смысле лето это будет последним. Почему? На этот вопрос не имелось ответа, и, слушая, как набирает силу гроза за окном, а в соседней комнате похрапывает Серёжкина мать, я тщетно пытался отыскать хоть какое-то решение. Что дальше? Неужто всё закончится, исчезнет, канет в тартарары?

В комнате не было света, а потому, укутавшись с головой одеялом, я включил фонарик и погрузился в чтение. Говард Лавкрафт, «История Чарльза Декстера Варда». Повесть в сборнике ужастиков, что случайно обнаружился в шкафу среди десятка пропылившихся книг. «Можно?» — спросил я у Серёжкиной матери, протягивая ей сборник. Она с сомнением глянула на обложку (кровавые потёки на белом фоне, изображение костлявой руки, угрожающее название): «А страшно не будет?» Я мотнул головой, и она пожала плечами.

И вот теперь Серёжка с матерью спали в соседней комнате, а я с замиранием сердца следил за таинственной и пугающей жизнью некоего Чарльза Варда, между делом прислушиваясь и к нарастающему шуму дождя за окном. Но в какой-то момент мысли ушли от страшилки Лавкрафта, вернувшись к дурному предчувствию. По-своему я любил Серёжку и, не имея собственной деревни, с превеликим удовольствием гостил у него. При этом всячески старался не обращать внимания на презрительное «городской», кем меня окрестили местные задиры. Я был беспристрастен, и меня вполне всё устраивало. И эти полные увлекательных приключений жаркие дни в компании Серёжкиных друзей, и пронизанные тишиной — а иногда, как теперь, звуками грозы — ночи, что я посвящал историям из забытого в шкафу сборника. И ведь только наступил июль! До школы ещё целая вечность! Ни тебе уроков, ни скучных городских будней, провонявших бензином и дорожной пылью, а ещё — сам не знаю почему — отцовским потом, когда тот возвращался с работы. Офицер… Всё это осталось где-то там, словно бы по другую сторону реальности.

Что же тогда не так?

Я закрыл книгу и выключил фонарик, перевернулся на спину и уставился в потолок, под которым жирными медузами плавали маслянистые тени. За окном сверкнула молния, а где-то вдали — возможно, за рекой или даже за полем — угрожающе отозвался гром. Раскатистое эхо прокатилось по мирно спящей деревне, и в нескольких дворах испуганно залаяли собаки.

Предчувствие никуда не ушло, напротив, сделалось сильнее. Как если бы утром мне предстояло идти к дантисту — удалять нерв или драть зуб. Я поёжился. Завтра будет завтра. Лето и удушливый после дождя воздух… И вроде мы собрались на рыбалку… А может, и не пойдём. Разве не в этом свобода выбора? Пускай я ничего и не смыслил в рыбной ловле, но всё-таки…

Я закрыл глаза.

В памяти мелькнули строчки, вычитанные в одной книжке. Кажется, она тоже была о лете и об одном мальчике. Как же его звали?.. Дуглас! Этот славный парнишка любил жизнь, он любил

своего деда и младшего брата, отца и обитателей городка, где жил. И, конечно же, он любил лето.

Что же он там говорил?

Этого я так и не вспомнил, потому что в следующее мгновение провалился в бархатные объятия сна.

* * *

Проснулся рано, сладко зевнул и потянулся, краем уха прислушиваясь к тому, как за окном надрываются соседские петухи да сварливо потявкивает какая-то дворняга.

Так как терпеть больше не было сил, я выбрался из-под тёплого одеяла и, на цыпочках прошмыгнув через комнату, где всё ещё спала Серёжкина мать, выскользнул в сени. Оказавшись на улице, я натурально покрылся мурашками — утро выдалось довольно прохладным, хотя день обещался быть жарким. Солнце только-только появлялось из-за горизонта, гоня прочь вздувшиеся ленивые облака. О ночной грозе напоминали лишь примятая влажная трава да многочисленные лужи на дороге.

Обогнув дом, я забрался в разросшийся кустарник и с превеликим удовольствием облегчился. Моча впитывалась в землю, и от неё шёл пар. Я зябко поёжился, предвкушая возвращение в тёплую постель, где меня ожидали ещё пару часиков сна или же продолжение жуткой истории Лавкрафта, — как пожелаю…

Не тут-то было!

— Двинься, — буркнул Серёжка.

Я покорно отошёл.

— Доброго утра.

— Будет добрым, как только отолью, — пробормотал он. — И почему по утрам так?

Я направился к дому и уселся на крыльце. Озноб постепенно проходил, как и мечты о дальнейшем сне. В траве у меня под ногами извивалась мохнатая гусеница с жёлтыми полосками по бокам; всеми силами она пыталась отогнать настырного чёрного муравья. Тот не сдавался.

Минуту спустя вернулся Серёжка. Он присел рядом и мечтательно посмотрел на темнеющий вдали лес. Не без удовольствия поковырявшись в носу, задумчиво произнёс:

— Хорошо тут.

— Ага.

— Гораздо лучше, чем в городе.

— Ага.

Так рассуждал Серёжка, даже и не догадываясь, что через год-другой сделается завсегдатаем каменных джунглей, забудет дорогу к таким вот деревенским рассветам, и наши с ним жизненные пути навсегда разойдутся. Но, конечно, в то утро мы ведать не ведали, как оно всё обернётся, и считали друг дружку лучшим друзьями едва ли не на веки вечные.

— И какие у нас на сегодня планы?

Серёжка оглянулся на дом, потом посмотрел на меня своими тёмными умными глазами. Его уши забавно торчали, а ветер перебирал растрёпанные со сна волосы.

— Мамка проснётся, пожрём да на реку, — сказал он. — Буду учить тебя рыбу удить.

— Удочками?

— Нет, блин, руками! Гарпунить её будешь.

Я засмеялся, и он снисходительно улыбнулся в ответ.

Тут вновь заголосили петухи. Из дома напротив вышел сосед — жилистый и весь словно бы прокоптившийся от многодневной работы на солн-

це. На плече у него красовалась синеватого цвета наколка, сделанная, видимо, очень давно, так что разобрать сам рисунок казалось уже невозможным. Одет же он был типично по-деревенски: болтающиеся кальсоны и грязная майка, а на ногах — безразмерные галоши. Потянувшись, сосед приветливо нам махнул, после чего огляделся, будто бы что-то искал, и убрался обратно в дом. Тут же вернулся с сигаретой в зубах, прикурил и с довольным видом уставился в сторону восходящего солнца.

Начинало припекать.

— Слушай, а мы жрать точно хотим? — спросил я. — Может, ну его, этот завтрак? Айда прямо щас, к обеду как раз воротимся.

— Без завтрака нельзя, — покачал головой Серёжка. — Да и мамку предупредить надо, куда мы собрались.

— Зачем?

— Балда, ты ж теперь вроде как у неё на попечении! — Серёжка не больно ткнул меня локтем в бок. — Ладно я, но она и за тебя ответственность несёт.

Об этом я как-то не подумал.

* * *

— Ну что, разбойники, — сказала его мать за завтраком, — куда намылились?

Перестав терзать вилкой яичницу-глазунью, я скосился на Серёжку.

— На реку пойдём, — ответил он, — рыбу ловить.

— Хм…

Я куснул толстую красную помидорину, тщательно прожевал. Завтракать совсем не хотелось, где-то рядом всё ещё стоял преданный сон, и уж очень неплохо было бы вернуться к нему. Хотя бы на часок.

Поваляться на кровати, как я обычно делал дома. Послушать бормотание телевизора…

— Купаться, надеюсь, осторожней будете?

— Какое купаться?! — искренне возмутился Серёжка. — Рыбу ловить идём!

— Естественно, — мягко улыбнулась его мать. — Но если полезете в воду — повнимательней. Течение там коварное. Это оно с виду спокойное, а на деле…

— Всё знаю, мам, — перебил Серёжка. — Помню ещё, как в том году утопленника вытаскивали.

— Угу…

Насколько я понял, разговор про утопленника не особо понравился Серёжкиной матери, и развивать его она не стала.

Я глотнул молока, слушая, как в соседней комнате, разъярённо жужжа, бьётся об стекло муха. Озорные солнечные лучи заливали дом. Лето терпеливо ждало нашего участия, подобным незатейливым образом напоминая о своём существовании — вдруг забыли!

— Ты как? — Серёжка уставился на меня. — Наелся?

— Ага. — Я повернулся к его матери. — Спасибо, было очень вкусно.

Она с усмешкой глянула на мою тарелку, в которой осталась добрая половина растерзанной яичницы.

— Ведь не съел ничего!

— Да я по утрам не любитель, плохо ем.

Она понимающе кивнула.

— Лан, тогда пошли, — заёрзал Серёжка.

Было видно, что ему невтерпёж поскорее убраться из дома. Всё ж снаружи нас ждут не до-

ждутся мир и рыба, а мы тут о дурацких тарелках да завтраках разговариваем.

— Ну, бегите, — сказала его мать. — И поосторожней там.

* * *

Река и правда выглядела подозрительно безобидной. Казалось, нужно вовсе не уметь плавать, чтоб утонуть в этом ручейке. Тем не менее внешность, как известно, штука обманчивая — вода в реке была холодной и тёмной, а глубина превышала несколько метров: и дна-то не разглядишь!

Так, скучая, я сидел на обрывистом берегу, сжимая в руках кривоватую самодельную удочку и слушая надрывное стрекотание кузнечиков да озорное щебетание птиц. Сонная деревня лежала километром правее, и над крышами её избушек в мареве июльской жары и тополиного пуха плавали смутно различимые звуки обыденной жизни. Отражённое солнце жидкой огненной сферой утопало в черноте воды, по которой то и дело серебристой россыпью мелькали всевозможные водомерки и вертячки.

Жужжали шмели, порхали бабочки. А на росшем возле меня камыше деловито грелась большущая коричневого цвета стрекоза. Коромысло, определил я, мечтая сцапать стрекозу и не представляя, как это сделать. Своими глазищами стрекоза внимательно следила за мной — малейшее движение в её сторону, и она тут же даст дёру. В воде же равномерно покачивался унылый поплавок: наживка в виде червя совершенно не интересовала здешнюю рыбу. По крайней мере, в данный момент.

Вот поэтому я и не любил рыбалку: нужно сидеть и терпеливо ждать. Ждать, ждать…

Где-то самодовольно квакнула лягушка, и что-то подозрительно зашевелилось в тине у берега. Не иначе как жужелица охотится…

Серёжка же находился в десятке шагов от меня. Сам он предпочитал ловить «на блесну», хвастаясь, что, дескать, в прошлом году таким образом вытащил целую щуку. Я разглядывал реку и так и этак — никак не верилось, что в ней водятся «целые щуки».

— Ну че, клюёт?

— Не-а.

— Фигово…

Было невыносимо скучно. Сладким мёдом внутри разливалась сонливость, и казалось, будто она густо перемешивается с медленно нарастающим полуденным зноем. Того и гляди, вовсе усну. Да-а, не так я себе представлял загадочно-мистическую рыбалку, от которой сходили с ума многие мальчишки и даже взрослые дядьки. При таком раскладе тарахтящий по пыльной дороге трактор уже событие.

Я проводил трактор взглядом, затем посмотрел на деревню, на пики крыш и купола церкви вдали. Купола были обветшалые, и лишь новёхонький криво поставленный крест сиял на одном из них. Этакий символ несокрушимости веры. Невольно улыбнулся, вспомнив рассказы Серёжки о местном священнике. Если вкратце, церковь была уже старая, довоенная, и, пораздумав, священник затеял ремонт. Собрал, значит, с набожных деревенских жителей деньжат на нужды храма божьего и… установил один новый крест. Причём установил его довольно-таки косо — словно бы сам этим и занимался, — так что отныне, глядя на купола, даже как-то стыдно делалось. Возвышенность веры терялась в человеческой нелепости. А боль-

ше в церкви ничего и не поменялось. Мол, рублики кончились и надобно ещё.

«Зато, — подытожил Серёжка, — поп прикупил себе иномарку и возвёл нехилую пристройку у дома»…

— Видать, наживка не нравится, — грянуло над самым ухом, и от неожиданности я даже вздрогнул.

Стрекозы давно и след простыл, а лягушки у берега насторожено притихли.

— Так ведь червь! — изумился я.

— Толку-то? — отмахнулся Серёжка. — Нужно на опарыша, рыба его любит.

— И где этого твоего опарыша взять?

Серёжка задумался, я же снова посмотрел в сторону церкви. Мне казалось возмутительным такое поведение священника. Ведь церковь же! Бог всё видит, как можно так на нём наживаться?

— Рядом с Вариным болотом недавно дохлую псину видел, — сообщил Серёжка, отплёвываясь от лезущего в рот тополиного пуха. — Можем сгонять, насобирать.

Вариным болотом звалось озерцо неподалёку от кладбища, где по легенде утопилась некая девица Варя.

Почему она так поступила, никто знать не знал, но с тех пор по деревне упорно ползли всевозможные байки: якобы Варя плачет там по ночам да зовёт кого-то. Естественно, детвора толпами рвалась туда. Но только днём. С наступлением сумерек к болоту не отваживались приближаться даже самые старшие из ребят.

— Кого насобирать? — не понял я.

— Кого-кого, опарышей! Тепло, солнечно, их щас в собаке тьма-тьмущая!

Его восторгу не было предела.

— Может, ну их, а? Не больно-то хочется ковыряться в дохлятине.

— Дело твоё, — протянул Серёжка, окинув меня уничижительным взглядом. — В принципе, наверно, рыба просто вверх по течению ушла.

Я пожал плечами и начал неспешно сматывать удочку. Тем не менее что-то было не так: леска натянулась и не хотела сворачиваться.

— Зацепилась, кажись, — всполошился Серёжка. — Погоди… Да не тяни ты, балда! Порвёшь же! Эх, неумеха… Дай сюда, сам всё сделаю.

Он отобрал у меня удочку и принялся возиться с леской. Я тем временем поднялся с земли и, потянувшись, огляделся. Ну и хорошо же здесь! Солнце жгло мои бледные плечи, напекало голову (кепки у меня не имелось, а брать бесформенную панаму, которую предлагала Серёжкина мать, я не решился: боялся, что засмеют, — настолько нелепа была панама). За спиной у меня грозно высился лес — неизменный атрибут многочисленных местных страшилок, — а спереди, чуть правее, — деревня, жители которой эти страшилки и сочиняли. Слева речка уводила к холмам, а по правую руку раскинулось большущее поле — этакие бесхозные земли, заросшие ромашкой, всевозможной муравой и безымянным кустарником. И кто-то неторопливо шёл по полю, но был он так далеко, что разглядеть не представлялось возможным…

— Странно, — прервал мои мысли Серёжка.

— А?

— Гляди, она что-то тащит, — и он указал на леску.

Действительно, с небольшой натяжкой, но леска всё ж поддавалась. Серёжка осторожно тянул её на себя. Спустившись к самому берегу и забав-

но балансируя из стороны в сторону, он отчаянно пытался сохранить равновесие и не бухнуться в воду.

— Может, утопленник? — предположил я.

Серёжка испуганно посмотрел на меня.

— Может, и утопленник, — прошептал он. — В любом случае что-то там, на дне… Ого!

Из воды показался кусок сетки, покрывавшей каркас престранной штуковины, предназначение которой мне было неведомо.

— Да это ж бочка! — воскликнул Серёжка.

Никакой бочки я в упор не видел, но предпочёл воздержаться от комментариев. Молча следил за действиями друга. В итоге выяснилось, что бочкой называют обтянутую сеткой корзину с отверстием посередине.

Серёжка вытащил корзину на берег, отцепил от неё рыболовный крючок и быстро смотал леску.

— Здорово, — на всякий случай восхитился я, — а что это?

— Рыбу ловить, — объяснил он. — Внутрь кладётся хлеб или ещё какая приманка, и рыбина заплывает. А поскольку рыбина глупая, обратно ей уже не выбраться.

И правда, внутри корзины лежала парочка мёртвых карасей, кусок чего-то непонятного — судя по всему, размокший хлебный мякиш, — да разъярённо бился огромный водяной жук.

Серёжка схватил жука.

— Плавунец, здоровущий какой! — восторженно произнёс он. — На тухлятину, плут, пожаловал.

Я отобрал у него жука и внимательно его рассмотрел. Как выглядит плавунец, я прекрасно знал, всё ж то была моя излюбленная добыча в таком нелёгком деле, как ловля жуков. Самец. Тёмно-коричневое брюшко, окаймлённые бронзовой полоской матово-синее крылья, мощные задние лапы с щёточками на концах, маленькая голова. Жук всё ещё не терял надежды спастись бегством, но я крепко держал его, помня, что эти хитрецы не только хорошо плавают, но также могут кувыркаться и прыгать, отталкиваясь задними лапками. А ещё они умеют летать, хотя пользуются этим умением почему-то крайне редко.

— Вот так свезло! — Серёжка уже и думать забыл о жуке. Вытряхнув карасей и отпихнув их в сторону, он влюблённым взглядом изучал бочку. — Целая, даже не порвана нигде. Да и сработана на славу. Свезло так свезло!

— Чья она?

— Да какая разница? Ничья! Наша теперь! Зырь на рыбин — давно уж подохли. Видать, про бочку и вовсе забыли. Значит, нашей будет.

— Классно…

Плавунец отчаянно вырывался у меня из пальцев. Я же, подняв голову, заприметил над водой ещё двух стрекоз. Меня всегда поражала их манера летать рывками, туда-сюда. Не так хаотично, как, скажем, у бабочек, которые не столько летают, сколько скачут по воздуху. У стрекоз всё иначе. Они гораздо быстрее и проворнее. Настоящие истребители в мире насекомых.

Миг — и стрекозы умчались. А я, от нечего делать, подошёл к карасям. Осторожно втянул носом воздух и почувствовал едва уловимый запах гнилья. Уже через полчаса солнце сделает свою работу, и вонять они начнут дай боже. Это соберёт уйму всяких мелких букашек-таракашек.

— Надо бы домой её унести, — сказал Серёжка, очищая ценную находку от водорослей и тины.

— А чего так?

— Да вдруг хозяин объявится.

Я кивнул. Не то чтобы мне так уж сдалась эта корзина, но возвращать её хозяину никак не хотелось. Находка она на то и находка, верно?

— Так что, прямо щас потащим? — спросил я. — Или ещё посидим?

Но Серёжка не ответил. Он смотрел куда-то мимо меня, и взгляд его был серьёзен. Тогда я обернулся и увидал незнакомца, шедшего к нам со стороны поля.

* * *

Он остановился в паре метров поодаль и преспокойно уселся на траву. Сорвав тростинку, сунул её в рот, задумчиво посмотрел на реку, затем куда-то в синеву неба и блаженно улыбнулся.

Мы же, с опаской косясь на него, старались держаться на расстоянии.

— Привет, ребята, — вдруг сказал он и с прищуром глянул на нас.

Был этот тип довольно высокого роста, ни худой, ни толстый, одет в вылинявшие джинсы и закатанную в рукавах клетчатую рубашку. Лицо и руки тёмные от загара, волосы русые, а глаза — когда он повернулся к нам лицом — непостижимым образом переливались, менялись. И не было возможности установить, какого именно они цвета. Секунду назад тёмно-янтарные, как застывшая древесная смола, и вдруг — бац! — уже густо зелёные, словно вольная мурава на поляне. Тем не менее незнакомец совершенно не вызывал опасения. Было в нём что-то располагающее, дружеское, можно даже сказать, доброе. Нутром я чуял, что доверять ему можно.

— Здравствуйте, — сухо отозвался Серёжка.

Я же хранил молчание: мало ли что.

— Ну как вы тут, много рыбы наудили?

— Не особо, — всё так же хмуро ответил Серёжка. — А вы откуда? Я вас не знаю.

— Откуда я? — Незнакомец посмотрел в сторону поля, на линию горизонта вдали. — Да как сказать… Отовсюду. Вот, прогуляться решил.

— Отовсюду? Это как так?

Вместо ответа незнакомец указал рукой на корзину.

— Гляжу, бочку вытащили.

— А она что, ваша, что ли? — мигом набычился Серёжка.

— Нет, не моя, — примирительно сказал незнакомец. — Парнишки одного. Но он, к сожалению, не сможет её забрать. С ним беда приключилась — ногу сломал, когда с гаража прыгал. Так что теперь в городе, в душной больнице с гипсом лежит. Скучает.

— И что?

Незнакомец пожал плечами:

— Можешь взять её себе.

— А-а… Спасибо.

Подобное великодушие немного успокоило Серёжку, но он по-прежнему держался бочком, насупившись, прям-таки со звериной осторожностью. Мне же оставалось лишь моргать, так как по неизвестным причинам я вовсе не ощущал никакой опасности.

— Да не за что.

— А как звать того мальчишку?

— Дима, — машинально ответил незнакомец. — Но он не из твоей деревни. Из соседней.

— А откуда вы знаете, из какой я деревни? — Подозрительность в голосе Серёжки сменилась неприкрытой воинственностью.

— Так я вас всех знаю, — хмыкнул незнакомец. — В определённом смысле я живу ради вас.

Это прозвучало довольно странно, и я скосился на Серёжку. Он тоже выглядел сбитым с толку.

— Как так? — спросил он.

— Ну вот, как-то так, — отозвался незнакомец. — Ведь ты же любишь лето? И друг твой, — он кивнул в мою сторону, — тоже любит. Правильно?

— Угу.

— Вот потому я и знаю вас.

Серёжка растерянно посмотрел на меня, затем вновь повернулся к незнакомцу.

— Вы кто?

— Июль.

Ответ поразил нас обоих. От неожиданности я даже выпустил порядком уже запыхавшегося жука, и тот плюхнулся куда-то в траву. Я хотел было нагнуться и подобрать его, но передумал.

— Что значит июль?

— Имя моё. Меня зовут Июль.

— Чепуха какая-то, — запротестовал Серёжка. — Июль — это месяц! Не бывает таких имён.

— Верно, месяц, — согласился незнакомец. — И ещё моё имя. Я и есть месяц Июль. А придёт август, я стану Августом.

Серёжка надолго замолчал. Я же тщетно пытался переварить услышанное — было во всём этом что-то мистическое, даже сказочное…

Сам не понял, как спросил:

— Вы — лето?

Июль ласково улыбнулся, и мне вдруг стало очень легко на душе. В тот момент я окончательно убедился, что опасаться этого человека не стоит. Чудак? Всякое может быть. Но зла он не причинит. В глубинах его глаз не скрывалось никакой угрозы. Он просто гулял, он…

— Да, я — лето, — сказал Июль. — Вернее, лето — это я.

— Ничего не понимаю, — рассердился Серёжка. — Лето — это время года, а июль — название месяца. Вы не можете быть летом.

— Это почему же?

— Ну-у… потому что… — Серёжка замялся. — Просто не бывает такого!

— Серёж, — впервые прозвучало его имя, и Серёжка аж подпрыгнул от удивления, — ты веришь, что бедная Варя плачет ночами у озера, где утонула? Веришь ведь, да? Так почему не хочешь поверить в меня?

— Потому что там привидение, — и глазом не моргнув, заявил Серёжка. — Привидения существуют — это всем известно! А вот про то, чтоб лето по земле разгуливало, такого я что-то не слышал.

— Значит, будешь первым, кто об этом расскажет, — улыбнулся Июль, пожёвывая тростинку. — Время года ведь наступает, приходит. Ты сидишь в школе, слушаешь урок Нины Васильевны и наблюдаешь, как за окном зима сменяется весной. Так уходит одна пора, и приходит другая. Так прихожу и я.

То, что Июль знал имя нашей классной руководительницы, поразило ещё больше, чем то, что он знал наши имена.

— Это как в сказке, что ли?

— Ну да, — кивнул Июль.

— Не бывает такого, — огрызнулся Серёжка. Тем не менее в его словах чувствовалась неуверенность.

— А чего вы сейчас хотите? — отважился я на очередной вопрос.

— Ничего, — сказал Июль, — просто гуляю. Мне порой интересно посмотреть, что и как в этом мире делается. Пройтись по полю, понаблюдать

за рыбой в реке, подремать в тени деревьев где-нибудь на опушке леса, поглядеть, как резвится ребятня. Ведь я, в большей степени, живу детством — верой, что вы меня ждёте, радуетесь мне. Я есть только до тех пор, пока нужен.

— А как же остальные времена года? Весна там, зима?

— У них свои предпочтения. Весна живёт влюблёнными, их радостью, биением их сердец. Осень — воспоминаниями стариков, меланхолией. Зима, конечно, та ещё злюка, — Июль усмехнулся, — но и у неё случаются хорошие моменты. Ей льстит детская вера в чудеса перед новогодними праздниками, снежки и всё такое.

— И они тоже гуляют?

— Иногда. Тут всё зависит от настроения.

— Ерунда, — настаивал Серёжка. — Всё равно так не бывает.

— Отчего же? — Июль сорвал травинку, покрутил её в пальцах. — Видишь? Трава же бывает. И рыба, которую ты ловишь, — она тоже бывает. Серёжа, а то, с какой радостью ты бросаешь в угол портфель, когда последние уроки окончены и наступает пора летних каникул; то, с каким нетерпением помогаешь своей маме собираться и с каким предвкушением вы едете сюда, — это ведь бывает?

— Это не одно и то же.

— Да, но одно зависит от другого. Не будь меня, ты бы перестал радоваться, загрустил. Не будь твоей радости, не было бы меня. Понимаешь?

Я понимал. Я смотрел на этого человека, назвавшегося Июлем, и мне было ясно, что он имеет в виду. Всё взаимосвязано. Мы радуемся солнцу, и солнце радуется нам. Мы ждём лета, а лето ждёт нас.

Просто… лето порой тоже хочет погулять.

— А что будет, когда я вырасту? — вдруг спросил Серёжка.

Я и сам собирался задать подобный вопрос, мысленно шёл к нему, но он ещё не успел оформиться у меня в голове.

— Так ведь родятся другие дети, которые будут радоваться мне, — ответил Июль. — А ты, повзрослев, начнёшь ценить какое-нибудь иное время года, и тем самым будешь помогать уже ему.

Серёжка нагнулся ко мне и прошептал:

— Шизик какой-то. Давай-ка убираться отсюда.

Я удивлённо глянул на друга: настолько меня поразили его слова.

Неужто он не понимает, неужели не видит? Как же так?! Я хотел было что-то сказать, но у меня будто ком застрял в горле.

— Всё нормально, Жень, — подбодрил Июль. — Идите. Не стоит ничего говорить.

Серёжка схватил корзину-бочку и быстро потащил её прочь.

— Ты идёшь? — крикнул он мне, не оборачиваясь.

Я продолжал разглядывать незнакомца, а тот, в свою очередь, с прищуром смотрел на меня.

— Как? — только и спросил я.

— Пока ты веришь, я знаю, — ответил Июль. — Не забивай этим голову, наслаждайся и дальше своим временем. А что касается твоего друга, то он просто начал взрослеть. И это не его вина, что он видит во мне угрозу вместо волшебства. Ничего дурного здесь нет.

Его слова меня слегка задели.

— А я разве не начал взрослеть?

— Детство ещё крепко в тебе. Ты непредвзят и веришь в чудеса, а это самое главное. У тебя есть воображение, Женя, не потеряй его.

Серёжка уже отошёл метров на десять, когда понял, что я не иду следом.

— Ну, ты чего?! — крикнул он с плохо скрываемой злостью. — Давай живей!

Я глянул на друга и повернулся к Июлю.

— А что будет потом?

— Этого я тебе сказать не могу, — улыбнулся он. — Твоя жизнь на то и твоя, чтоб оставаться тайной и оттого интересной. Сам же я некоторое время посижу здесь, а затем отправлюсь куда-нибудь ещё. В мире есть множество мест, куда стоит заглянуть.

— Жека! — настойчиво позвал Серёжка.

— Теперь иди, — кивнул Июль. — Не стоит вам с ним ругаться, успеется.

— Когда я снова вас увижу?

— Как только закончится очередная весна, — подмигнул Июль. — С первым солнечным лучом первого летнего месяца я буду заглядывать к тебе в гости.

Я развернулся и побрёл прочь, сам себе на уме, не замечая ничего и никого вокруг — ни травы, ни жуков, ни Серёжкиной брани. Мысли волчком крутились в голове: что же всё-таки имел в виду этот Июль?

— Ребята, не теряйте воображения!

Мы обернулись, но поляна была пуста, лишь тихо урчала вода в реке, стрекотали кузнечики, да вдали, в деревне, заливалась лаем какая-то собачонка.

* * *

А дальше всё пошло само собой.

Мы вернулись в дом, и Серёжка рассказал обо всём матери. Та слушала и хмурилась, даже решила сообщить новость соседям — так, на всякий пожарный. Ночью же я вновь читал страшилки из сборника, но разные мысли донимали меня, и потому я никак не мог уследить за сюжетом…

Чудеса и диковины! Передай дальше.

Как-то так назывался рассказ, однажды вычитанный мною в найденном на чердаке фантастическом журнале. Что-то волшебное было в этих словам — надежда, своеобразная вера в светлое и прекрасное. Может, даже призыв к действию?

Тогда я даже и не догадывался, что повесть о мальчике Дугласе, который любил лето, и этот странный рассказ написал один и тот же автор — настоящий Волшебник! Что же узнал он такого, чего не знали остальные? Что увидел? Быть может, в своё время он тоже повстречался с путешественником, которого звали Июль? Лето посоветовало не терять воображения, и он его не потерял…

Так я и уснул — с открытой книгой и включённым фонариком.

В те дни предчувствие чего-то плохого больше не донимало меня. Лишь однажды я ощутил нечто этакое: когда уезжал от лучшего друга в жаркий и душный город, к телевизору и запаху отцовского пота. «Скоро встретимся», — хлопнул меня по плечу Серёжка. И тут я увидел всё это — своё ожидание надвигающейся беды — в его глазах. Там эта беда и таилась, оттуда и брало начало моё предчувствие.

Автомобиль мчался по просёлочной дороге, вздымая облака пыли, а я, погружённый в раздумья, трясся на заднем сиденье. В какой-то момент я даже испугался, что с Серёжкой приключится несчастье, что он не вернётся, и я никогда больше его не увижу. Но чуть позже я вспомнил слова Июля: он просто начал взрослеть.

Что ж, ответ скрывался именно здесь.

Минуло полгода, зима развернула над городом своё покрывало, а я стал замечать, как Серёжка постепенно от меня отдаляется. В нём произошли разительные перемены. Наши с ним дороги сошлись вместе, переплетались какое-то время, а после начали расходиться. Я потерял друга, вместо него у меня появился приятель — человек, с которым можно поговорить на отвлечённые темы, выпить бутылку-другую пива. Но не мечтать. Не вспоминать. Не обсуждать. Ведь интересы у нас отныне тоже стали разными.

Наши жизненные пути удалялись друг от друга всё дальше и дальше. Так, со временем, я потерял и приятеля.

* * *

До сегодняшнего дня, когда я проснулся и взволнованно уставился в окно, откуда мне улыбался Июль. Нет, в этот раз он не был человеком, одна сплошная магия — озорной луч на полу, затаившийся ветер в кронах деревьев, золотистые отблески на карнизе, неугомонная бабочка-капустница, ткнувшаяся в стекло и умчавшаяся прочь. Но Июль определённо был здесь, я чувствовал его присутствие.

— Куда это ты? — поинтересовалась жена.

— Надо!

И, даже не закрыв за собой дверь, устремился на улицу.

Весь день я бродил по местам своего детства, с тоской отмечая, сколь многое изменилось за минувшие годы. Наверное, впервые мне стало грустно оттого, что нельзя ничего вернуть — хотя бы на пару часиков! — просто чтоб насладиться, вновь ощутить в себе это чувство. Радость и волшебство.

— Чудеса и диковины, — шептал я.

А потом вот решил наведаться на старую квартиру друга. Я не особо рассчитывал застать его там, думал, Серёга разбогател, давно уже перебрался в другой город…

Дверь мне открыла незнакомая и, судя по виду, сильно уставшая женщина. Я представился, поинтересовался, здесь ли обитает такой-то, — и был приятно удивлён, когда она раздражённо крикнула в пыльную глубь комнат: «Э, тут к тебе пришли!» Так мы оказались в убогой кухоньке, где обрюзгший и облысевший Серёга пытался впихнуть мне стопку дешёвой водки. Женщина была его женой, звали её Марина. Она злобно прицыкнула, когда её муж с довольным видом потащил меня на кухню, где целеустремлённо принялся греметь посудой.

Что же с ним произошло?

— Всё равно он был ненормальным, — пробурчал Серёга, глядя на меня слезящимися глазами. Каким-то невероятным усилием воли он сумел одержать верх над своей памятью. То, что его так растрогало, теперь постепенно уходило. — Гребаный Июль! Не-е, Женек, ты меня, конечно, извини, но я ж тебе не сопливый пацан, чтоб верить во всю эту хрень.

Плеснув ещё водки, Серёга быстро опрокинул её в себя. Звучно выдохнул и заел куском чёрствого хлеба. Алкоголь окончательно разрушил волшебство, готовое вот-вот пробудиться. И мне вдруг показалось, будто Серёга и вовсе не хочет, чтобы тот озорной темноволосый мальчуган, каким он некогда был, возвращался. И ещё мне показалось, что Серёга даже боится этого мальчугана. Может, ему просто было стыдно?

Он снова потянулся к бутылке.

— А сам-то ты как? — пробормотал заплетающимся языком. — Где работаешь? Семья там, дети?

Всё умерло. Начались скучные разговоры на отвлечённые темы, и мне оставалось лишь вздохнуть. Сегодня я вновь почувствовал прикосновение детства, но так и не сумел его отыскать. В принципе, глупо было даже пытаться. Ведь нельзя вернуть то, что безвозвратно ушло. Не-а, нельзя…

А ещё я подумал, что, наверное, мы просто безнадёжно повзрослели.

Не дождавшись ответа, Серёга осушил стопку.

— Э-эх, хороший продукт!

И внезапно его повело, взгляд утратил фокус, и Серёга, что-то бубня себе под нос, повалился на стол. Я испугался, даже вскочил со стула, но, услыхав размеренный храп, всё понял.

Потоптавшись некоторое время на кухне, я вышел в прихожую и позвал Марину.

— Чего?

— Кажись, он это… готов, — сказал я.

— Опять уделался, что ли? — рассердилась она. — Ничего, пусть там и дрыхнет, алкаш треклятый! Скотина! Ему не привыкать. Да и вы все задолбали уже! Ходите-бродите, пьянствуете тут. Житья от вас нету!

Не дожидаясь, пока она окончательно разъярится, я поспешил уйти.

* * *

Замерев посреди двора, растерянный, я смотрел на резвящихся в песочнице детей, и на оккупировавших лавочки стариков, и на говорливых мамаш с колясками. Их тени причудливыми фигурами скользили по земле, в то время как послеобеденное солнце лениво плыло в синей густоте неба. Кругом порхал тополиный пух, жужжали шмели. И где-то вдалеке погромыхивал допотопный, с облупившейся по бокам краской, трамвай. А в лицо мне дышало зноем. Веяло городом, но то была не вонь урбанизации, нет. Что-то совершенно иное. Что-то повседневное, привычное и потому не замечаемое.

Я поглядел себе под ноги и с удивлением обнаружил несколько суетливых муравьёв, спешащих по своим делам. А у подъезда величественно восседал огромный рыжий котяра, насмешливые глаза которого были такими же рыжими, как и его шерсть. И всё это словно бы складывалось в цветастый калейдоскоп из пёстрых образов и дурманящих запахов, проникало в самую душу. Несмотря на разочарования дня, хотелось мчаться незнамо куда, и дышать полной грудью, и ликовать без всякой на то причины, и просто жить!

И тогда меня осенило: волшебство… — я ведь вовсе и не утратил его, как мне показалось. Магия лета по-прежнему была здесь, наполняя пространство вокруг, и Июль стоял где-то рядом. Он добродушно поглядывал на меня и, быть может, загадочно улыбался. Он был всё такой же — высокий, загорелый, с неопределённого цвета глазами и неизменной тростинкой во рту.

Я буквально слышал его слова:

— Не теряй воображения.

И от этого становилось легче. Июль был здесь, — детвора радовалась ему, пусть и не осознавала этого, да и мамаши со стариками тоже радовались. И даже котяра у подъезда казался вполне довольным его появлением. Ведь дело совсем не в возрасте, верно? Дело в воображении. Июль живёт именно там, где сохраняется и детство, и вера, и волшебство.

И теперь, когда я наконец понял это, мне осталось лишь повторить слова Волшебника, сказанные им задолго до моего рождения.

А потому, улыбнувшись лету, я прошептал:

— Чудеса и диковины, передай дальше… УС

Молитва о предателе

Влада Ладная (псевдоним)

Родилась в г. Железнодорожном. Окончила филфак МОПИ им. Н. К. Крупской. Училась в творческой мастерской Андрея Кучаева при Союзе писателей СССР. Поменяла полтора десятка профессий: работала редактором в библиотеке им. В. И. Ленина, секретарём в Ассоциации промышленников и предпринимателей России, кадровиком, медсестрой, уборщицей, художником, сторожем, продавцом. Двадцать лет преподавала литературу в средней школе и в высшем учебном заведении. Жила на Камчатке. Автор романов, учебников, пьес, статей. Член Союза писателей России. Награждена медалью М. Ю. Лермонтова. Медаль «За верное служение отечественной литературе», имеет немало дипломов литературных конкурсов и призов.

Новелла в стиле фэнтези

— Встать, суд идёт!

Ах, да, действующие же лица.

Судья — сама История.

Прокурор — сталинское время.

Адвокат — Вечность.

Присяжные заседатели:

1. Белки.
2. Горы.
3. Отдыхающая.
4. Уцелевший житель Атлантиды.
5. Море.
6. Житель Москвы 1812 года.
7. Солдат вермахта.
8. Боец Красной Армии.
9. Романтик.
10. Прагматик.
11. Работница культуры.
12. Граф Воронцов.

Подсудимый — Степан Григорьевич Щеколдин.

Потерпевший — Воронцовский дворец в Крыму.

Заседание проходило в парке. Сумасводяще пахли вьюнки, маки, лаванда. Закипали рододендроны, жасмин, пионы и примулы.

— Ах, Крым, божественно! — немедленно заверещала отдыхающая. — Итальянская конфетность — и скифская степная дикость. Древнегреческий трагический след — и мавританская восточная расслабленность. Татарские минареты, сталинские дачи, загадочные скальные города Атлантиды. Пальмы и ковыль, розы и сталагмиты. Одно перечисление эпох и народов, оставивших тут свой след, звучит как поэма. Греки, тавры, генуэзцы, Крымское ханство. Тут жил Овидий, здесь Орфей спускался в ад за своей Эвридикой, несчастная Ифигения была перенесена сюда Артемидой.

Пушкин и «Бахчисарайский фонтан». Толстой и «Севастопольские рассказы». Чехов и «Три сестры». Макс Волошин, Марина Цветаева, Иван Шмелёв.

Крещение святого Владимира. Оборона полуострова во время Великой Отечественной.

— Сейчас не время и не место, уважаемая заседательница, — сурово оборвал её прокурор.

— И вы в самом деле стали бы счастливее, если бы это произошло? — пристал к нему как банный лист Романтик.

— По крайней мере, он спас огромные материальные ценности! — сыто проурчал Прагматик.

— Он нарушил приказ, — отрезал Прокурор. — Он работал на врага. Этим всё сказано.

— Да в чём суть дела? Ничего не понимаем! — застрекотали белки из парка.

— В 1941 году, когда нашими войсками был оставлен Крым, руководство приняло решение взорвать Воронцовский дворец, чтобы он не достался фашистским оккупантам, — отрапортовал прокурор. — Подсудимый объект сохранил. Хуже того, когда пришли гитлеровцы, стал с ними сотрудничать. Они назначили Щеколдина директором музея. И обвиняемый проводил экскурсии для немецких захватчиков. Словом, вёл предательскую деятельность.

— Да он же делал это, только чтобы сберечь в целости шедевр отечественной архитектуры, построенный, между прочим, крепостными мастерами из Владимирской губернии. Народное достояние Степан Григорьевич сохранил! — попыталась оправдать изгоя работница культуры. — Даже дважды. Не дал взорвать дворец, когда отступали наши. И защитил его от уничтожения, когда из Крыма драпали немцы, тоже решившие уничтожить памятник. Щеколдин — герой и спаситель!

— Крым! Ах, Крым! Прелесть какая! — вновь встрепенулась отдыхающая. — То вяжет петли арок, как кружевную салфетку, то водопадствует в море уступами и вдруг впрыгивает в волшебный фонарь какого-нибудь античного храма. То меняет местами подземелья и ласточкины гнёзда. Перемешивает балконы, козырьки, мостики и изломы, артритные деревья, знаете, в наростах таких. Идёшь вверх, — а приводит вниз. Стекаешь вниз, — и неведомо как вспархиваешь. Крым словно отменяет законы земной физики, вживляет марсианское в наше. Словно лента Мёбиуса ожила — и давай шалить и безобразить.

— Да не о том сейчас! — прикрикнула судья. — Не мешай те изучать вопрос.

— Как не о том? — Об этом: о волшебстве Крыма, о его красотах, — влезла без спросу работница культуры. — О том, что уникальные достопримечательности этих мест надо сохранять, а не стирать с лица земли.

— Для врагов сохранять? — возмутился боец Красной Армии. — Ещё одна предательница. А знаете, куда предатели попадают? В девятый, самый страшный круг ада!

— Это недостойное заявление для убеждённого атеиста, — оскалился Прокурор. — Но, по сути, верно.

— А вот мы, жители Атлантиды, осколком которой является Крым, всё бы отдали, чтобы наши культурные ценности дошли до вас, чтобы память если не о людях, то хоть о цивилизации осталась. А то целый материк исчез, и никаких следов. Так, легенда одна уцелела, в которую только полудурки и верят.

— Мы романтики, а не полудурки, — обиделся Романтик.

— Я считаю, — заявила адвокат, — что уничтожать шедевры нельзя. Они принадлежат не политическому режиму. Искусство принадлежит всему человечеству, принадлежит мне, Вечности.

— Зер гут! — согласился солдат вермахта. — Мы ходить на экскурсии в музей. Очень познавательно, очень полезно.

— Вот! Глядишь, и в фашистах прекрасное человеческие черты пробудит! — размечталась работница культуры.

— Ага, — поддакнул с сарказмом солдат Красной Армии. — То-то они любовались-любовались на это искусство, а как отступать — камня на камне решили не оставить.

— Принадлежит всему человечеству? — возмутился житель Москвы 1812 года. — А как же патриотизм? Выходит, мы Москву-матушку зря сожгли? Она всего человечества собственность, значит, и французов? Пускай, то есть забирают? В огне, между прочим, тогда столько сгорело аристократических дворцов со всей начинкой — десятки Эрмитажей хватило бы битком набить! Страна разорилась после этого пожара. Но мы ничего не пожалели. И благодаря этому супостата одолели, войну выиграли, Бонапартишку до самого Парижу гнали. А если бы тогда тряслись над шедеврами, России бы не было давно!

— Да, прежде всего это национальное достояние, и мы вправе делать с ним что угодно, — проскрипел прокурор.

— И где же тогда заканчивается патриотизм и начинается варварство? — придралась культработник.

— Вы хоть бы моего мнения спросили, — возмутился потерпевший, сам Воронцовский дворец, расправляя на ветру свои восточные башни и зубцы, распахивая навстречу морю мавританскую кружевную арку. — Лично я счастлив, что мне сохранили жизнь и я могу веками служить своей родине. Предлагаю подсудимого оправдать и наградить. Он страну обогатил.

— А если бы История, дама капризная, по-другому повернулась и сейчас по дворцу американцы гуляли, тогда вы как бы запели? Тоже наградить отщепенца стремились бы? — набычился прокурор.

— Я готов красотой воспитывать и исцелять любого. Как врач не спрашивает национальность пациента, если это, конечно, не Менгеле, — смиренно ответствовал дворец.

— Красотой воспитывать! — взвизгнула опять отдыхающая. — Горы жёлто-фиолетовые, как анютины глазки. Море, словно синяя птица счастья. Деревья, как руны, вычерчивают своими телами послания. Признаются нам в любви или стихи свивают, будто гнёзда. А может, пророчествуют, предупреждают о бедах. И мы могли бы спастись, если бы умели эти руны читать.

Поместье: английский неприступный замок, настоящая смертельная ловушка с губительными узкими коридорами, — и восточный ковёр, брошенный к ногам, сама нега и роскошь. Бойницы в форме замочных скважин, мосты, кованые фонари, контрфорсы, хаос камней. И солнце налито в парк, как вино в бокал. Перепутанные корни свисают гобеленами. Сосны в чешуе, как красные драконы. Запах хвои, соли и алычи.

— Да хватит! — заткнула ей рот судья.

— Нельзя произведения искусства делать заложниками политики, её жертвами. Картина мира постоянно меняется. Сегодня это наше, завтра нет, послезавтра, глядишь, опять нам досталось. Если мы будем уничтожать прекрасное каждый раз, когда ветер не в нашу сторону подует, будем жить в пустыне, — веско подытожил граф Воронцов, бывший владелец дворца. — И лично я каждый вечер возношу молитвы за раба Божьего Степана, за человека, который спас моё детище.

— Какой добрый! А Пушкина-то в северную ссылку загнал своими доносами, — позлорадствовал прокурор. — Что, кстати, ему же и на пользу пошло: гением там со скуки стал, не то профукал бы свой талант по танцулькам и пьянкам. И гениев ваших, и на-

род надо драть как сидорову козу. Только из-под палки и работают. Вот вы Пушкину зло причинили, а какая польза России вышла!

— Сколько ж можно людей палкой воспитывать? И как надо народ презирать, чтобы такое о нём думать? — взвыла культработник.

— Ну, вы ведь рады, что такую благодать удалось сохранить? — пытала Вечность судью.

— Дело не в обывательских сюси-пуси, а в том, чтобы свой долг выполнять. Щеколдин свой долг не соблюл, — огрызнулся солдат Красной Армии.

— Так что же важнее: любовь к Родине — или любовь к прекрасному, к искусству? — провокационно прицепился романтик.

— Ты ещё спроси, что важнее: любовь к Родине — или общечеловеческие ценности, под флагом которых перестроечный деятель разбазарил земли, оплаченные нашей кровью, — ответствовал боец Красной Армии.

— Ладно, — решила закругляться судья. — Подсудимый, вы после изгнания нацистов получили десять лет сталинских лагерей за то, что спасли для немцев дворец. Жалеете ли вы о чём-нибудь?

— Я спас дворец не для фашистов. Я просто его спас. В конце концов, он достался России. И я ни о чём не жалею.

— Нераскаявшийся преступник, — с людоедским удовлетворением процедил прокурор.

— До каких пор можно людей за добро злодейством благодарить? — отчаялась сама Вечность. — И вы ещё удивляетесь, что они теперь равнодушно проходят мимо любой мерзости. Вы же воспитываете это в людях с исключительной старательностью. Так народ превратится в стадо, у которого нет чувства родины и умения различать добро и зло.

— Вот и я думаю, — булькнуло море. — Стоило ли совершать бедняге Щеколдину добро по отношению к людям, этим неблагодарным свиньям? Стоит ли вообще метать перед ними бисер?..

И весь Крым погрузился в раздумья, этот край — полукромлех, полушанхай. Его особняки, пузатые, словно московские купеческие комоды, но с испанскими романтическими решётками, как в пьесах Лопе де Веги. Его будки, готические галереи, арыки, хрустальные храмы в вышине. Доисторические камни вечных городов и фанерные заплаты на них, ржавые бочки бомжатника, простоватые веранды средней полосы России, но обсаженные кактусами и верблюжьей колючкой. Убогие дощатые пристройки при беломраморных античных бельведерах. Поморские избы с греческими портиками. Татарские сакли с парижскими мезонинами. Белёные хаты со стеклобетонными холлами. Ступени горных лестниц, растекающиеся, как блинное тесто, кривящиеся, как паралитики, извивающиеся, как индийские танцовщицы, хлещущие по ногам, как кнут.

Водостоки закрученные, словно трубка Шерлока Холмса. Трепещущие полосатые маркизы. Все окна пронзительно синие и все ворота неуступчиво зеленые. Тротуары, лестницы и крыши то опадающие, как листья, то взлетающие, как чайки.

Полуостров, сиреневый, словно голубь, и изящный, будто лепесток магнолии, обуреваем был видениями. Ему казалось, он отрывается от земли и отправляется куда-то, откуда родом атланты, к звёздам, туда, где хранится сердце Вселенной. И это сердце — вылитый Воронцовский дворец, само совершенство. Только там, в космосе, его купола и минареты, готика и розы вылеплены из млечной пыли и перьев из крыльев херувимов.

Что было бы, если бы модель Вселенной на земле уничтожить?

Вдруг рухнул бы и весь космос?..

— Суд удаляется на совещание, — без всякого выражения резюмировала История. УС

«Чернобыль, Чернобыльник —
вид многолетних травянистых растений
рода Полынь семейства Астровые»
(Энциклопедия лекарственных растений)

КРИОбудущее

Павел Подзоров

Родился 16 июля 1975 г. в Белоруссии, в городе Бобруйске, где в настоящее время живёт и работает. Образование высшее. Женат, два сына. С детства увлекается научной фантастикой. Собирает библиотеку. Интересы кроме литературы: философия, занятия айкидо, русская баня. Не мыслит жизни без книг. Читает каждую редкую свободную минуту. Очень бы хотел снова жить в самой читающей в мире стране. Публиковался в различных журналах в Беларуси, Украине, США (на русском языке). Дипломант различных литературных конкурсов.

Стеклянная дверь Криоцентра бесшумно закрылась за спиной, словно разделив два мира: навсегда оставленного прошлого и неведомого будущего…

Отступать поздно. Джек Сэлтон на ставших вдруг ватными ногах направился к стойке администратора, где предъявил личный жетон клиента с выбитым на нём номером и датой, после чего был направлен в кабинет профессора.

* * *

— Итак, Ваше решение не изменилось, мистер Сэлтон? — профессор смотрел на клиента, не пытаясь скрыть равнодушия. — Вы хотите подвергнуться консервации в криокамере бессрочно, пока не изобретут лекарство, полностью излечивающее лучевую болезнь? Верно?

Сэлтон кивнул, пытаясь унять предательскую дрожь в руках.

Чёртова болезнь! Ведь его уверяли, что специальный костюм компании «Космолимитэд и К» надёжно защитит от радиации. Три миллиона долларов! И всё — коту под хвост. Правда, защита всё-таки работала. Иначе бы он свалился с ног через трое суток, как эта краснокожая голытьба, нанимаемая им через специальных агентов в трущобах для тех, кому уже нечего терять.

Самые крепкие из них выхаживали четверо суток. Потом у них носом, ртом и даже из ушей начинала идти кровь, они слабели и наконец падали, чтобы больше уже не подняться.

Сэлтон усмехнулся. Всё равно единовременное мизерное пособие их семьям выходило в разы дешевле каких-либо защитных костюмов.

Да и навалом этого сброда, как грязи. А их страдания Сэлтона не интересовали. Он бизнесмен. И деньги — превыше всего. А за демонтаж отслуживших реакторов правительство платило очень щедро, закрывая глаза на то, что замечать и не стремилось.

И это не считая того, что часть радиоактивного мусора он сбывал налево. Были ли это террористы, использующие его для «грязных бомб», или кто-то ещё — ему безразлично.

И вот теперь, имея капитал с множеством нулей, он, как эти краснокожие оборванцы, подхватил болезнь, которая, как оказалось, неизлечима.

Но Сэлтон был не таков, чтобы безропотно сдаться. Узнав о Криохранилище, он перевёл все свободные деньги в золото и драгоценные камни, разместил их в Швейцарском банке под хороший процент и, оплатив баснословный взнос, удостоился чести быть замороженным на века. Сэлтон не сомневался — рано или поздно эти башковитые парни — учёные — изобретут способ лечить и эту болезнь.

А жить в мире будущего, да ещё с кругленькой суммой, весьма заманчиво.

Агент, правда, настаивал на выплате дополнительных пенсий всем вдовам и детям, потерявшим кормильцев на разборке реакторов. Но что ему до этих нищих, которые всё равно скоро передохнут от голода и болезней в своих резервациях?

Особенно теперь, когда перед ним — Будущее…

* * *

Саркофаг медленно закрывался. Сэлтон, под завязку накачанный какими-то препаратами, был на удивление спокоен. Сейчас закроется крышка и он уснёт. Возможно, навсегда. Последнее, что он услышал, это гудение непонятных аппаратов и голос профессора:

— Прощайте, мистер Сэлтон. Передавайте привет будущему …

И всё поглотила темнота.

* * *

— С пробуждением, эээ… мистер Сэлтон. — Голос, принадлежащий мужчине средних лет, был ровен и сух. — Вы меня слышите?

Сэлтон открыл глаза. Похоже, палата криоцентра. Только окна не видно.

«Неужели ничего не вышло?» — подумал он.

Медбрат (?) в жёлто-оранжевом комбинезоне, внимательно за ним наблюдавший, холодно кивнул:

— Не сомневайтесь. Ваша авантюра удалась. Сейчас на Земле XXIV век. И Вы полностью здоровы.

Горячая волна радости охватила Сэлтона. Он здоров! В будущем. Впереди новая жизнь. Конечно, он пока не знает устоев этого общества, но нет и тени сомнения, что и здесь он найдёт способ заработать звонкую монету.

— Я в больнице? А мой Капитал? Надеюсь, проценты за эти годы начислялись исправно? — Он ухмыльнулся. — Итак, благодарю Вас. Когда я могу выйти отсюда и забрать свои сбережения?

— Боюсь, всё не так просто, мистер Сэлтон, — проговорил собеседник. — У Вас больше нет никакого капитала.

— Нет?!! — Взревел Сэлтон, пытаясь сесть на кровати. — Как?.. По какому праву?.. Да я вас всех засужу! Не думайте, что если я из прошлого и не имею тут знакомств, то меня можно легко облапошить.

— Успокойтесь. В мире больше нет денег! Необходимость в них отпала ещё в начале XXII века.

Но ещё до того решением комиссии по социально-этическим вопросам Ваш капитал был изъят и направлен на оказание помощи семьям всех тех, кого Вы погубили в своей погоне за наживой.

Сэлтон нахмурился. «Чёртовы слюнтяи! Лишили его всего ради кучки отбросов общества». Его разум отказывался принять мысль, что денег больше нет вообще!

«Тем лучше, — думал Сэлтон. — Я найду им равнозначную замену и смогу добраться до вершин этого мирка, войти в его Элиту». В том, что эта Элита существует, он ничуть не сомневался.

— Однако это ещё не всё, ммм… мистер Сэлтон. — Было видно, что слово «мистер» даётся собеседнику с трудом. — Из соображений гуманности мы излечили Вас. Но…

— Что ещё за «но»?!. Я не могу больше оставаться здесь. Я желаю уйти.

— Вы правы. Задерживать Вас здесь дальше я не имею права… Но и уйти Вы не сможете.

Молодой человек встал. Его тон стал строго официальным:

— Согласно решению суда, по ходатайству комиссии по социально-этическим вопросам при Всемирном Координационном Совете Вы признаны виновным в бесчеловечном отношении к людям! Что квалифицируется, как преступление против человека! В соответствии с Кодексом «О Преступлении» и Пунктом 5/16 всемирного меморандума «О воздаянии», Вы приговариваетесь к отправке в Прошлое. Место и время искупления выбраны с учётом совершённых Вами злодеяний…

Сэлтон хотел вскочить и вцепиться в горло этому наглецу с приговором, но внезапная слабость овладела им, и он потерял сознание.

* * *

Местность внизу выглядела вполне безобидно. Появился и быстро промелькнул зелёный ковёр леса, небольшой городок, поле… Впереди вырисовывались очертания Станции, которая быстро приближалась…

«Летающая тарелка» автоматического времеатрона зависла на небольшой высоте. Сэлтон тоскливо огляделся. Попыток убежать он больше не предпринимал. Интелком*, управлявший всеми системами летательного аппарата, без труда пресекал предыдущие попытки, при этом весьма чувствительно «наказывая» беглеца ударами электротока. Разряд был рассчитан так, чтобы не причинить вреда его здоровью, но достаточно чувствителен, чтобы отбить охоту повторять такие попытки.

Вокруг было непривычно тихо. Даже птиц не было слышно. Но это была тяжёлая тишина. Казалось, она сама вибрирует, издавая гул.

— Заключённый МСл-18, приготовиться к работе. — Металлический голос Интелкома бросил Сэлтона в дрожь. — Вы будете сброшены на крышу здания. Ваша задача: собирать наиболее заражённые обломки (наручный счётчик-указатель поможет определить, какие именно) и собирать их в контейнер — до заполнения. После будет произведена утилизация. Это должно быть сделано до приезда людей…

Людей… Эти молодые здоровые парни, которые уже ехали сюда, рисковали своим здоровьем, жизнью — по велению сердца. Защищая и спасая других людей. А он…

Сэлтон уныло посмотрел вниз. Если бы он понимал русский язык, то прочёл бы надпись из крупных букв, стоящую неподалёку: «ЧАЭС им. В. И. Ленина»**

А впереди его ждала Фукусима… УС

* Интеллект-компьютер. Автопилот нового поколения с широким диапазоном функций.
** Чернобыльская атомная электростанция.

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ

на журнал 73413 (индекс издания)

Уральский следопыт. uralstalker.com

на 20__ г. по месяцам								Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

Кому

(фамилия, инициалы)

Доставочная карточка

ПВ	место	литер

на журнал 73413 (Индекс издания)

Уральский следопыт. uralstalker.com

Стоимость	подписки	____руб.____коп.	Кол-во компл.	
	переадресовки	_____руб.____коп.		

на 20__ г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

Кому

(фамилия, инициалы)

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413.**